

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1904, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. Ф. Миллера

и

Товарища Председателя Н. А. Пилука.

МОСКВА.

Т-во Сперк. А. А. Левомощъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естество-
знанія въ Москвѣ. Тверская, Мамонтовскій пер., с. д.

1904.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Изъ исторіи русскаго былевого эпоса. III. Къ бы- лині о Глѣбѣ Володѣвичѣ. <i>А. В. Маркова</i>	1
II. Къ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ. <i>Вс. Ѳ. Миллера</i>	38
III. Бѣломорская былина и повѣсть Петровскаго вре- мени. <i>Н. В. Васильева</i>	51
IV. Смѣсь:	
1. Еще къ вопросу о презвиціи Ильи Муромца. <i>А. В. Мар- кова</i>	64
2. Былины на братчинахъ. <i>И. А. Шляпкина</i>	65
3. Къ вѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря. <i>А. В. Мар- кова</i>	66
4. «Красная смерть» у русскихъ старообрядцевъ. <i>Д. К. Зе- ленина</i>	67
5. Дѣтскія игры Московской губерніи Бронницкаго уѣзда въ с. Быковѣ. <i>В. Н. Харузиной</i>	68
6. Новыя пѣсни—частушки. По поводу войны <i>В. И. Сте- панова</i>	69
7. Причѣты, запис. въ г. Венежѣ. <i>В. Н. Харузиной</i>	71
8. Нечерскіе вѣты (Сетунезы)	71
V. Критика и библіографія:	

1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.

Hertz. *Moderne Rassen-theorien*. В. Н. X-ой (78).—Jastrow. *Die Religion Babyloniens und Assiriens*. Lief. 1—6. Е. Н. Е-ой (79).—Günter. *Ziele Richtpunkte und Methoden der modernen Völkerkunde*. В. Н. X-ой. (80).—Дирръ. Грамматика Удинскаго языка. Вс. Ѳ. М-а (82).—Коропчевскій. Первые уроки этнографіи. А. Н. Максимова (84).—Гр. Уварова. Кавказъ. Часть III. Вс. Ѳ. М-а (89).—Московская церковная старина. Подъ ред. А. И. Успенскаго, т. I, т. III. Е. Н. Е-ой (93).—Хав-

галонъ. Балаганскій сборникъ. <i>Вс. О. М-а.</i> (94).—Халанскій. Матеріалы и замѣтки по исторіи древне-русскаго героическаго эпоса. I, П. <i>А. В. Маркова</i> (97).—Нарбековъ. Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII вв. <i>Е. Н. Е-ой</i> (98).—Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія И. Р. Г. О. т. VI, вып. 2. <i>Н. М. М-на</i> (99).—Пругавинъ. Религіозные отщепенцы. Вып. I, П. <i>Е. Н. Е-ой</i> (100).—Лемже. Н. М. Ядринцевъ. Біогр. очеркъ. <i>Н. М. М-на</i> (101)	102
2. Обзоръ газетъ и журналовъ	103
3. Новости этнографической литературы	117

VI. Хроника:

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи.—А. Н. Пыпинъ (некр.) <i>Вл. Б.</i> —В. М. Михайловскій (некр.). <i>В. М.</i> —В. И. Сизовъ (некр.) <i>Вл. Б.</i> —Н. П. Припузовъ (некр.).—Былинная традиція въ Саратов. губ.—По сѣв.-западнымъ и прибалтійскимъ губерніямъ.—Къ вопросу о переустройствѣ Берл. Этно. Музея.—Къ сближенію языковѣдѣнія и народовѣдѣнія.—Значеніе фонографа для записыванія пѣсень.—Къ исторіи общиннаго землевладѣнія.—Вопросъ о полевоомъ хозяйствѣ у примитивныхъ народностей.—Записки Герберштейна.—Новый трудъ Тэйлора.—Евгеника.—Обзоръ греческихъ миеовъ.—Дорійская надпись. На о. Итаѣ.—Этно. коллекція изъ Чили, Боливіи и Перу.—На междунар. конгрессѣ американистовъ.—Въ лѣсахъ Ю. Америки.—Объ отношеніяхъ сѣв.-азіатскихъ народностей къ сѣв.-американскимъ.—Изученіе монголо-бурятскаго языка.—Саратъ-Чандра-Дасъ, изслѣдователь Тибета.—Къ изученію Китайскаго Туркестана.—Статистика Японіи.—Къ изученію австралийцевъ.—Изъ Абиссиніи.—Численность евреевъ.	122
--	-----

VII. Объявленія объ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла и другія	147
--	-----

Изъ исторіи русскаго былевого эпоса.

III 1).

Нъ былины о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ.

Записанная мною на Бѣломъ морѣ былина о князѣ Глѣбѣ („Бѣломорскія былины“, №№ 50 и 80) послужила матеріаломъ для статьи проф. В. Θ. Миллера: „Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ“ (Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія 1903 г., № 6, отд. 2, стр. 304—321). Предположительные выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, можно кратко формулировать слѣдующимъ образомъ:

- 1) Имя князя восходитъ къ Глѣбу, сыну Владимира Святого.
- 2) Былина сохраняетъ отголоски преданія о походѣ Владимира подъ Корсунь и его женитьбѣ на греческой царевнѣ.
- 3) Женская личность былины, получивъ въ XVII в. имя Марины (Мнишекъ), приобрѣла и свойства, связанныя съ этимъ именемъ въ нашемъ эпосѣ.
- 4) Редакція былины, существовавшая до XVII в., кончалась не смертью корсунской дѣвицы, а ея увозомъ.
- 5) Слѣдъ этой редакціи остался въ пѣснѣ, записанной на Терекѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ первые три вывода, остановимся на двухъ послѣднихъ. Сдѣланы они путемъ сравненія былины съ пѣсней, записанной у гребенскихъ казаковъ, и анализа содержания послѣдней. Этимъ анализомъ В. Θ. Миллеръ выяснилъ уже, что начало пѣсни, рассказывающее о плаваніи по морю тридцати кораблей съ купцами торговыми, представляетъ при-

1) См. „Этногр. Обзор.“ 1904 г. № 2.

крѣпленіе къ пѣснѣ о Маринѣ Кайдаровой другой, самостоятельной пѣсни, извѣстной и въ отдѣльномъ видѣ. Что касается той части, гдѣ говорится о Маринѣ, то, по мнѣнію автора, ее нельзя назвать въ полномъ смыслѣ слова вариантомъ архангельской былины, хотя въ нихъ замѣтны нѣкоторыя общія черты. Чтобы опредѣленнѣе выяснитъ вопросъ объ отношеніи южной пѣсни къ сѣверной былинѣ, отвѣтимъ сперва на общій вопросъ: что представляютъ собою отголоски былинной традиціи на югѣ Россіи?

Въ южной Россіи былины сохранились почти исключительно у казаковъ—уральскихъ, донскихъ и терскихъ. Цѣльныхъ былинь съ развитымъ содержаніемъ здѣсь не записано пока ни одной. Но мало попадалось собирателямъ и скомканныхъ былинныхъ версій; большинство же записей представляетъ изъ себя зачины былинь, извѣстныхъ намъ въ полномъ видѣ въ сѣверныхъ пересказахъ. Такъ, извѣстно нѣсколько записей, описывающихъ выѣздъ Дюка Степановича и его вооруженіе; у уральскихъ казаковъ записана первая половина былины о Добрынѣ и Маринкѣ; первая половина былины объ Алешѣ и Тугаринѣ записана въ одной изъ станицъ Терской области; въ Донской области нашелся болѣе обширный пересказъ, по то же нецѣльный; у терскихъ казаковъ нашлось также начало былины о Дунаѣ въ 18 строкъ ¹⁾. Записанный тамъ же отрывокъ о турахъ и турицѣ осложненъ, также какъ и интересующая насъ терская пѣсня, заглавіемъ, который не имѣетъ отношенія къ дальнѣйшему разсказу и чисто внѣшнимъ образомъ спаянъ съ нимъ: пѣвецъ предлагаетъ своимъ слушателямъ „скинуться“ по денежкѣ, купить вина и распить за городской стѣной, а затѣмъ посмотреть въ чистое поле. Затѣмъ слѣдуетъ такой переходъ къ разсказу о турахъ:

«Какъ не во далечѣ да во чистомъ полѣ
Тамъ не пылъ-кура да споднималася,
Споднимавши кура съ земли до неба:
Тамъ увидѣли два гнѣдыхъ тура...» и проч.

Это—не что иное, какъ заглавье довольно распространенной пѣсни о скименѣ-звѣрѣ. Терская пѣсня кончается эпизодомъ о

¹⁾ См. Кирѣевскій, III, 100; VII, прил. 15; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 126, 8, 188, 271, 273, 279; Сб. мат. для опис. мѣст. и пл. Кавказа, вып. XXII, отд. III. 35, 37; Этнограф. Обзор. LIII, 131—143, 125, 129; Таковы же новыя записи г. Листопадава въ Донской области, еще не напечатанныя.

турахъ и Богородицѣ, составляющимъ зачинъ былины о Василии-
пьяницѣ и Батыѣ ¹⁾).

Для сравненія съ пѣсней о Маринѣ особенный интересъ представляетъ пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ, записанная въ Грозненскомъ округѣ Терской области. Эта пѣсня начинается обычнымъ разсказомъ о столкновеніи Ильи Муромца съ разбойниками, но конецъ ея вовсе не соотвѣтствуетъ началу:

Всходитъ старинушка (Илья Муромецъ) онъ во царскій кабакъ,
И крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Цѣловальники, вы кабатчики!
Вставайте поскорѣе,
Вы налейте мнѣ зелена вина,
Зелена вина на пятьсотъ рублей,
А любимому моему товарищу—
Ему вина на всю тысячу».
Цѣловальники перепугались,
Всѣ врозь-то разбѣжались.
— Что это къ намъ пришелъ за пьяница,
Что это за питухъ такой!—²⁾

Несомнѣнно, что приведенные стихи представляютъ отрывокъ изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ и голяхъ кабацкихъ и приставлены къ первой пѣснѣ такъ же механически, какъ отрывокъ былины о Маринѣ—къ пѣснѣ о плаваніи купцовъ по морю.

Изъ всего сказаннаго видно, что былины, попадающіяся въ сборникахъ казацкихъ пѣсень, въ большинствѣ случаевъ дошли до насъ въ видѣ нѣсколькихъ начальныхъ стиховъ; изрѣдка встрѣчаются спайки различныхъ частей пѣсень и былинь. Обратимся теперь къ интересующей насъ пѣснѣ о Маринѣ Кайдаровой. Приведемъ эту пѣсню въ обычномъ литературномъ правописаніи:

И со синяго моря погодушка она чуть потягивала,
Она матченки ломала да тонки парусы рвала,
Да заносила этотъ червленъ корабль во иную землю.
Да во иной было земелюшкѣ ни царя нѣту, ни короля;
И да тамъ царюетъ, тамъ королюетъ она красная дѣвица,
Она красная дѣвица-душа, Маринушка она дочь Кайдарова.
И да корабль по морю бѣжить—она пошлину съ него брала,

¹⁾ Соболевскій I, 570. Подобный отрывокъ изъ Донской области—въ Этнogr. Обзор. LIII, 139.

²⁾ *Тихомировъ и Миллеръ*, Русскія былины, II, 272.

И да корабль къ яру да онъ подвигался—она другую съ него брала,
И да корабль нѣ ярь да онъ выгружался—она третію брала.

И да выходилъ этотъ купчинушка на свой высокій балконъ:

«Не угодно ли тебѣ, красной дѣвушкѣ, во червленъ корабль зайти,
Не угодно ли тебѣ, красная дѣвушка, всѣ наши товарушки посмо-
трѣть?»

Не понравятся ли тебѣ, красная дѣвушка, шелки, бархаты?»

Выходила она, красная дѣвица, она улыбалася,

Посмотрѣла она на товарушки, сама усмѣхнулася.

Выходилъ-то этотъ купчинушка на свой высокій балконъ,

Онъ кричалъ-то, звалъ своимъ громкимъ голосомъ:

«Вы мазурушки, мои мазурушки, мои главные приказчики!

Отрубайте канаты смоленые, подымайте парусы шелковые».

Ухватилася красная дѣвица среди моря синяго.

Начало былины о Глѣбѣ Володьевичѣ почти буквально сходно съ первой половиной этой пѣсни:

А какъ падала погодушка да со синя моря,

А со синя моряшка съ Корсунскаго...

Заносила тутъ неволя три червленыхъ три-то кѣрабля

Что подѣ тотъ подѣ славенъ городокъ подѣ Корсунъ же...

А въ томъ-то городѣ во Корсунѣ

Ни царя-то не было, ни царевича,

А ни короля-то не было и не королевича,

Тутъ жила была Маринка дочь Кайдаловича...

Они какъ вѣдь въ гавань заходили, брала пошлину,

Паруса роили—брала пошлину,

Якоря тѣ бросали—брала пошлину...

А къ мосту приставали—мостовѣ брала ¹⁾.

Что касается второй половины кавказской пѣсни, то она не соответствуетъ продолженію былины: въ послѣдней идетъ разсказъ о томъ, что корабельщики пишутъ письмо князю Глѣбу съ жалобой на притѣсненіе со стороны Марины, между тѣмъ какъ пѣсня оканчивается неожиданнымъ увозомъ притѣснительницы. Такая развязка такъ мало соответствуетъ началу пѣсни, гдѣ говорится о бурѣ и пошлинахъ, что я никакъ не могу согласиться съ В. О. Миллеромъ, видящимъ въ пѣснѣ болѣе древнюю редакцію, нежели въ былинѣ. Мнѣніе мое можно подтвердить и тѣмъ обстоятельствомъ, что увозъ дѣвицы посредствомъ хитрости представляетъ широко распространенную тему пѣсенъ

¹⁾ Бѣлом. былины, 429, стр. 251.

разныхъ народовъ ¹⁾ и общее мѣсто въ народныхъ сказаніяхъ. Что касается кавказской пѣсни, то она могла заимствовать эту тему изъ былины о Соломонѣ и Василии Окульевичѣ ²⁾ или—о князѣ Романѣ и Марѣ Юрьевнѣ. Въ этихъ былинахъ посланный царя, переодѣтый купцомъ, предлагаетъ женщинѣ зайти на его корабль и посмотреть товары, а когда она вступаетъ на судно, то онъ приказываетъ отрубить канаты, поднять паруса и увозить женщину за море. Нужно замѣтить, что только одинъ пересказъ терской пѣсни кончается увозомъ дѣвицы. Въ станицѣ Червленной пѣсня оканчивалась рассказомъ о томъ, что „Мариска съ Бутаришки“ беретъ пошлину съ кораблей; въ этомъ вариантѣ—увоза нѣтъ. Соединеніе двухъ сюжетовъ легко объясняется тѣмъ, что мѣсто дѣйствія и въ томъ и въ другомъ—одно: морская гавань.

Итакъ, обликъ дѣвицы, властительницы приморскаго города, къ которому буря пригнала русскіе корабли, чище сохранился въ сѣверномъ пересказѣ былины, нежели въ южномъ ея отрывкѣ, и нѣтъ никакого основанія думать, что болѣе ранняя редакция былины кончалась увозомъ женщины, какъ невѣсты; наоборотъ, этотъ увозъ, или похищеніе посредствомъ обмана нужно считать позднѣйшею вставкою общаго эпического мѣста.

Прежде чѣмъ разбирать другіе выводы В. О. Миллера, я укажу на одну старинную повѣсть, которая, думаю, поможетъ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, соединенныхъ съ разборомъ былины.

Я имѣю въ виду „Слово о Димитріи купцѣ, прозваніемъ Басаргѣ, и о сынѣ его Добромыслѣ“. Повѣсть эта принадлежитъ къ числу назидательно-благочестивымъ произведеній, приходившихъ въ Россію изъ Византии. Хотя Димитрій называется кievскимъ купцомъ, но приключенія случаются съ нимъ въ городѣ, который названъ въ одномъ спискѣ Антиохіей, и при томъ по дорогѣ „отъ славнаго Царяграда“. Одинъ списокъ, начинающій

¹⁾ Былина эта известна въ искаженномъ видѣ у донскихъ казаковъ. См. Этп. Обзор. LIII. 141.

²⁾ Многочисленные варианты этого сюжета указаны г. *Довнаромъ-Зановльскимъ*: Пѣсни пичуковъ 164—5. Сюда можно прибавить Великор. нар. пѣсни *Соболевскаго*, I, №№ 216—225. 244—6; Варш. Губ. Вѣд. 1897. №№ 30 и 37; *Добровольскій*. Смоленскій этногр. сборникъ. IV. 579—580.

разсказъ отъ лица самого Димитрія, прямо указываетъ на Царь-градъ, какъ на первичную географическую обстановку повѣсти: „Бысть ми нѣкогда отплыти отъ отечества своего, Царяграда славнаго, въ корабли“. Съ Димитріемъ ѣхалъ семилѣтній сынъ и девятнадцать (150) наемныхъ слугъ. Путникамъ пришлось испытать сильную бурю и великое волненіе. Тридцать дней ихъ носило по волнамъ, и наконецъ они увидали издали большой, богатый незнакомый городъ ¹⁾. Приставши къ городу, они замѣтили около него 300 (или 330) кораблей. Граждане объяснили Димитрію, что ими править поганый царь Несмѣянъ Гордѣевичъ (Гордіянъ ²⁾ Несмѣяновъ, Гордій), „елиньскія вѣры“, почитающій Аполлона; онъ принуждаетъ ихъ кланяться идоламъ и насильно приводитъ къ своей поганой вѣрѣ. Купцы и „карабельники“ ³⁾, пріѣзжающіе въ его городъ, обязаны или отгадать его три мудренныя гаданія, или принять его вѣру. Въ противномъ случаѣ, онъ сажаетъ ихъ въ темницы, гдѣ они терпятъ нужду и наготу, и запрещаетъ гражданамъ продавать имъ хлѣбы на торжищѣ, желая уморить ихъ голодомъ.

Въ то время какъ граждане разсказывали объ этомъ Димитрію, его корабль былъ взятъ подъ стражу. Взявши съ собою драгоцѣнные дары, купецъ пришелъ къ царю и сказалъ ему: „Я, купецъ Греческой земли, пріѣхалъ поклониться тебѣ, владыка царь, чтобы ты позволилъ торговать“. Царь принялъ дары, пригласилъ купца съ собою обѣдать и во время обѣда сказалъ ему: „Я тебѣ хочу дати 3 гаданія; ежели отгадаеши, то повелю торговати; ежели же ты не отгадаеши, то смерти преданъ будеши, а богатство твое будетъ взято въ казну царскую“. Купецъ попросилъ „сроку на три дня“, обѣщая на четвертый день прійти къ царю, а затѣмъ отправился на свой корабль. Увидавши, что сынъ его весело скачетъ на палочкѣ, отецъ сказалъ „изъ глубины сердца своего съ яростію:—Что, чадо мое полоненое, играеши подѣлки, отцевы печали не вѣдаеши?—Сынъ берется помочь отцу, говоря: „Конь на рати познаваемъ бываетъ, вѣрный

¹⁾ По одному списку. Антиохію.

²⁾ Имя царя, вѣроятно, восходитъ къ имени римскаго императора Гордіана; въ житіи св. Трифона разсказывается, какъ отрокъ изгналъ изъ дочери Гордіана нечистаго духа въ видѣ собаки.

³⁾ Капитаны кораблей.

другъ—у печали и бѣды“... „Азъ готовъ царю ити предложенная гаданія вся разрѣшати... Точію не скорби нынѣ, не стужай, отче, яждь, пій и веселися“. Прошло три дня. На четвертый день отецъ съ сыномъ оба явились къ царю. Царь угостилъ ихъ медомъ и предложилъ первую загадку: „Много ли есть отъ востока и до запада обхоженія всего?“ Дитя отвѣчаетъ за отца:—Гаданіе ваше, царю, невелико есть: отъ востока до запада обхожденія день есть съ нощію, понеже солнце преидетъ весь кругъ небесный отъ востока и до запада единымъ днемъ, а нощію единою идетъ солнце отъ сѣвера до юга.—Царь подивился разумному отвѣту мальчика и велѣлъ прійти ему съ отцомъ на слѣдующій день.

Утромъ у парской палаты собрались ппаты, тироны, стратилаты, воеводы, князья, земскіе бояре, великіе люди и всѣ граждане, пришедшіе посмотреть на чуднаго отрока. Царь сѣлъ на высокомъ престолѣ посреди двора и предложилъ мальчику вторую загадку: „Что есть: десятая часть въ міру днемъ убывающа, и десятая часть нощію въ мірѣ прибывающа?“ Отрокъ отвѣтилъ царю:—Не велико ваше гаданіе есть, царю; азъ ваше гаданіе разрѣшу скоро. То есть: десятая часть днемъ убываетъ—сіе изъ моря, изъ езеръ, изъ рѣкъ на всякій день воды солнцемъ усыхаютъ по всему міру; а то ¹⁾ десятая часть нощію въ мірѣ прибываетъ—ино то есть: въ морѣ, и въ рѣкахъ и езерахъ воды изъ моря прибываютъ по всей земли, занеже солнцу зашедшу за округлость земную.—

Затѣмъ царь предлагаетъ отроку послѣднюю загадку: „Что есть сіе, еже бы поганой не смѣялся?“ Мальчикъ отвѣчаетъ:—Не глубоко ваше вопрошеніе, царю, сіе. Дажь ми время точію на три дни; повели етъ три дни по всему своему граду проповѣдникомъ вопити, чтобы весь градъ, мужы, и жены и со младенцы, и совершены мужы, и дѣвицы и юноши стекошася вси на дворъ царевъ въ четвертый день.—

Когда народъ собрался и царь предложилъ свою загадку, мальчикъ сказалъ, что отгадаетъ загадку, когда царь пуститъ его сѣсть на престолѣ и дастъ ему все свое парское одѣяніе, вѣнецъ, скипетръ и острый мечъ. Желая потѣшить мальчика,

1) = что касается, лат. ut. По *Срезневскому*. пусть. да.

царь на это согласился. Тогда мальчикъ, неожиданно обернувшись, отсѣкъ мечомъ царю голову и сказалъ: „Се ти моя третьяя отгадка: не смѣйся, поганой, намъ, христіяномъ“. Затѣмъ его самого выбрали царемъ; онъ велѣлъ призвать патріарха, скрывавшагося въ пещерѣ, и былъ имъ вѣнчанъ на царство. Во время вѣнчанія вскипѣло масло, которое держали въ рогѣ надъ головою отрока. Увидѣвши это чудо, всѣ граждане единогласно вскричали: „Многа лѣта государю нашему, новому, царю младому Многославу (Добросмыслу, Борзосмыслу, Мудросмыслу) Дмитреевичю, многа лѣта!“

Затѣмъ царь велѣлъ патріарху крестить жену убитого имъ царя, которая была „вѣры латыпскія, земли Римскія“, и ея дочь, „велими красну осми лѣтъ“. Когда онѣ были крещены, онъ женился на царевнѣ и назвалъ ее Еупраксією ¹⁾. Незадолго до вѣнчанія онъ велѣлъ призвать къ себѣ изъ темницы 308 (330) человекъ купцовъ. Они пришли къ нему въ печальномъ видѣ: „быша лица ихъ аки земля, власы у нихъ до рамену, брады у нихъ до персей, а лица у нихъ изсохша отъ глада, а голоса ихъ яко пчелиныя; лежаша въ ветхихъ срапыцахъ до глезну ²⁾“. Царь устроилъ для нихъ большой пиръ и съ подарками отпустилъ ихъ домой. Затѣмъ, богато одаривши своего отца, повелѣлъ ему съ честию ѣхать въ его землю ³⁾.

Соберемъ черты, общія этой повѣсти и интересующей насъ былинѣ:

1) Обѣ начинаются описаніемъ бури, которую переносятъ торговые корабли.

2) Несмѣянъ Гордѣвичъ, самъ эллинской вѣры и имѣющій жену латинской вѣры, соответствуетъ еретицѣ, безбожницѣ Маринкѣ.

3) Царь беретъ подъ стражу корабли, засаживаетъ въ тем-

¹⁾ Это имя—въ рукописи г. Григорьева.

²⁾ До пяти (двойств. ч.).

³⁾ При изложеніи содержанія повѣсти о Басаргѣ я пользовался а) рукописью XVIII в., принадлежащую А. Д. Григорьеву; „Повесть о некоемъ кушце и сынѣ его“ находится на лист. 25—36; б) спискомъ, изданнымъ Н. Полесвымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1842 г., № 1, стр. 65—75; в) двумя списками, изданными въ Памятникахъ старины русской литературы. II. 347—356; г) замѣчаниями Пыпина въ Очеркѣ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, 95—98.

ницу „корабельниковъ“ и морить ихъ голодомъ; Маринка къ кораблямъ.—

«поставила своихъ да крѣпкихъ сторожовъ,...
Засадила всѣхъ у нихъ молодыхъ матросичковъ;...
Заморить она вѣдь хочетъ все смертью голодною
Еще тѣхъ она нашихъ молодыхъ все матросичковъ».

4) Купцу Димитрію въ его бѣдѣ помогаетъ его мудрый сынъ; корабельщикамъ, попавшимъ въ Корсунь, помогаетъ князь Глѣбъ Володьевичъ.

5) Царь обѣщаетъ позволить купцу торговать, если онъ отгадаетъ его три загадки; Маринка обѣщаетъ отдать Глѣбу корабль, если онъ отгадаетъ ея три загадки (таково количество загадокъ въ болѣе архаическомъ пересказѣ, № 80).

6) Есть сходство и въ самыхъ загадкахъ, хотя загадки въ былинѣ болѣе примитивны и наивны, нежели въ повѣсти. Первые двѣ загадки касаются явленій природы: въ повѣсти—смѣна дня и ночи и возмѣщеніе ночью воды, испаряющейся днемъ изъ озеръ и рѣкъ; въ былинѣ—смѣна лѣта и зимы и естественное возникновеніе снѣговъ и рѣкъ:

«А какъ въ лѣтѣ-то бѣло—Господь хлѣбъ даетъ,
А въ зимѣ-то зелено—да тутъ вѣдь ель цвѣтеть;...
Безъ кореньца растутъ бѣлы снѣги,
Безъ замочковъ-то текутъ да рѣчки быстры».

Что касается послѣднихъ загадокъ, то ихъ сходство ограничивается лишь тѣмъ, что обѣ онѣ относятся къ личности составляющихъ. Загадка паря: „еже бы поганой не смѣялся“, не имѣетъ смысла въ его устахъ, и очень возможно, что ее въ болѣе древней редакціи повѣсти задавалъ мальчикъ передъ убійствомъ Несмѣяна, а третья загадка паря была другая. Загадка Маринки относится къ личности Глѣба Володьевича:

«Что у васъ-то это есть да на святой Руси,
У тебя, князь, это есть у широка двора—
Ай стоять-то высока гора, великая;
На горѣ-то есть вѣдь кипарисъ растеть,
А на томъ кипарисѣ-деревѣ соколъ сидить».

Князь отгадываетъ такъ: гора—конь, кипарисъ—сѣдло, соколъ—онъ самъ. Подобная загадка встрѣчается въ повѣсти о

Водотъ Волотовичъ: „Выростало великое древо кипарисное... А поверхъ того древа сидитъ птица кречеть“.

7) Есть сходство и въ отношеніи Добросмысла и Глѣба къ „премудреннымъ“ или „хитромудрымъ“ загадкамъ: первый говоритъ царю: „не велико (или не глубоко) ваше гаданіе“, второй говоритъ Маринкѣ: „Не хитра твоя загадка хитромудрая“.

8) Наконецъ, и расправа съ притѣснителями купцовъ—одинакая въ обоихъ произведеніяхъ: какъ Добросмыслъ собственноручно отрубаетъ голову царю, такъ и Глѣбъ отсѣкаетъ голову Маринкѣ.

Изъ этого сравненія видно, что повѣсть, извѣстная намъ по рукописямъ XVII в. и былина, дошедшая до насъ въ устахъ пѣвцовъ и сказателей XIX в., находятся въ органической связи между собою.

Оба произведенія восходятъ къ одному и тому же сказанію, несомнѣнно, фантастическаго характера, которое приурочивалось къ различнымъ географическимъ районамъ. Такими районами въ повѣсти являются Царьградъ и Антиохія, въ былинѣ—Новгородъ и Корсунь. Является вопросъ, какое изъ этихъ прикрѣпленій древнѣе? Отвѣтить на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, будетъ нетрудно, если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя противорѣчія между двумя пересказами былины. Прежде, чѣмъ указать эти противорѣчія, я приведу подобныя же разногласія въ географическихъ датахъ былины о Дюкѣ Степановичѣ. Дюкъ выѣзжаетъ то изъ Галича Волынскаго, то изъ Индіи богатой. Объясняется это тѣмъ, что пѣвецъ первую дату взялъ изъ какихъ-то историческихъ преданій, а вторую—изъ фантастической повѣсти, послужившей основой для былины. Подобнаго же явленія естественно ожидать и въ былинѣ о Глѣбѣ. Пересказъ Гаврилы Крюкова (№ 80) называетъ море, на которомъ терпятъ бурю корабли, Корсунскимъ, городъ, куда ихъ занесло, Корсунемъ; пересказъ же Аграфены Крюковой (№ 50) называетъ море Аралскимъ, а землю, къ которой забросило корабли, Татарской и Аралской. Извѣстно, что названіе татаръ въ нашемъ эпосѣ потеряло опредѣленный этнографическій смыслъ и свободно замѣняетъ разныхъ другихъ враговъ Россіи; поэтому названію Татарской земли не слѣдуетъ придавать никакого значенія. Что же

касается Арапской земли, то это названіе не стоитъ одиноко:
1) Гаврила Крюковъ начинаетъ былинѣ о томъ, какъ Идолище
сватается за племянницу князя Владимира (№ 79), такъ:

«А изъ-за синего моря изъ-за Карьского,
Изъ-за Карьского моря, Арапского
А приходило три черенныхъ три-то карабля.»

Подобнымъ образомъ начинаетъ ту же былинѣ бѣломорскій
сказатель Пономаревъ:

«Изъ-за Карьского, изъ-за Арапского
Приходило три карабля три черьяны.» ¹⁾

2) Малорусская дума объ Алексѣѣ Поповичѣ начинается опи-
саніемъ бури на Черномъ морѣ:

«Що на Чорному морю... хвиля вставае,
Судна козацькі—молодецьні на три части разбивае:
Перву часть ухопило—у Арабську (вар. Агарську, Агарянську,
Арапскую, Гарапскую) землю занесло,
Другу часть схопило—
У Дунай въ гирло забило,
А третя часть тутъ мае,
Посередь Чорного моря на бистрій хвизі,
На лихій хуртовині
Потопляе.» ²⁾

Сопоставленіе здѣсь названій „арабскій“ и „агарскій“ объ-
ясняетъ намъ значеніе слова „Карьскій“ въ бѣломорской былинѣ:
конечно, это—искаженіе, вмѣсто „гарьскій“, агарянскій.

3) Арабская земля упоминается также въ другой малорусской
думѣ „Плачь невольника“:

«Будуть ушкляли, турки-яничари набігати,
За Червоное море, у Орабську землю запродади.» ³⁾

¹⁾ Эта былина печатается въ I выпускѣ Трудовъ Музыкально-Этнографичес-
ской Комисіи.

²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ. Историч. пѣсни малорусскаго народа. I, 176—
200; Житецкій. Мысли о пар. малор. думахъ, 235, 233, прим. 2.

³⁾ Апт. и Драг., I, 94. Ср. Сузюновъ. Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ: „Кіев-
ская Старина“, т. XLIV, 13 (1894 г. январь); М. Сперанскій. Южно-русская
пѣсня, Пѣсни Пархоменка, 14.

4) Въ думѣ о плѣнной дѣвушкѣ Маріанкѣ „арабинъ“ упоминается наряду съ турчиномъ и татаринѣмъ ¹⁾.

5) Наконецъ, въ одномъ изъ вариантовъ стиха о Егоріи-змѣборцѣ упоминается „Арапинское царство“ ²⁾.

Названіе сарацинъ арапами не встрѣчается въ самыхъ древнихъ произведеніяхъ русской литературы. Мы встрѣчаемъ его въ описаніи хожденія въ Палестину Зосимы въ 1420—1 гг. Зосима наряду съ „лютыми срацинами“ упоминаетъ и „злыхъ араповъ“ ³⁾. Въ посланіи александрійскаго патріарха къ в. кн. Василию III (до 1533 г.) упоминаются „нечестивіи, зловѣрніи, безбожніи и немилостивіи Араплане“. Въ грамотѣ 1668 г. говорится объ „Арапской“ землѣ ⁴⁾.

Въ повѣсти о Басаргѣ дѣйствіе происходитъ въ Сиріи, въ приморскомъ городѣ Антиохіи; въ былинѣ упоминается Арапское море и Арапская земля. Эти факты сами собою напрашиваются на сопоставленіе. Очевидно, повѣсть въ своемъ первоначальномъ видѣ представляла эпическое произведеніе изъ эпохи борьбы Византіи съ сарацинами, какъ и греческая поэма о Дигенисѣ, переработанная въ „Девгеніево дѣяніе“. Стѣсненіе греческой торговли, преслѣдованіе христіанской церкви и ея представителя, антиохійскаго патріарха—все это историческіе факты X—XI ст. Въ виду этого можно съ увѣренностью сказать, что въ болѣе древнемъ изводѣ повѣсти упоминались не только Антиохія, но и арабы.

Нужно замѣтить, что былина о сватовствѣ Идолица за племянницу князя Владимира, въ Крюковскомъ пересказѣ, изъ котораго я приводилъ начальныя строки, кромѣ Арапскаго моря, говоритъ также и объ арабахъ, которые пріѣзжаютъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ Идолицемъ: его послы—„три татарина, да три мурина“. Любопытно, что пѣвецъ отдавалъ себѣ отчетъ въ этомъ названіи: по его объясненію, татаринъ или муринъ—все равно, что арапинъ ¹⁾. Слѣдовательно, слово „муринъ“, т.-е. мавръ,

¹⁾ Головацкій, Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, I, 22; Антоновичъ и Драгомановъ, I, 134—6.

²⁾ Галаховъ, Исторія русской словесности. изд. 2-е. т. I. 248.

³⁾ Пыпинъ. Ист. русской литер. I. 391.

⁴⁾ Акты историческіе. I. 194; IV. 390.

известно нашимъ былинамъ въ своемъ этнографическомъ смыслѣ. Но этотъ терминъ прилагается также къ Ильѣ Муромцу, какъ его прозваніе: въ Волынской губерніи записана у малороссовъ обширная сказка объ Ильѣ Муриинѣ, содержащая комбинацію различныхъ похожденій русскаго богатыря, а также и другія наносныя черты ²⁾. Я думаю, что эта замѣна прозвища нашего „старого казака“ объяснить одно мѣсто въ пересказѣ Аграфены Крюковой, былины о Глѣбѣ. Въ этомъ пересказѣ Ильи Муромецъ является въ совершенно неподобающей ему роли „милаго друга“ Маринки, которая даритъ ему пошлину съ кораблей. Эту несообразность В. О. Миллеръ объясняетъ тѣмъ, „что Крюкова некстати припомнила другую ей известную былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ (№ 4)... Въ архангельскомъ былинномъ репертуарѣ, наряду съ преданіемъ о происхожденіи Подсокольника отъ связи Ильи Муромца съ бабой Латынгоркой (см. №№ 70 и 94), существуетъ другое о происхожденіи его отъ Ильи и Маринки Кайдаловки“.

Но такую версію въ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ нельзя никакъ объяснить: ни въ одномъ изъ многочисленныхъ пересказовъ этой былины не упоминается ни Маринки, ни морской бури, ни пошлинъ, ни кораблей ³⁾, и, по моему мнѣнію, введеніе всей этой обстановки въ былинѣ, описывающую богатырскую заставу среди широкаго поля, можно объяснить лишь влияніемъ былины о Глѣбѣ Володьевичѣ, гдѣ Илья Муромецъ замѣнилъ собою Илью Мурина, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, — просто „мурина“. Такимъ образомъ, я предполагаю, что пересказъ Аграфены Крюковой сохранилъ въ искаженномъ видѣ старую черту былины, забытую въ вариантѣ Гаврилы Крюкова. При такомъ предположеніи, необходимо допустить, что въ сказаніи, послужившемъ основой для былины, фигурировалъ начальникъ города „муринъ“ и его любовница, названная въ былинѣ Маринкой.

1) Бѣломорскія былины, стр. 425 и прим.

2) В. О. Миллеръ, Очерки, 379, 406.

3) Я имѣю въ виду между прочимъ новыя, еще не напечатанныя, записки и А. Д. Григорьева изъ Архангельской губ. и Печорскія былины, Онучкова, 14, 40.

Остановимся сначала на названіи „муринъ“. Слово „муринъ, мюринъ, мурьскій“ довольно часто встрѣчается въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв., гдѣ этимъ словомъ переводится греч. Αἰθίοψ; въ такомъ же этнографическомъ смыслѣ слово муринъ употреблено въ одномъ памятникѣ XIII стол., а также въ Прологѣ XIV в. („Св. Моисіи бѣ Муринъ чернъ“ ¹⁾). Но уже въ XIII стол. смыслъ этого слова начинаетъ забываться. Такъ, въ Пандектахъ Никона-Черногорца, по рукописи конца этого столѣтія, слово „муринъ“ употребляется въ смыслѣ „страшилище“; въ житіи новгородскаго епископа Нифонта, по рукописи 1219 г., еще встрѣчается „мюре“ въ смыслѣ „эѳіопы“, но въ двухъ другихъ мѣстахъ „мюриномъ“ названъ бѣсъ (очевидно, на основаніи черноты кожи). Въ спискѣ XIV в. тѣхъ же Пандектовъ слово „муринъ“ уже замѣнено словомъ „изувѣръ“ ²⁾. Изъ этого можно заключить, что названіе муринъ, мавръ, было понятно для русскихъ читателей только до XIII стол. Въ XIV стол. самое слово это исчезаетъ. Это соображеніе даетъ нѣкоторыя данныя для хронологіи сказанія, послужившаго основой для былины.

Обратимся теперь къ Маринѣ. Въ повѣсти о Басаргѣ ей соотвѣтствуютъ невѣрныя, некрещеныя жена царя, не названная по имени, и прекрасная дочь его Евпраксія. Въ нашихъ былинахъ оба имени, Марина и Евпраксія, усвоены сластолюбивымъ и измѣнчивымъ женщинамъ: у обѣихъ—одинъ и тотъ же милый другъ Тугаринъ Змѣевичъ, который, какъ указалъ акад. Веселовскій, въ сказаніи о семи богатыряхъ (здѣсь вмѣсто Апраксіи является царица Елена) живо напоминаетъ половецкаго хана Тугорткана († 1096) ³⁾. Очевидно, въ былинѣ о Глѣбѣ Володьевичѣ муринъ, изъ котораго вышелъ Илья Муромецъ, игралъ ту же роль, что Тугаринъ въ былинахъ объ Алешѣ Поповичѣ (гдѣ является Апраксія) и Добрынь (гдѣ является Маринка).

Пользуясь этими аналогіями, можно предположительно воссоздать древній видъ былины о Глѣбѣ. Въ теперешнемъ видѣ

¹⁾ Арх. Сергій, Полный мѣсяцесловъ Востока. I. М. 1875. Приложенія, стр. 179, См. также 35, 129, 168.

²⁾ См. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, VV. 88.

³⁾ Южно-русскія былины, г. X, 371.

былины Илья Муромецъ не играетъ никакой роли; самое его упоминаніе сохранилось какъ безформенный осколокъ древности: Маринка выражаетъ желаніе выйти замужъ за Глѣба Володьевича, но объ ея старомъ миломъ другѣ нѣтъ и помину; былина его вовсе забыла. Для восстановленія конца былины воспользуемся былиной о Добрынѣ и Маринкѣ. Здѣсь обычно рассказывается, какъ Добрыня, желая попасть въ голубей, сидѣвшихъ на теремѣ Марины, угодилъ стрѣлой въ ея милого друга, Змѣя Тугарина, и убилъ его. Маринка мститъ Добрынѣ тѣмъ, что привораживаетъ его къ себѣ, а потомъ обращаетъ въ тура. Получивши вновь человѣческій образъ, Добрыня жестоко съ ней расправляется.

Между двумя былинами замѣчается большое сходство: въ обѣихъ у Маринки есть другъ, въ обѣихъ она предлагаетъ взять ее замужъ; она говоритъ Глѣбу:

«Ты возьми, возьми меня да все въ замужество»,

или:

«А сама-то красна дѣвица за тебя замужъ иду» ¹⁾.

То же самое говоритъ она и Добрынѣ:

«Если ты возьмешь, такъ я замужъ иду
За молодого Добрынюшку Никитича.» ²⁾

Наконецъ, обѣ былины оканчиваются расправой съ Маринкой. Въ былинѣ о Добрынѣ желаніе Маринки выйти за него замужъ мотивировано тѣмъ, что, согласившись взять ее въ жены, Добрыня тѣмъ самымъ подвергался опасности быть обернутымъ своей женой въ животное ³⁾, между тѣмъ какъ въ былинѣ о Глѣбѣ нѣтъ ничего подобнаго; самая злоба на князя мотивирована (въ пересказѣ Агр. Крюковой) крайне странно:

«Она зло-то все несла на Глѣба-та Володьевича,
Потому она-то несла да все вѣдь думала,—
За его-то ей хотѣлось замужъ выйти все.»

¹⁾ Бѣломорскія былины, 253, 433.

²⁾ Гильердингъ, № 78. То же и въ другихъ пересказахъ.

³⁾ То же самое—въ былинѣ о Потыкѣ: Бѣлом. был. 386, 512; ср. Гильердингъ, № 5, ст. 192—208.

Эта злоба (выразившаяся въ попыткѣ отравить князя) была бы вполне понятна, если бы князь Глѣбъ убилъ Маринкина друга ¹⁾. Если былина содержала этотъ эпизодъ, то ее можно восстановить въ такомъ болѣе старомъ видѣ: Муринъ захватываетъ корабли Глѣба; князь ѣдетъ на выручку; Муринъ выходитъ ему навстрѣчу; князь его убиваетъ и подѣзжаетъ къ воротамъ Корсуня; Маринка ²⁾ лъстиво выражаетъ желаніе выйти за него замужъ и подаетъ ему вина съ отравой; князь замѣчаетъ обманъ и убиваетъ ее.

Неудивительно, что пѣвцы забыли личность Мурина, такъ какъ въ такой версіи, которую я сейчасъ изложилъ, онъ не игралъ большой роли.

Что касается послѣдняго эпизода былины, попытки отравить Глѣба, то мы находимъ его въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Добрынѣ. Въ записи изъ Симбирской губ. говорится, что послѣ убійства Змѣя Притугальника, Марина усадила Добрыню за столъ, налила лютаго зелья и поднесла ему. Добрыня отвѣчаетъ: „Прежде хозяина и попъ не пьетъ“ ³⁾.

То же самое мы находимъ въ пересказахъ Олонецкой губ. Определенно объ отравѣ разсказывается въ кенозерскомъ вариантѣ:

«Подносила ему чару зелена вина,
А въ чарѣ змѣиной силы положено.
Принимаетъ онъ чару правой рукой,
Подаваетъ кобелю мелединскому,—
Разрываетъ кобеля мелединскаго.
Вынимаетъ онъ саблю вострую,
И отсѣкъ Маринкѣ буйну голову ⁴⁾».

Въ другихъ вариантахъ находятся только намеки на отраву. Добрыня проситъ слугъ подать чару зелена вина „оправшую“ (отравшую, съ отравой?); тѣ подаютъ ему саблю, которой онъ убиваетъ Марину ⁵⁾. Въ одномъ пересказѣ ядъ замѣненъ соннымъ

1) Подобно тому какъ сынъ Басарги убиваетъ царя Гордіана.

2) Замѣтимъ, что имя „Маринка“ въ основѣ сирійское. См. Веселовскаго: Разысканія въ области русскнхъ дух. стиховъ, Сиб. 1880. Стр. 77 и прим. 3.

3) Кирѣевскій II, 49.

4) Рыбниковъ, I, 173.

5) Гильердингъ, №№ 5. 316; Тихомировъ и Миллеръ, II, 86.

питьемъ¹⁾. Даже въ тѣхъ былинахъ, гдѣ чара вовсе не упоминается, Маринка все-таки называется отравницей, зеленщицей; на окнѣ у нея стоитъ лютое зелье.

Теперь является вопросъ, въ какую эпоху имя Марины было вставлено въ былинѣ? В. Θ. Миллеръ думаетъ, что „въ былинной Маринѣ-еретицѣ отразилось народное представленіе объ исторической Маринѣ Мнишекѣ“, имя которой внесено было въ XVII вѣкѣ между прочимъ и въ былинѣ о Глѣбѣ; отмѣчая отчество Маринки „Кайдаловна“ или „Кайдарова“, онъ думаетъ, что „это необычное отчество сохранилось отъ прежней редакціи, какъ принадлежавшее той дѣвицѣ, которая была переименована въ Марину“. Итакъ, В. Θ. Миллеръ предполагаетъ возможнымъ измѣненіе имени безъ измѣненія отчества. Уже само по себѣ такое предположеніе мало вѣроятно; но внесеніе имени Марины Мнишекъ въ былины прямо невозможно. Сказителямъ до сихъ поръ очень хорошо извѣстна пѣсня о самозванцѣ, гдѣ Марина опредѣленно называется дочерью Юрія, пана Сендомирскаго (или „Сердобольскаго“—искаженіе, вполне понятное въ устахъ олодечкаго крестьянина). Въ XVII стол. Марина Юрьевна была еще болѣе извѣстна, какъ историческое лицо²⁾, и предполагать, что имя ея безъ отчества было поставлено въ старыя былины подъ отчества „Кайдаловна, Игнатьевна“ или подъ прозвище „съ Бутаришки“, совершенно невозможно. Скорѣе можно думать, что это имя стало уже эпическимъ въ XII—XIII вв., при чемъ съ теченіемъ времени къ нему стали присоединять различныя отчества.

Отчество Маринки, съ которымъ она является въ нашей былинѣ—Кайдаловна, Кайдарова—и прозвище „съ Бутаришки“, я думаю, можно объяснить преданіями времени татарскаго нашествія. Вспомнимъ, что былинная Маринка—зелейница, кореньница, отравщица, волшебница, лиха, зла, люта гроза³⁾; въ „Сказаніи о Батыевомъ приходѣ на Русь“, отличающемся народно-поэтическими чертами, фигурируетъ „жена чародѣца“, которую Батый посылаетъ къ рязанскому князю съ требованіемъ десятины во всемъ⁴⁾. Мы знаемъ также, что среди Батыевыхъ вое-

1) Рыбниковъ, I, 173, прим.

2) См. старую записъ пѣсни о Разстригѣ у Кирѣевского, VII, прилож., стр. 67.

3) Ончуковъ, Печорскія былины, 100, 160.

4) В. Миллеръ, Очерки р. народной словесности, 315—6.

вѣдь были между прочимъ Кайдарь и Бутарь ¹⁾. Весьма вѣроятно, что въ поэтическомъ преданіи чародѣица была связана съ этими именами, т. е. называлась Кайдаровой или Бутаровой, а затѣмъ изъ преданій прозвища чародѣицы перешли на безбожницу, разбойницу Маринку, въ былинну о Глѣбѣ. Замѣтимъ, что въ былинахъ отразилось нѣсколько именъ татарскихъ хановъ XIII стол. Батый, Сартакъ, Тавруль, Кайданъ ²⁾, можетъ быть, также Уловчій ³⁾, [былинный Ульюшка, зять Батыя ⁴⁾], и Богатуръ ⁵⁾ [былинные Батырь Каймановичъ, Батышъ Батурьевичъ, Батуръ Батесовъ, Батуище ⁶⁾]. Итакъ, свое отчество Маринка получила въ XIII стол.; раньше она, вѣроятно, его не имѣла.

Остановимся еще нѣсколько на былинномъ сюжетѣ. Дѣйствіе былины происходитъ въ Корсунѣ; отрывокъ ея сохранился у терскихъ казаковъ. Это указываетъ на южное происхождение былины. А priori можно предполагать, что въ южной Россіи сохранились какія-нибудь сказанія, близкія къ содержанію былины. Дѣйствительно, значительное сходство съ нею представляетъ малорусская дума объ Иванѣ Богуславцѣ ⁷⁾. Мѣсто ея дѣйствія—

¹⁾ Полн. Собр. р. лѣтоп. X, 116.

²⁾ В. Миллеръ, *ор. с.*, 322, 449. По былинамъ у Кирши Данилова (стр. 101, 20), Сартакъ—зять царя Калипа, а Салтыкъ Ставрульевичъ называется также Батыевичемъ, т. е. сыномъ Батыя: не есть ли „Салтыкъ“—искаженное имя „Сартакъ“?

³⁾ П. С. Р. Л. X, 141.

⁴⁾ Кирѣвскій, IV, 38.

⁵⁾ Такъ названъ воевода, покорившій Болгарскую землю и Суздальскую область, въ Ипатьской лѣтописи; въ Никоновскомъ спискѣ онъ названъ Батырь

⁶⁾ Кирѣвскій, II, 90; V, 97; Тихомировъ и Миллеръ, II, 134; Оичуковъ Нечерская былина, 54, 264. Замѣчу еще, что въ одной бѣлорусской сказкѣ (типа „Царь Саатанъ“; Ромашовъ, Бѣлорусскій сборникъ, VI, 154) говорится о нападеніи невѣрнаго царя Федора Тырина Бирдзибіяповича; имя Федора Тырина зашло въ сказку, конечно, изъ духовнаго стиха, но эпизодъ о нападеніи описанъ въ былинномъ стилѣ: у царя двѣ головы по нинному котлу; онъ кричитъ богатырскимъ голосомъ,—весь лѣсъ повялъ, съ дуба листь посыпался, земля сколотилася, у царя Гвидона палаты задрожали, и стекло изъ окошекъ повывлетѣло отъ Федорова голоса, отъ молодецкаго поевисета. Гвидонъ проситъ отсрочки на недѣлю; Федоръ даетъ на два часа и грозитъ городъ спалить, и царя въ полонъ забрать съ его супругой возлюбленной. Имя Бирдзибіяна напоминаетъ имя хана татарскаго Бердбека († 1247).

⁷⁾ Житенкій. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. 220—4; Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни малорусскаго народа. I, 241—4.

западный берегъ Крыма, городъ Кізлевъ, или Козловъ, т. е. Евпаторія, по-турецки Гёзлефъ.

Въ городѣ Козловѣ стояла каменная темница. Въ той темницѣ сидѣло семьсотъ казаковъ-невольниковъ. Десять лѣтъ прожили они въ неволѣ. Наступилъ праздникъ Пасхи. Казацкій старшина Иванъ Богуславецъ, гетманъ запорожскій, напомнилъ объ этомъ казакамъ и прибавилъ:

«Може, намъ, братцы, Богъ милосердный буде поиогати,
Чи не будемъ мы съ неволи выступати?»

Рано утромъ встала жена турецкаго Алканъ-паши; спрятавши (?) мужа, она отомкнула темницу и сказала Ивану Богуславцу:

«Если бъ ты свою вѣру христіанскую ломалъ,
А нашу басурманску на себя бралъ,—
Уже бъ ты въ городѣ Козловѣ пановалъ,
Я бъ твоихъ невольниковъ всѣхъ изъ темницы выпускала,
Въ землю христіанскую хорошенько провожала.»

Иванъ согласился взять ее въ жены съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не ругалась надъ его вѣрой. Пани молодая выпустила изъ темницы всѣхъ невольниковъ, проводила ихъ въ христіанскую землю. Прошло семь недѣль. На восьмой недѣлѣ она—

«Стала съ молодыми турецкими панами гуляти,
Стала Иванчевы Богославцевы христіанскою вѣрою урекати:
«Дивятся, панове,
Якій у меня мужъ прекрасный:
Та вишь у насъ побусурменился для роскоши турецкой».

Услыхалъ это Иванъ, быстро прибѣжалъ къ Черному морю, сѣлъ въ лодку, догналъ казаковъ среди моря и вступилъ на казачье судно. Молодая пани увидала его и заплакала:

«Бодай тебе Господь милосердный на семь свѣтъ избавилъ,
Якъ ты мене, молоденьку, зрадилъ.»

Когда наступила ночь, казаки вновь пріѣхали въ Козловъ, порубили сонныхъ турокъ, городъ повоевали огнемъ и мечомъ, а Иванъ Богуславецъ изрубилъ молодую пани Алканъ-паши. Поспѣшно казаки отъѣхали отъ Козловской пристани и еще до свѣта пріѣхали въ Сѣчь.

Въ такомъ видѣ дошла до насъ эта дума въ записи, сдѣланной въ началѣ XIX в. отъ „слѣпца Ивана, лучшаго рапсодія Малороссіи“ ¹⁾. Въ 60-ыхъ или 70-хъ гг. этого столѣтія начало этой думы было записано въ Конотопѣ. Главное отличие этого варіанта заключается въ томъ, что Иванецъ Богуславецъ сначала отказался отъ предложенія Кизлевской пани принять басурманскую вѣру; тогда она крикнула на „бісових мурзаків“:

«Да візьміть же Іванця Богуславця,
«Козака рейстрового ²⁾, отамана віськового,
Да зв'яжіть йому руки сирю сирцею,
Да положить його перед праведним сонечком».
Як стало сонечко пригрівати,
Стала сирая сирця ссихати,—
Став Іванець Богуславецъ
Да на пробу кричати:
«Покидаю віру християнську під ноги,
А воспріймаю вашу бусурманську на руки».

Тогда Кизлевская пани велѣла мурзакамъ развязать Ивана, взять его подъ руки и ввести въ высокій теремъ:

«Да будемъ пить-гуляти,
«Мене за його пропивати...»

На этомъ дума обрывается, и для сужденія объ ея концѣ намъ остается одинъ пересказъ старой записи. Нужно думать, что отрывокъ сохранилъ старую черту думы—мученія Ивана,—онущенную въ полномъ пересказѣ, п. ч. эта черта объясняетъ дальнѣйшую месть Ивана, убійство пани, не мотивированное въ старой записи.

Дума объ Иванѣ Богуславцѣ, очевидно, была извѣстна автору „Исторіи Руссовъ“. Описывая (хронологически неправильно) походъ запорожскаго кошевого Скалозуба въ 1583 г., авторъ говоритъ: „Гетманъ, слѣшивши три полка реестровыхъ козаковъ, посадилъ ихъ на лодки, выправилъ въ море подъ камандою писаря войскового запорожскаго Ивана Богуславца... Писарь Богуславецъ захваченъ былъ турками въ плѣнъ при городѣ Козловѣ; но послѣ запорожцами былъ вырученъ помощію Семиры, жены паши турецкаго, которая выѣхала вмѣстѣ съ Богуславцемъ въ

¹⁾ Житецкій. оп. с., 178.

²⁾ Въ подлинн. „дністрового“.

Малороссію и была его женою¹⁾. Изъ этой цитаты видно, что автору „Исторіи Руссовъ“ былъ знакомъ довольно плохой пересказъ думы, такъ какъ такая счастливая судьба жены паши вовсе не гармонируетъ съ образомъ сластолюбивой женщины, легко измѣняющей мужу и жестоко мучающей неподатливаго на ея ласки казака. Но это извѣстіе интересно тѣмъ, что оно даетъ имя жены паши—Семира. Чтобы опредѣлить, насколько можно въ этомъ довѣрять автору „Исторіи Руссовъ“, обратимся къ анализу думы о Марусѣ Богуславкѣ²⁾. По мнѣнію Костомарова, изъ этой думы въ думу объ Иванѣ Богуславцѣ перенесенъ разговоръ съ невольниками: „сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, говоритъ онъ, и еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ *Богуславецъ* и *Богуславка* произвели это смѣшеніе“. Проф. Житецкій³⁾ возражаетъ на это: „Съ равнымъ основаніемъ, конечно, можно утверждать и обратное. Чго касается сходства именъ, то, по нашему мнѣнію, объ думы—не что иное, какъ два отрывка изъ недошедшаго до насъ въ цѣлости обширнаго эпоса о судьбѣ дѣтей одного семейства, можетъ быть, проживавшаго въ г. Богуславѣ“. Почему въ Иванѣ и Марусѣ нужно видѣть „дѣтей одного семейства“, г. Житецкій не объясняетъ, а его предположеніе относительно „обширнаго (?) эпоса“, сложенного объ этомъ семействѣ, представляется совершенно невѣроятнымъ. Чтобы опредѣлить отношеніе между двумя сходными думами, необходимо болѣе детальное ихъ сравненіе.

Обѣ думы совпадаютъ даже въ мелкихъ подробностяхъ: та же темница на Черномъ морѣ, тѣ же семьсотъ невольниковъ (въ неволѣ сидятъ они не 10 лѣтъ, а 30), тѣ же разговоры съ ними (вложенные только въ уста Маруси), то же освобожденіе ихъ въ праздникъ Пасхи. Отличія думы о Марусѣ заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что здѣсь сглажены мѣстные и историческія черты и удаленъ образъ Ивана Богуславца, при чемъ его прозвище усвоено женѣ „турецкаго пана“ (=папа въ думѣ объ Иванѣ): не упоминается Козловъ, не говорится объ отбывдѣ невольниковъ на судахъ, и нѣтъ всего конца думы, рассказы-

1) Антон. и Драгом., I, 243.

2) Два пересказа этой думы, записанные въ Харьковской и Полтавск. губ., напечатаны у Антоновича и Драгоманова, I, 230—5.

3) Ор. с., 220.

вающаго о разореніи Козлова казаками и ихъ возвращеніи въ Сѣчь. Самое яркое доказательство того, что дума о Марусѣ есть переработка думы объ Иванѣ, даютъ слова Маруси:

«Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоши турецької».

Въ думѣ объ Иванѣ пани такъ же выражается относительно потурчившагося казака, и это насмѣшливое ея выраженіе гораздо болѣе у мѣста, нежели здѣсь. Что касается другихъ отличій думы о Марусѣ, то всё они находятъ себѣ параллели въ пѣсняхъ о плѣнницахъ. Проф. Житецкій ¹⁾ замѣтилъ, что эта дума, сравнительно съ такими пѣснями, представляетъ „не что иное, какъ поэтическую композицію, болѣе сложную, чѣмъ пѣсни,—эти же послѣднія—не что иное, какъ матеріалъ для самой композиціи“. Онъ указалъ и самый матеріалъ: пѣсни о трехъ *поповнахъ*, взятыхъ въ плѣнъ турками, и о „дивкѣ-бранкѣ Маріянкѣ“. Последняя, уведенная въ плѣнъ, пишетъ съ дороги къ отцу письмо:

Нехай тато не сумує,
Най ми посаг не готує:
Ой вжеж бо я посаг мала
Під явором зелененьким
Тай с турчином молоденьким» ²⁾.

Можно еще указать пѣсню о двухъ сестрахъ-плѣнницахъ у турокъ. Одна изъ нихъ говорить другой:

«Проси, сестро, турка-мужа,
Нехай косу росу утне,
Най до мамки меї пішле:
Най ся мамка не орасує,
Най нам віна не готує,—
Бо ми віно утратили
Під явором зелененьким
За турчином молоденьким» ³⁾.

Изъ подобныхъ пѣсень дума заимствовала слова Маруси, которая проситъ освобожденныхъ ею казаковъ передать ея отцу и матери:

«Нехай мій батько добре дбає,
Гуртів, великихъ маєтків нехай не збуває,

¹⁾ Ор. с. 142—3, 139.

²⁾ Аптоновичъ и Драгомановъ. I, 135.

³⁾ Ibid., 85.

Великихъ скарбів не збірає,
Та нехай мене, дівки бранки,
Марусі, попівни Богуславки,
З неволі не викупає:
Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоши турецької».

Изъ предыдущаго достаточно выяснилось отношеніе одной думы къ другой. Можно еще прибавить, что роль жены Алканъ-паши является гораздо болѣе естественной, нежели роль Маруси: первая „поховала своего мужа“ и изъ страсти къ Ивану согласилась выпустить невольниковъ; поведеніе же второй недостаточно мотивировано: 1) почему она раньше не выпускала невольниковъ, которые сидѣли въ тюрьмѣ 30 лѣтъ? 2) какъ отнесся „турецкій панъ“ къ ея поступку, вернувшись изъ мечети?

Въ двухъ пересказахъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ женская личность рѣшительно несимпатична; въ пересказѣ, бывшемъ у автора „Исторіи Руссовъ“, эта личность является уже въ болѣе свѣтлыхъ чертахъ: Иванъ женится на ней и увозитъ ее на родину (этотъ рассказъ указываетъ, конечно, на забвеніе конца думы). Такой образъ жены паши могъ служить переходнымъ звеномъ для дальнѣйшей передѣлки думы. Имя *Семиры* авторъ „Исторіи Руссовъ“ едва ли не передѣлалъ изъ *Маруси*,—форма, которую можно предполагать на основаніи извѣстныхъ намъ изъ пѣсенъ именъ Маруси и Маріянки.

Жена турецкаго паши въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ представляетъ собою типъ измѣнчивой женщины: она измѣняетъ своему мужу изъ страсти къ Ивану, а черезъ семь недѣль уже гуляетъ съ молодыми турками. Въ великорусскихъ былинахъ мы знаемъ нѣсколько подобныхъ типовъ, таковы: княгиня Апраксія въ былинахъ объ Алешѣ Поповичѣ и о сорока каликахъ, не-вѣста Ивана Годиновича ¹⁾, жена Потыка ¹⁾, и, наконецъ, Маринка, любовница Добрыни. Изъ этихъ женщинъ болѣе всего подходитъ къ нашему типу послѣдняя, но еще болѣе близкое сходство оказывается между женой турецкаго паши и Мариной Кайдаровой.

¹⁾ Въ „Печорскихъ былинахъ“ Ончукова и та, и другая называются „душкой Маринкой, лебедью бялою“, стр. 241, 317.

Отмѣтимъ сходныя черты былины о Глѣбѣ Володьевичѣ и думы объ Иванѣ Богуславцѣ. Прежде всего, дѣйствіе и той, и другой происходитъ на западномъ берегу Крыма—въ Корсунѣ и въ Евпаторіи. Въ темницѣ сидятъ невольники—въ былинѣ матросы, въ думѣ казаки. Алканъ-пашѣ въ былинѣ соответствуетъ Илья Муромецъ, замѣнившій собою какого-то „мурина“; ни тотъ, ни другой не играютъ роли въ ходѣ разсказа: какъ былина забывается о существованіи Ильи Муромца, когда Маринка сватается за Глѣба, такъ и жена паши, „поховавши“ своего мужа, болѣе о немъ не думаетъ и сватается за Ивана. Далѣе въ обоихъ произведеніяхъ слѣдуетъ отпускъ невольниковъ. Въ концѣ былины и думы замѣчается большая разница. Былина быстро приводитъ разсказъ къ развязкѣ: Маринка пытается отравить Глѣба, который ее и убиваетъ; жена паши только насмѣхается надъ тѣмъ, что Иванъ „побусурменился“ изъ-за нея. Послѣ того слѣдуетъ отъѣздъ его на судно къ казакамъ, а затѣмъ уже разореніе Козлова и убійство жены паши. Нужно замѣтить, что конецъ думы болѣе похожъ на пересказъ былины, записанный отъ А. М. Крюковой нежели на пересказъ Г. Л. Крюкова. И тамъ, и здѣсь мы видимъ разореніе и ограбленіе города и возвращеніе на родину.

Изъ сравненія былины съ думой можно вывести то заключеніе, что первая послужила прототипомъ для второй, а такъ какъ дума объ Иванѣ Богуславцѣ была сложена въ XVII в., то отсюда ясно, что въ это время былина была извѣстна въ Южной Россіи. Изъ того же сравненія двухъ произведеній видно, что въ прототипѣ думы игралъ нѣкоторую роль мужъ (или любовникъ) властительницы города, т.-е. та личность, которая въ пересказѣ А. М. Крюковой называется Ильей Муромцемъ. Эта личность въ повѣсти о Басаргѣ играетъ еще болѣе важную роль, но нужно думать, что былина, выдвинувъ на первый планъ образъ дѣвицы, властительницы приморскаго города, мало-по-малу затушевывала ее „милаго друга“, а пересказъ Г. Л. Крюкова вовсе о немъ позабылъ.

Обратимся къ историческимъ чертамъ былины о князѣ Глѣбѣ. Самые важныя данныя для сужденія о мѣстѣ и времени сложе-

нія былины даютъ географическія названія—Корсунъ и Новгородъ—и имя героя.

Попытку выяснить личность Глѣба Володьевича даетъ проф. В. Θ. Миллеръ въ указанной выше статьѣ. Указывая какъ на прототипъ былиннаго героя—на св. Глѣба, сына князя Владимира, В. Θ. Миллеръ исходитъ „изъ того убѣжденія, что сохраниться въ народномъ преданіи и стать эпическимъ могло только имя популярнаго князя, извѣстнаго и намъ безъ всякихъ справокъ въ историческихъ источникахъ“. Трудно согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Развѣ мы знали бы имя Роланда, если бы онъ не сдѣлался героемъ французскаго средневѣковаго эпоса? Точно также, развѣ герои русскихъ былинъ: Ставеръ, Садко, Александръ Поповичъ, Добрыня Рязаничъ, Самсонъ Колывановичъ и многіе другіе—были давно извѣстны безъ дальнихъ справокъ? Ясное дѣло, что пѣвцы выбирали героевъ для своихъ произведеній, не справляясь съ историческимъ значеніемъ тѣхъ или другихъ личностей. Проф. Миллеръ не ищетъ въ былинѣ чего-нибудь, напоминающаго извѣстные намъ факты изъ жизни св. Глѣба; дѣйствительно, ничего подобнаго и нѣтъ. Но не было ли историческаго лица, отвѣчающаго былиннымъ даннымъ?

Мы знаемъ новгородскаго князя Глѣба, который, дѣйствительно, ходилъ съ войскомъ на Корсунъ. Извѣстіе объ этомъ походѣ сохранилось у Татищева и у итальянскаго писателя Одерико, который, по порученію императрицы Екатерины II, занимался исторіей генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Походъ на Корсунъ относится ко времени царствованія византійскаго императора Михаила VII Дуки (1071—1078), когда онъ находился въ очень затруднительномъ положеніи: турки-сельджуки завладѣли греческими областями въ Азіи; въ 1073 году возстали болгары, и греческія войска потерпѣли цѣлый рядъ пораженій; въ слѣдующемъ году снова поднялись придунайскіе города, нашедши помощь въ лицѣ печенѣговъ. Естественно, что Михаилу пришлось просить у русскихъ князей помощи для охраненія пограничныхъ греческихъ областей. Вотъ къ этому-то времени относится слѣдующее извѣстіе Татищева:

„Михаилъ, царь греческій, иже... отъ Болгаръ побѣжденъ, и корсуняне ему отреклися, прислалъ къ Святославу пословъ со многими дарами и обѣщаніи, прося его и Всеволода о помощи

на болгаръ и корсунянъ. Святославъ же, согласясь со Всеволодомъ,... Владимира-сыновца и съ нимъ сына Глѣба послалъ на корсунянъ“.

Это извѣстіе подтверждается свидѣтельствомъ Одерико: „Жители этого города (Херсонеса), соперники Θεοδοσία и Судака (rivaux de Kaffa et de Soldaya), не имѣя возможности получить отъ императора нѣкоторыя торговыя привилегіи, возстали противъ его власти. Онъ призвалъ противъ нихъ великаго князя русскаго, Всеволода, который послалъ туда сыновей Владимира и Глѣба.“

Одерико называетъ Глѣба сыномъ Всеволода, вѣроятно, потому, что въ своемъ источникѣ смѣшалъ слова: „сынъ“ и „сыновецъ“ (племянникъ). Справедливость извѣстій Татищева и Одерико подтверждается также тѣмъ, что вскорѣ послѣ 1065 года жители Корсуня убили своего катапана (правителя области), отравившаго тмутороканскаго князя Ростислава; это указываетъ на то, что корсуняне возмутились противъ императорскаго намѣстника, или, по выраженію Татищева, „отреклись“ отъ императора. Затѣмъ намъ извѣстны два посланія императора Михаила VII къ неизвѣстному по имени русскому князю; въ этихъ письмахъ Михаилъ предлагаетъ руку своего брата Константина дочери русскаго князя и проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго „быть стражемъ византійскихъ границъ, щадить область, подвластную имперіи, быть союзникомъ и дѣйствовать заодно во всемъ и противъ всѣхъ“ ¹⁾.

Акад. Васильевскій, сдѣлавшій критическій анализъ этихъ извѣстій, относитъ походъ на Корсунъ къ 1073 году, на томъ основаніи, что объ этомъ походѣ не упоминаетъ Владимиръ Мономахъ, перечисляя въ своемъ Поученіи свои подвиги съ 1073 года. Правда, опредѣленно о походѣ на Корсунъ здѣсь не говорится, но зато упоминается о помощи Глѣбу въ 1077 г. „И Святославъ умре (27 декабря 1076 г.), и язъ паки (идохъ) Смолнѣску, а ис Смолнѣска той же зимѣ (1077 г.) та къ Новугороду, на весну — Глѣбови въ помощь (1077 г.), а на лѣто

¹⁾ Извѣстіе Татищева приведено и подтверждено *Васильевскимъ* въ его ст. „Русско-византійскіе отрывки“, Ж. М. Н. Нр. 1875 г. № 12, стр. 292—6. Эти выводы повторены г. *Семіовымъ*: „Историко-критическія изслѣдованія о новгородоплеменяхъ и о Россійской Исторіи В. Н. Татищева“, стр. 332—4.

со отнемъ подъ Полтескъ“. Изъ этого отрывка видно, что зимою 1077 г. Владимиръ прїѣхалъ въ Новгородъ, а весною того же года помогалъ своему двоюродному брату въ какомъ-то предпріятіи. Если обратить вниманіе на то, что извѣстіе о походѣ на Корсунь Татищевъ помѣщаетъ подъ 1076 г., то становится ясно, что эти два сообщенія относятся къ одному и тому же событію. Разногласіи указаній времени въ одинъ годъ обычны въ старыхъ лѣтописяхъ, и потому Татищевскій годъ не можетъ возбуждать недоумѣнія.

Болѣе затрудненій представляетъ то обстоятельство, что виновникомъ похода Татищевъ выставляетъ кїевского князя Святослава, который умеръ еще въ 1076 году. Но дѣло въ томъ, что Татищевъ соединяетъ въ своемъ разсказѣ, очевидно, нѣсколько свѣдѣній, при чемъ извѣстіе о посольствѣ Михаила къ Святославу онъ, вѣроятно, почерпнулъ изъ византійскаго источника, между тѣмъ какъ краткое извѣстіе о походѣ на корсуны онъ нашелъ въ лѣтописи. Объ этомъ свидѣлствуетъ старинное слово „сыновець“, очевидно, не понятое итальянцемъ Одерико. Послѣдній имѣлъ, вѣроятно, ту же лѣтопись, что и Татищевъ; но интересно, что онъ въ качествѣ виновника похода упоминаетъ одного только князя Всеволода. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ его источникѣ о Святославѣ не упоминалось; т. о., походъ могъ происходить уже послѣ смерти Святослава.

Итакъ, въ 1077 году Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ и Глѣбъ Святославичъ были посланы на Корсунь для усмиренія возмущившихся гражданъ. Вотъ объ этомъ послѣднемъ князѣ, по моему мнѣнію, и сохранилась память въ былинномъ Глѣбѣ Володьевичѣ. Относительно Глѣба имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

До 1064 года онъ сидѣлъ въ Тмуторокани, откуда былъ выгнанъ новгородскимъ княземъ Ростиславомъ. Святославъ вступилъ за сына и посадилъ его снова въ Тмуторокани, но Ростиславъ снова его выгналъ, и Глѣбъ принужденъ былъ отправиться къ отцу. Въ 1065 г. Ростиславъ былъ отравленъ, и, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого Глѣбъ снова явился въ Тмуторокань; въ 1067 году, когда Всеславъ Полоцкій захватилъ Новгородъ, мы тамъ не видимъ Глѣба, а, наоборотъ, имѣемъ извѣстіе о томъ, что въ слѣдующемъ году онъ былъ въ Тмуторокани и „мѣрилъ море по леду отъ Тьмуторокана до Кърчева“ (Керчи).

Въ 1069 году видимъ Глѣба уже въ Новгородѣ: онъ съ новгородцами сражается противъ Всеслава и одерживаетъ блистательную побѣду. Въ 1074 г., 1 мая, онъ присутствуетъ съ отцомъ при кончинѣ Θεодосія Печерскаго и прощается съ нимъ.

Относительно кончины Глѣба имѣется два новгородскихъ извѣстія: одно говоритъ, что въ 1079 г. „убиша за Волокомъ князя Глѣба мѣсяца маія въ 30^а. Это—современная лѣтописная замѣтка. Другое извѣстіе находится въ перечисленіи новгородскихъ князей; здѣсь мы читаемъ: „И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша (и) изъ града, и бѣжа за Волокъ, и убиша и Чюдъ“ ¹⁾.

Кромѣ того, имѣется и кіевское извѣстіе въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“: „Въ се же лѣто (6586==1078) убыенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославъ, въ Заволочіи. Бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогимъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, изоромъ красенъ. Его же тѣло положено бысть Черниговѣ за Спасомъ мѣсяца іюля 23 день.“

Таковы современныя извѣстія лѣтописи о князѣ Глѣбѣ. Въ нихъ онъ изображается храбрымъ, красивымъ, добрымъ, религіознымъ и любознательнымъ: онъ мѣритъ ширину Керченскаго пролива и ставитъ каменный столбъ, на которомъ высѣкаетъ свѣдѣніе о результатѣ своего промѣра. Но для насъ особенное значеніе имѣютъ свѣдѣнія объ этомъ князѣ, записанныя по преданію. Сюда относится разсказъ Повѣсти временныхъ лѣтъ о его столкновеніи съ новгородскимъ волхвомъ. Разсказъ этотъ, вѣроятно, записанъ лѣтописцемъ незадолго до 1116 года, а въ лѣтопись вставленъ подъ 1071 годомъ; слѣдовательно, кіевскій лѣтописецъ записалъ преданіе, обращавшееся въ народѣ около 40 лѣтъ. Описавши нѣсколько случаевъ появленія волхвовъ, лѣтописецъ продолжаетъ: „Такой же волхвъ явился при Глѣбѣ въ Новгородѣ. Онъ проповѣдывалъ народу, выдавая себя за Бога, и многихъ привлекъ, чуть не весь городъ; онъ говорилъ: „я все знаю“, и хулилъ христіанскую вѣру; онъ говорилъ: „я перейду по Волхову предъ всѣми“. Былъ мятежъ въ городѣ, всѣ ему повѣрили и хотѣли погубить епископа. Епископъ, взявши крестъ и облекшись въ ризы, выступилъ и сказалъ: „Кто хочетъ вѣрить

¹⁾ Новгородская лѣтопись по Синодальному харат. списку, 117, 439.

волхву, пусть идетъ на его сторону, а вѣрующіе пусть идутъ ко кресту“. И раздѣлились надвое: князь Глѣбъ и дружина его пошли и стали около епископа, а весь народъ отошелъ на сторону волхва, и среди толпы было большое смятеніе. Глѣбъ же, взявши топоръ подъ полу, подошелъ къ волхву и сказалъ ему: „Знаешь ли, что будетъ завтра и сегодня до вечера?“ Тотъ отвѣчалъ:—Все знаю.—И сказалъ Глѣбъ: „А знаешь ли, что будетъ сейчасъ?“—Я сотворю большія чудеса—сказалъ онъ. Глѣбъ же, вынувъ топоръ, разрубилъ его, и онъ палъ мертвымъ, а народъ разошелся. А онъ погибъ тѣломъ и душою, предавшись діаволу“.

Въ этомъ разсказѣ Глѣбъ выступаетъ эпическимъ героемъ, загадывающимъ загадки, и немного напоминаетъ находчиваго Глѣба Володьевича, расправившагося съ Маринкой. Очевидно, что личность князя Глѣба была популярна и могла послужить основой для былины.

Теперь я остановлюсь на одномъ мелкомъ искаженіи былины. Отчество былиннаго Глѣба не соответствуетъ отчеству „Святославичъ“. Смѣшеніе именъ въ былинахъ—дѣло обычное. Но въ данномъ случаѣ, по моему мнѣнію, мы имѣемъ дѣло не съ поздней, случайной путаницей, но со старымъ смѣшеніемъ двухъ героевъ одного и того же похода. На Корсунъ былъ отправленъ не одинъ Глѣбъ, но со своимъ двоюроднымъ, младшимъ братомъ Владимиромъ Всеволодовичемъ. Поэтому можно предполагать, что прототипъ нашей былины имѣлъ двухъ героевъ, изъ которыхъ уцѣлѣлъ только одинъ ¹⁾, старшій, новгородскій князь, а двадцатичетырехлѣтній Мономахъ (род. 1053 г.) оставилъ по себѣ память однимъ отчествомъ: „Володовичъ“ изъ „Всеволодовичъ“. Интересно, что первый слогъ въ отествѣ Мономаха оказалъ вліяніе на отчество эпическаго князя Владимира, который обычно называется *Всеславичемъ*, а не *Святославичемъ*. Возможно, что отчество Мономаха перешло въ нашу былинку изъ южныхъ пѣсень объ этомъ популярномъ князѣ, давшемъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько капель крови въ жилы Владимира Краснаго Солнышка. Есть нѣсколько указаній на то, что въ XII—XIII ст. передава-

1) Подобное явленіе мы замѣчаемъ, сравнивая сказаніе о семи богатыряхъ съ позднѣйшими записями былины объ Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ.

лись поэтическія преданія о походахъ Мономаха на югъ. Такъ, Слово о погибели Русской земли говоритъ о томъ, что половцы носили ему своихъ дѣтей въ колыбели, венгры утверждали каменные города желѣзными воротами, чтобы онъ въ нихъ не въѣхалъ, а Мануилъ Царьградскій посылалъ ему большіе дары, изъ опасенія, чтобы онъ не взялъ у него Царьграда. Есть преданія и о походѣ Мономаха въ Крымъ. Такъ, Герберштейнъ, описывая обрядъ коронованія московскихъ великихъ князей, говоритъ слѣдующее о происхожденіи бармы: „Владимиръ отнялъ ихъ у одного генуэзскаго правителя Кафы, побѣжденнаго имъ“. Болѣе подробно это преданіе описывается Стрыйковскимъ: Владимиръ Мономахъ разбилъ поганныхъ половцевъ и генуэзцевъ, которые тогда владѣли Крымомъ, и взялъ у нихъ славный городъ Кафу, или Θεοδοσίю. Въ другой разъ онъ столкнулся съ генуэзцами надъ моремъ и вызвалъ ихъ начальника, кафинскаго старѣйшину. Когда они съѣхались, Владимиръ вышибъ его копьемъ изъ сѣдла, схватилъ его, связалъ и привелъ къ своему войску. За то, что онъ сразился съ непріателемъ одинъ-на-одинъ, въ честномъ поединкѣ, его прозвали по-гречески Мономахомъ. Петрей также упоминаетъ о битвѣ великаго князя Мономаха подъ Кафой—съ татарами. Наконецъ, Герера передаетъ преданіе о сраженіи русскаго князя „Володомера“ съ генуэзскимъ консуломъ, который правилъ городомъ Θεοδοσίей ¹⁾).

Итакъ, и имя, и отчество былиннаго героя находятъ себѣ объясненіе въ историческихъ фактахъ XI ст. Попытаемся отвѣтить на вопросъ: чему обязано появленіе въ былинѣ ея героини? Отчества Маринки, какъ я уже указалъ, объясняются наслоеніемъ историческихъ сказаній времени татарскаго нашествія; очевидно, они налегли на нѣчто болѣе древнее, и слѣдовательно, имя Марины находилось въ рѣснѣ раньше XIII в. Пока нельзя рѣшить, вошло ли оно туда изъ историческихъ преданій или проникло литературнымъ путемъ. На основаніи сравненія былины съ повѣстью о Басаргѣ скорѣе можно вывести заключеніе, что типъ Маринки выработался на русской почвѣ. Но были ли какія-либо мѣстныя условія для выработки этого типа, пока тоже остается не рѣшеннымъ вопросомъ. Можно только указать, что

¹⁾ См. *Жданова*, Русскій былевой эпосъ, 119—121.

и былина, и малорусская дума выставляютъ типъ самостоятельной женщины, играющей большую роль въ общественныхъ дѣлахъ своего города. Что касается думы, то она довольно правдоподобно описываетъ крымскую женщину высшаго класса, которая пользовалась сравнительною независимостью, оказывала большое влияние на своихъ мужей, а иногда позволяла себѣ и самовольничать ¹⁾. Былина въ этомъ отношеніи, быть можетъ, тоже не идетъ въ разрѣзъ съ исторіей. Жены греческихъ правителей въ крымскихъ городахъ, повидимому, принимали участіе въ управленіи; по крайней мѣрѣ, извѣстна печать Θεοφάνου, жившей въ XI или XII в., „архонтисы Росіи“. Последнее названіе проф. Кулаковскій объяснилъ какъ старое названіе города Керчи ²⁾. Печати, какъ извѣстно, привѣшивались къ грамотамъ, а послѣднія нужны были или для торговыхъ, или для административныхъ дѣлъ.

Теперь остановимся на историко-бытовыхъ чертахъ былины. Особенно упираетъ былина на громадныя пошлины, которыя Маринка собираетъ съ кораблей въ Корсунѣ. Это мѣсто въ пересказѣ Г. Л. Крюкова читается такъ:

Они какъ вѣдь въ гавань заходили—брала пошлину,
Паруса ронили—брала пошлину,
Якори-ти бросали—брала пошлину,
Шлюпки на воду спускали—брала пошлину,
А какъ въ шлюпочки садились—брала пошлину,
А къ мосту приставали—мостову брала,
А какъ по мосту шли, да мостову брала,
Какъ въ таможеню заходили, не протаможила;
Набирала она дани-пошлины немножко, немало—сорокъ тысячей.

Менѣе подробно то же изложено въ пересказѣ А. М. Крюковой и въ отрывкѣ изъ Терской области:

Якоря-то они спускали въ воду—брала пошлину,
Ай мосты они мостили—мостово брала.

Иначе:

¹⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, *op. c.*, 226, 236, 244.

²⁾ Извѣстія XI Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, 1899, стр. 160. См. также Разысканія въ обл. р. дух. стиховъ, акад. Веселовскаго. Спб. 1889. Приложенія, стр. 100.

Корабль по морю бѣжитъ—она пошлину съ него брала,
 Корабль къ яру подвигался—она другую съ него брала,
 Корабль на яръ выгружался—она третію брала.

Это негодованіе на торговыя пошлины переносить насъ къ тому времени, когда онѣ, очевидно, только-что были введены. Изъ договоровъ Олега и Игоря извѣстно, что въ X стол. въ предѣлахъ Византійской имперіи русскіе купцы не платили пошлинъ за товары. О существованіи обычая брать пошлины въ русскихъ городахъ говорятъ источники XII вѣка. Отсюда можно заключить, что торговыя пошлины начали взимать въ предѣлахъ распространенія русской торговли въ XI вѣкѣ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что разбираемый нами эпизодъ составляетъ исконную принадлежность пѣсни о Глѣбѣ. Описаніе пошлинъ соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ. Издавна пошлину брали за проѣздъ черезъ мосты. Эта пошлина въ былинѣ называется „мостовое“ или „мостовая“; въ грамотахъ XII—XIV вв. она именуется „мостовщиной“. Точно также, упоминаемая въ былинѣ пошлина за право пристать къ берегу (яру) дѣйствительно существовала, и въ ханскихъ ярлыкахъ носитъ названіе „побережнаго“; штрафъ за уклоненіе платить товарную пошлину назывался „протаможьемъ“; очевидно, этотъ терминъ въ искаженномъ видѣ сохранился въ былинномъ выраженіи „не протаможила“¹⁾.

Перехожу къ выясненію вопроса объ отношеніи князя Глѣба къ кораблямъ, захваченнымъ въ Корсунѣ. Изъ былины видно, что корабельщики были княжескими агентами, производившими торговыя операціи по довѣренности. Извѣстно, что князья южныхъ областей, собирая дань преимущественно натурою, обладали значительными товарами и нерѣдко отправляли ихъ за границу со своими купцами или „съ добрыми людьми“, кому они вѣрили. Именно въ роли защитника своихъ купцовъ выступаетъ Глѣбъ. Опять былина переноситъ насъ къ тому времени, когда военныя предпріятія князей имѣли цѣлью установленіе порядка, способствующаго ихъ торговымъ интересамъ, т. е. къ XI вѣку. Обратимъ вниманіе на одну подробность былины: корабельщики везли въ подарокъ князю перчатки; Маринка ихъ отобрала:

¹⁾ См. мои Бытовыя черты р. былинъ, 28; Аристовъ, Промышленность древней Руси, 224, 230.

А да взяла она трои рукавочки,
 Что да тѣ трои рукавочки, трои перчаточки;
 А какъ эти перчаточки онѣ спиты были, не вязаны,
 А вышиваны-ти были краснымъ золотомъ,
 А высаживаны дорогимъ-то скатымъ жемчугомъ,
 А какъ всажено было камень самоцѣтное.
 А какъ первы-ти перчатки во пятьсотъ рублей,
 А други-ти перчатки въ цѣлу тысячу,
 А какъ третьимъ перчаткамъ цѣны не было.

Это указаніе былины имѣетъ бытовое основаніе. Изъ грамотъ XIII в. извѣстно объ обычаяхъ пріѣзжихъ купцовъ совершать подношенія князьямъ, а также лицамъ, замѣняющимъ ихъ, — тиунамъ и посадникамъ; подносили цѣнныя матеріи или „перчатныя рукавицы“. Этотъ обычай въ особенности былъ распространенъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ существовалъ только въ древнѣйшее время, въ періодъ могущественнаго положенія князей ¹⁾. Объ этомъ обычаяхъ сохранилась память также въ былинѣ о Соловѣѣ Будимировичѣ; но Соловей подносить князю не перчатки, а камку и драгоценныя металлы и камни. Сборъ съ купцовъ въ пользу князя былъ вознагражденіемъ за ту охрану, которую давалъ онъ съ своей дружиной купеческимъ караванамъ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ обстоятельствомъ, Глѣбъ Володьевичъ, какъ только узнаетъ о притѣсненіяхъ, которыя терпятъ корабли въ Корсунѣ, тотчасъ же идетъ ихъ выручать.

Вотъ всѣ историческія черты, сохранившіяся отъ древнѣйшаго вида былины въ современныхъ ея пересказахъ; но и этихъ немногихъ чертъ достаточно, чтобы судить о времени ея сложенія.

Въ заключеніе подведемъ итоги нашихъ замѣчаній о былинѣ:

1) По поводу похода двухъ князей на Херсонесъ въ 1077 году возникли пѣсни, которыя прославляли ихъ за успѣшную защиту русскихъ торговыхъ судовъ, терпѣвшихъ притѣсненія со стороны администраціи города.

2) Главнымъ героемъ этихъ пѣсней былъ старшій изъ двоюродныхъ братьевъ, князь тмутороканскій и новгородскій, Глѣбъ Святославичъ; въ былинѣ сохранилось его имя.

3) Отчество былиннаго героя, Глѣба Володьевича, усвоено было ему позднѣйшими пересказами пѣсни, которые отвлекли

¹⁾ Бытовые черты р. былины, 27—29; Никитскій, Исторія экономическаго быта В. Новгорода, 136, 160; ср. 145, 151.

это отчество отъ имени другого участника похода, Владимира Мономаха: Володьевичъ = Всеволодовичъ.

4) Историко-бытовые черты, сохранившіяся въ былинѣ, подтверждаютъ мѣсто о ея возникновеніи, въ первоначальномъ видѣ, въ концѣ XI вѣка.

5) Въ эпоху татарскаго нашествія героиня былины, Марина, получаетъ отчество „Кайдаровна“, отвлеченное отъ имени хана Кайдара, упоминаемаго въ южной лѣтописи, но не извѣстнаго сѣвернымъ лѣтописцамъ.

6) Поэтический сюжетъ былины восходитъ къ неизвѣстному византійскому сказанію, остаткомъ котораго является передѣланная съ греческаго повѣсть о Басаргѣ; мѣсто дѣйствія этой повѣсти, приморскій городъ Антиохія, перенесено на другой приморскій городъ—Херсонесъ. Былина возникла въ предѣлахъ сильнаго византійскаго вліянія, во всякомъ случаѣ — въ южной Россіи.

7) Изъ географическихъ указаній былины, одни сохранили названія, бывшія въ иноземномъ ея оригиналѣ (Арапская земля, „Муромецъ“ вмѣсто „Муринъ“), другія свидѣтельствуютъ о прикрѣпленіи иноземнаго сказанія къ русской почвѣ (Корсупь, Новгородъ).

8) Въ началѣ XVII в. былина еще была извѣстна на югѣ: она послужила оригиналомъ малорусской думы объ Иванѣ Богуславцѣ.

9) Записанная у терскихъ казаковъ пѣсня о Маринѣ Кайдаровой представляетъ собою искаженное начало былины о Глѣбѣ Володьевичѣ; эта пѣсня болѣе точно сохранила отчество Марины, искаженное во всѣхъ другихъ былинахъ, упоминающихъ Маринку (Кайдаловна, Кайдаловка, Калайдашна).

Нѣкоторые изъ частныхъ выводовъ должны пока считаться предположительными.

Когда статья была уже набрана, явился новый матеріалъ, позволяющій сдѣлать къ ней нѣкоторыя добавленія. Въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ“ 1904 г., т. IX, кн. 2, акад. А. Н. Веселовскій приводитъ „нѣсколько данныхъ къ повѣсти о Басаргѣ“. Я приведу

тѣ замѣчанія г. Веселовскаго и тѣ новыя рукописныя данныя, которыя имѣють отношенія къ высказаннымъ мною догадкамъ.

Мое мнѣніе о замѣнѣ Царьграда Кіевомъ подтверждается соображеніями акад. Веселовскаго, который, пользуясь новою рукописью повѣсти, рѣшаетъ, что Кіевъ, какъ мѣсто, откуда выѣзжаетъ Басарга, принадлежитъ русскому приуроченію. Эта рукопись начинается такъ: „Бысть нѣкій купецъ Димитрій Басарга, женишися въ Русской земли, во граде Кіеве“; онъ ѣдетъ—изъ Кіева; когда впоследствии Борзосмысл посылаетъ отца за матерью, онъ отправляется—„в преславнѣйшии Царьградѣ“ (стр. 66).

Относительно города, куда занесло корабли Басарги, мнѣ было извѣстно указаніе г. Пыпина, что въ одной рукописи этотъ городъ названъ Антиохіей. Акад. Веселовскій приводитъ выписку изъ этой рукописи, гдѣ названіе Антохинъ встрѣчается четыре раза, а также изъ рукописи, принадлежавшей Тихонравову, гдѣ упоминается „Антиохійское царство“. Эта рукопись замѣчательна своимъ началомъ, не встрѣчавшимся въ другихъ: здѣсь рассказывается о томъ, что въ Антиохіи царствовалъ 17 лѣтъ Аркадій; онъ тамъ умеръ и погребенъ былъ патріархомъ Амфилохіемъ. По смерти Аркадія греки съ патріархомъ отправили пословъ въ Римъ и просили отпустить къ нимъ въ парі епарха Несміяна Гордаго. Несміянъ согласился на ихъ просьбу и вѣстѣ съ римлянами пріѣхалъ въ Антиохійское царство. По дьявольскому паважденію, онъ прельстилъ грековъ, а потомъ сталъ отнимать у нихъ пищу, питье, золото и серебро, привлекая ихъ къ латынской вѣрѣ. Это введеніе объясняетъ слова дочери Несміяна (въ двухъ рукописяхъ), которая говоритъ о себѣ, что она—вѣры латынской, земли римской (стр. 67—68).

Акад. Веселовскій приводитъ также выписки изъ особой редакціи повѣсти; эту редакцію онъ считаетъ новой стилистической обработкой, происшедшей въ XVII вѣкѣ. Здѣсь является нѣсколько новыхъ именъ: сынъ Басарги называется Оорсомъ; патріархъ названъ св. Нектаріемъ. Является новое приуроченіе: мѣсто дѣйствія повѣсти—„Венецѣя великая“, хотя она смѣшивается съ Кіевомъ. Всѣ ли особенности этой рукописи представляютъ позднѣйшую переработку, на этотъ вопросъ акад. Веселовскій не рѣшается дать категорическаго отвѣта: „Что изъ отличій этой распространенной редакціи повѣсти окажется при-

надлежащимъ ея древнему составу, на это отвѣтить трудно“ (стр. 71). Возможно, что кое-что въ ней уцѣлѣло и изъ не дошедшаго до насъ древняго извода. Такъ, купецъ Димитрій носитъ прозвище Басаргинъ, что ближе подходитъ къ нарицательному имени (перс. бѣзарганъ=купецъ), возведенному въ собственное. Возможно также, что въ этой редакціи сохранилось имя дочери Несміяна. Я уже отмѣтилъ, что только въ рукописи г. Григорьева упоминается имя, данное дочери Несміяна послѣ крещенія. Здѣсь я привожу это мѣсто: „Царь же повеле патриарху крестити царицу и со дщерью... Призвавъ царь царицу, нарече себе вторую мать, а дщерь ея нарече себе невестою, повелѣ ей блюсти до брачнаго дня... И посемъ, егда приспѣ уреченни брачныи день царю, и тогда поятъ оныя вышереченныя вторыя матере своея царицы и дщере ея, обручению себѣ въ царицу, Еупраксiю“. Въ рукописи, приводимой г. Веселовскимъ, мы читаемъ слѣдующее: Борзосмыслъ „взя прекрасную и предивную дѣвицу Зевериаду, дщерь... Несміяна Гордаго, и крестипа ее и нарекоша имя ей Маремѣя“. Здѣсь мы находимъ два новыхъ имени, при чемъ имени Евпраксіи соответствуетъ имя Маремѣяны (Маріамны). Быть можетъ, послѣднее имя бросить свѣтъ на загадочную личность былинной Марины. Я уже указывалъ, что это имя въ вашихъ былинахъ — типическое и придается женщинамъ-иностранкамъ, иной вѣры, злымъ и измѣнчивымъ. Какъ на такой типъ, я указывалъ между прочимъ на неvěсту Ивана Годиновича. Въ большинствѣ пересказовъ былины она носитъ имя Настасьи, но въ „Печорскихъ былинахъ“ г. Ончукова мы встрѣчаемъ рядомъ два имени: „На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлой, На той Маремѣяны на прекрасной,“—и далѣе она называется то Маремѣяной, то Маринкой (стр. 313 и слѣд.). Что звуки *ян* въ этомъ имени не поздняго происхожденія, о томъ свидѣтельствуетъ отчество неvěсты Ивана Годиновича изъ „Бѣлом. был.“, стр. 97, — Митреяновна. Сравнивая былинку о Глѣбѣ Володьевичѣ съ повѣстью о Басаргѣ, я отмѣтилъ, что дочь Несміяна соответствуетъ Маринѣ Кайдаровой; въ новой редакціи повѣсти мы находимъ имя Маремѣяны. Теперь можетъ быть поставленъ вопросъ: не принадлежало ли это имя первоначальной редакціи повѣсти и не находилось ли оно также въ томъ предполагаемомъ сказаніи, которое послужило оригиналомъ былины? Во всякомъ случаѣ,

имя „Маріамна“ могло дать форму „Марина“, какъ оно дало формы „Маремьяна“, „Марьяна“, „Мариха“ (последнюю, уничижительную, форму имени Маремьяна я слышалъ на Терскомъ берегу Бѣлаго моря). Несомнѣннымъ является также то, что оба имени, даваемые дочери латинскаго епарха, въ былинахъ усвоены иностранкамъ, на которыхъ женятся (кн. Владимиръ—Апраксія) или пытаются жениться (Добрыня — Маринка) герои русскаго эпоса.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Марковъ.

Бъ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ.

„Когда зачиналася каменна Москва, тогда зачинался и грозной царь, что грозной царь Иванъ сударь Васильевичъ“—поетъ старинная пѣсня, внесенная уже въ Чулковскій пѣсенникъ. Отъ того же царя грознаго „зачинается“ собственно и московскій пикль историческихъ пѣсень, въ которомъ всего обильнѣе представлены событія изъ царствованія Ивана IV и народный взглядъ на личность самого царя. Громкія событія царствованія—взятіе Казани и Астрахани, Ермакъ и завоеваніе Сибири, осада Пскова Баторіемъ, отношенія царя семейныя къ Анастасіи Романовнѣ и шурина Никитѣ Романовичу, къ черкешенкѣ Маріи Темрюковнѣ, къ сыновьямъ, страшныя казни, вѣчныя исканія измѣны, опричники съ Малютой Скуратовымъ,—все это поража-ло народное воображеніе и нашло себѣ отраженіе въ пѣломъ рядѣ пѣсень, складывавшихся иногда вслѣдъ за событіями, иногда значительно позднѣе, въ болѣе безопасныя времена кроткаго царя Феодора Ивановича. О сложеніи пѣсень, воспѣвавшихъ событія свѣтлаго періода царствованія Ивана Грознаго, мы имѣемъ прямое указаніе у Олеарія. „Когда бывало этотъ царь,—говоритъ Олеарій въ своемъ дневникѣ,—захочетъ повеселиться за пирушкой, то приказываетъ пѣть пѣсни, сложенныя о завоеваніи Казани и Астрахани! ¹⁾ Мы никогда не узнаемъ, кто складывалъ эти пѣвшіяся при дворѣ пѣсни, и съ какими подробностями онѣ изображали взятіе этихъ городовъ, но слѣдуетъ думать, что придворныя пѣсни значительно отличались отъ тѣхъ искаженныхъ многими поколѣніями народа пѣсень о взятіи Казани, которыя изъ устъ простонародья попали въ наши сборники.

¹⁾ Олеарій, переводъ Барсова стр. 418.

Спеціальныхъ пѣсенъ о взятіи Астрахани до насъ вовсе не дошло, и взятіе же города упоминается только мимоходомъ.

Обильный запасъ пѣсенъ объ Иванѣ Грозномъ недавно пополнился еще интересными записями гг. Григорьева и Ончукова. Сибирскія пѣсни изъ того же цикла въ записяхъ С. И. Гуляева и В. Г. Богораза (Тана) были въ текущемъ же году изданы нами въ статьѣ „Историческія пѣсни изъ Сибири“¹⁾. Въ видѣ дополненія къ этому постоянно накапливающемуся матеріалу, свидѣтельствующему о томъ, на сколько до сихъ поръ еще живо пѣсенное преданіе о Грозномъ въ разныхъ областяхъ Россіи, приведемъ еще два варианта пѣсенъ о Кастрюкѣ, почерпнутыхъ нами изъ архива нашего Этнографическаго Отдѣла.

Первый вариантъ, записанный въ Оренбургѣ въ 1872 году г. Р. Г. Игнатьевымъ, по словамъ послѣдняго поется одинаково въ Оренбургской, Уфимской и Пермской губерніяхъ.

К а с т р ю к ѣ .

I.

Зачиналась каменна Москва,	Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
Зачинался въ ней и грозный царь.	А тотъ ли гость самый набольшій,
Онъ Казань-городъ на славу взялъ,	20 Самой набольшій самъ цари-
Мимоходомъ городъ Астрахань.	цынь братъ
5 Какъ задумалъ православный	Кастрюкъ и Кастрюковичъ:
государь,	Онъ думаетъ крѣпку думушку,
Да и задумалъ онъ жениться.	Что не думушку богатырскую.
Не у себя на святой Руси,—	Какъ возговорить Кастрюковичъ:
Бралъ государь во клятой ордѣ;	25 «Охъ ты гой еси царь,
Да и не такъ онъ бралъ,—съ	Православный государь,
приданаемъ:	Надежа-государь Иванъ Василье-
10 Полтораستا бояриновъ,	вичъ.
Полтретьяста татариновъ,	Аль у ти каменна Москва
Около тысячи донскихъ казач-	Избѣдѣлась, изубожилась,
ковъ,	30 Али нѣтъ у тебя въ каменной
Охъ донскихъ казачковъ,	Москвѣ
Разудалыхъ молодцовъ.	Что борцовъ-молодцовъ, охотнич-
15 Вотъ сидѣли гости да кушали,	ковъ,
Бѣлаго лебедя рушили;	Съ кѣмъ бы было мнѣ повѣдаться
Какъ одинъ-то гость не кушаетъ,	Крѣпной силою помѣряться?»

¹⁾ См. Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. И. Акад. Наукъ т. IX, кн. 1 стр. 1—27.

- Какъ возговорить православный
государь:
35 — Охъ ты гой еси Кастрюкъ Ка-
стриковичъ! 50
Да когда же моя каменна Москва
Избѣднѣлася, изубожила? 55
Много у меня удалыхъ молод-
цевъ,
Съ силой крѣпкою, богатырскою; 55
40 Только стоитъ слово молвити. —
И велѣлъ тутъ царь вѣдчъ кли-
кати.
Выходили изъ галичнаго ряда
Два брата родные Андреевы,
Оба Андреи Андреевичи. 60
45 Какъ завидѣлихъ Кастрюковичъ,
Онъ кинулся аки бѣшенный:
- Полтора ста скамей повалилъ,
Полтретьяста людей задавлялъ,
А схватилъ онъ брата меньшаго
Что Андрея-то Андреевича.
Какъ пошла первая-то схваточка,
Съ Кастрюка долой шапочка,
Какъ другая-то схваточка,
Съ Кастрюка долой шубочка;
55 А какъ третья то схваточка, —
Палъ Кастрюкъ на сыру землю.
Какъ возговорить Кастрюкова
сестра:
Государева жена:
«У насъ евтого не водится,
60 Съ Кастрюкомъ никто не бо-
рется»...

Нельзя не отмѣтить, что запись сдѣлана безъ соблюденія особенностей мѣстнаго говора и нѣсколько ретуширована въ литературномъ отношеніи. Сравнительно съ другими вариантами, особенно сѣверными, имѣющими отъ 100 до 200 стиховъ, оренбургская пѣсня значительно сокращена въ подробностяхъ и даже не упомянула имени царицы Маріи Темрюковны. По содержанію интересъ ея не высокъ, но любопытна сопровождающая пѣсню „игра“, которую описываетъ Р. Г. Игнатьевъ: „Въ городѣ Златоустѣ Уфимской губ., во время святокъ, такъ представляютъ въ лицахъ Кастрюка и братьевъ Андреевичей: Кастрюкъ садится вмѣстѣ съ другими на лавку и запѣваетъ; прочіе подтягиваютъ. При словахъ: „Какъ возговорить Кастрюковичъ“, представляющій Кастрюка становится среди комнаты и обращается, вмѣсто Грознаго, къ хозяину дома, а затѣмъ опять садится на свое мѣсто. Когда же запойтъ: „Кинулся аки бѣшенный“ — Кастрюкъ роняетъ скамью и всѣ сидѣвшіе притворяются упавшими и убившимися до смерти. Затѣмъ Кастрюкъ борется съ Андреемъ Андреевичемъ младшимъ, старшій братъ стоитъ въ сторонѣ и смотритъ, а гдѣ такъ знаками подбодряетъ борцовъ. Когда Андреевичъ побораеъ Кастрюка, всѣ встаютъ и допѣваютъ пѣсню. Въ то время, когда гости или ряженые, упавъ со скамьи, лежатъ на полу, то, чтобы пѣсня не прерывалась, ее поетъ старшій Андреевичъ и другіе, которые раньше не сажались на скамью, т.-е. не изображали

застольныхъ гостей. Иногда при словахъ: „Какъ возговорить Кастрюкова сестра“, выходитъ на середину комнаты мужчина, переодѣтый женщиной, и опять таки обращается къ хозяину дома“. Такимъ образомъ это оригинальное „дѣйство“ вполне оправдываетъ извѣстное во многихъ мѣстахъ Россіи выраженіе „играть пѣсню“. Любопытный примѣръ сочетанія эпического элемента съ драматическимъ!

Вторая пѣсня о Кострюкѣ, записанная г. А. Дешинымъ въ Калужской губ., была доставлена Этнографическому Отдѣлу В. Ласкинымъ.

<p>Охъ у насъ, у насъ, у насъ,
 Какъ у насъ было при первомъ
 царѣ,
 При царѣ, царѣ, царевичѣ,
 При Ивану Васильевичу,
 5 При блаженной памяти его.
 Захотѣлося жениться ему.
 Онъ и бралъ войной за себя
 Настасью ¹⁾ Земзюрьевну,
 Земземелью Земзюрьевну,
 10 Зем-зем-зюрьевну.
 «Охъ, какъ всѣ-то гости съѣха-
 лися,
 Охъ, одного гостя нѣту,
 Какъ нѣтъ моего гостя милаго,
 Мово шурина родимаго».
 15 Онъ пріѣхалъ послѣ всѣхъ
 И садился повыше всѣхъ.
 Охъ, возговорилъ царь-государь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Охъ, ты гоѣ еси Кострюкъ-Во-
 стрюкъ!
 20 Хлѣба-соли ты не кушаешь,
 Бѣла лебедя не рушаешь,
 На кого ты лихо думаешь?
 На меня ли, на меня ли, на царя,
 Иль на вѣру православную?»
 25 — «Сколько сколько я земель
 произошелъ,
 По себѣ бойца я не нашелъ». —</p> | <p>Охъ возговорилъ царь-государь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
 «У насъ, у насъ есть бойцы,
 30 Удалые молодцы,
 Они люди Калашниковы,
 Они дѣти Заложниковы».
 Они по торгу похаживаютъ,
 Рукавицы натягиваютъ,
 35 Усы за уши закладываютъ.
 Приходили на царскій дворъ,
 Кричали громкимъ голосомъ
 своимъ:
 «Высылай, высылай намъ бойца,
 Высылай удалого молодца!»
 40 Услыхалъ Кострюкъ-Вострюкъ,
 Онъ триста скамеекъ повалилъ,
 Пятьсотъ брюхановъ задавилъ,
 Полтораста донскихъ казаковъ
 побилъ.
 Какъ Гришуха-то маленькій,
 45 А Петрушка коротенькій, —
 Подхватилъ онъ пониже себя,
 Приподнялъ онъ повыше себя,
 Да какъ вдарить объ мать сыру
 землю.
 Какъ мать сыра земля дрогнула,
 50 Кострюково брюхо лопнуло.
 Выходила сестра его Марья:
 «Какой ты мужикъ, мужикъ!
 Крапивное ваше сѣмячко.</p> |
|---|---|

¹⁾ Обмолвка вм. Марья, см. дальше.

Много, много васъ на свѣтъ уро- 55 Ты какую бѣду учинилъ,
дился. Кострюка брата до смерти убилъ!>

Калужскій варіантъ г. Дешина, съ яркими признаками скомо-рошней обработки, представляетъ, кажется, наибольшее сходство съ недавно изданнымъ мною сибирскимъ варіантомъ Гуляева, записаннымъ на Локтевскомъ заводѣ ¹⁾. И здѣсь и тамъ при имени паря Ивана прибавленъ стихъ: „*При блаженной памяти сю*“, указывающій на то, что кончина Ивана Васильевича—событіе не очень давнее. Подобное выраженіе изъ почти 50 извѣстныхъ намъ записей пѣсни встрѣчается еще только въ трехъ варіантахъ изъ Симбирской ²⁾ и въ одномъ изъ Смоленской губерніи ³⁾. И здѣсь и тамъ отчество *Темрюковна* искажено въ *Земзюрьевну*. Наконецъ, въ обоихъ борцы, поборовшіе Кострюка, называются братьями Калашниковыми, хотя имена ихъ не совпадаютъ: въ сибирскомъ варіантѣ они названы *Ванька маленький* и *Данилко коротенькій*, въ Калужскомъ—*Гришуха маленький* и *Петрушка коротенькій*. Попытка къ объясненію фамиліи *Калашниковы* въ связи съ историческимъ лицомъ изъ временъ Іжедмитрія Оеодоромъ *Калачникомъ* сдѣлана мною въ замѣчаніяхъ къ гуляевскому варіанту, къ которымъ я и отсылаю читателя ⁴⁾.

Среди бумагъ Этнографическаго отдѣла встрѣтилась намъ также записъ двухъ пѣсень казанскихъ татаръ о событіяхъ царствованія Ивана Грознаго, предшествовавшихъ непосредственно взятію Казани. Къ татарскому тексту, записанному со словъ казанскихъ татаръ Кабы Абызова и Дзинура Тихвинова, приложенъ русскій переводъ, сдѣланный г. Писаревымъ при помощи знакомыхъ татаръ. По нашей просьбѣ академикъ Ѳ. Е. Коршъ и преподаватель Лазаревскаго института Мирза Абдулла Гаффаровъ любезно взяли на себя трудъ передать татарскій текстъ русской транскрипціей и провѣрить переводъ г. Писарева, коегдѣ нѣсколько отступавшій отъ оригинала. Мы приведемъ обѣ

¹⁾ См. мою статью: „Историческія пѣсни изъ Сибири“. Извѣстія Отд. русс.-яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. IX, кн. 1, стр. 16—19.

²⁾ Кирѣевскій IV, ст. 125, 163 и 165.

³⁾ Смоленскій Этногр. Сборникъ, В. Добровольскаго, IV, ст. 609.

⁴⁾ Историческія пѣсни изъ Сибири, стр. 24 и 25.

пѣспи въ переводѣ О. Е. Корша и М. А. Гаффарова, приложивъ въ концѣ татарскій подлинникъ.

Татары помнятъ событія, предшествовавшія паденію Казанскаго царства тверже, чѣмъ наши пѣсни о взятіи Казани подкопомъ. Они внесли въ пѣсни имена хановъ Шигали и Едигера и даже хронологическую дату, впрочемъ, неточную. Первая пѣсня касается похода Ивана IV подъ Казань, предпринимаго въ 1550 году. Распутица не позволила русской рати итти далѣе устья рѣки Свіяги. Здѣсь въ 8 верстахъ отъ ея впаденія въ Волгу, въ разстояніи 38 в. отъ Казани, была построена крѣпость—Свіяжскъ—и оставленъ русскій гарнизонъ. Вслѣдствіе этого горные черемисы подчинились Россіи, и Казань была сильно стѣснена. Татарское преданіе сохранило память о постройкѣ русской крѣпости на Свіяжской горѣ.

I.

1.

Въ тысяча пятисотомъ году ¹⁾
Казань въ рукахъ мусульманъ (еще
была).
Къ этому городу Казани
Иванъ Русскій пришелъ.

4.

Мусульмане увидѣли,
Распросивъ, изслѣдовавъ, узнали.
«Эта земля наша.
Откуда ты пришелъ?» сказали они.

5.

2.
Иванъ Русскій въ полѣ
При ратныхъ людяхъ.
При городѣ Казани
Бой-драка произошла.

«Безбожный невѣрный, ты пришелъ,
Здѣсь поселился ²⁾.
У кого ты взялъ дозволеніе?
(Такъ) говоря, ихъ удалили (?) ³⁾

6.

3.
Это и боемъ-то (успѣшнымъ) не было: Къ Его Величеству Ядигеру
Казани города онъ не взялъ.
На этой Свіяжской горѣ
Невѣрный крѣпость поставилъ.

Невѣрные, воздавая почетъ,
пришелъ,
Послѣ того съ позволеніемъ
На этой горѣ остались.

Пѣсня помнитъ, что царь Иванъ лично ходилъ походомъ, по обстоятельства заложенія Свіяжска значительно искажены, мо-

¹⁾ Событіе относится къ 1550 году.

²⁾ Въ переводѣ г. Писарева: *занялъ здѣсь мѣсто*.

³⁾ Въ переводѣ г. Писарева: *этими словами они его сдѣлали безответнымъ*.

жетъ быть, подъ вліяніемъ чувства національной чести. Пѣсня рассказываетъ, что городъ былъ основанъ съ позволенія царя Едигера, которому „невѣрные“ оказали почетъ. Историческіе факты здѣсь совершенно расходятся съ пѣсней. Послѣ постройки Свияжска стѣсненные казанцы просили Ивана дать имъ царя. Иванъ послалъ имъ въ цари Шигалея съ условіемъ уступки горной стороны Россіи. Положеніе московскаго ставленника въ Казани было очень затруднительно: казанцы требовали возвращенія горной стороны, московское правительство—вассальнаго подчиненія. При такихъ условіяхъ Шигалей долженъ былъ оставить Казань, которая призвала себѣ въ цари ногайскаго хана Едигера (Ядигара). Слѣдствіемъ этого было обложеніе Казани царскимъ войскомъ, взятіе ея подкопомъ и плѣненію Едигера, крещеннаго затѣмъ подъ именемъ Симеона.

II.

Изъ ханскаго рода былъ одинъ чело- Зато, чтобъ онъ въ порохъ налилъ
вѣкъ, воды.

Имя его было Шыгали; Шыгали также общалъ.
Возмутителямъ (?) онъ былъ другомъ, Онъ самъ себя не зналъ,
Плѣнникомъ въ рукахъ у невѣр- Его глаза также не могли насы-
тыхъ ¹⁾. титься деньгами,

Много людей пошло (къ Русскимъ), Отъ невѣрныхъ русскихъ взявъ
Много денегъ давъ, взяли ²⁾, деньги,

Въ этомъ городѣ Казани Въ порохъ онъ налилъ воды.

Сдѣлали его ханомъ. Невѣрный русскій усилился,

Шыгали хану Иванъ Русскій Правовѣрный мусульманнъ уни-
Много денегъ общалъ, зился ³⁾.

¹⁾ Эти два стиха переведены у Писарева такъ: *Онъ--другъ естьъ разграт-
нымъ людямъ, былъ въ рукахъ Русскихъ.*

²⁾ Въ переводѣ Писарева: *мною подарковъ тамъ съ нихъ взяли.*

³⁾ Последніе 7 стиховъ въ переводѣ г. Писарева:

Шыгали общался сдѣлать это.
Самъ себя не знаетъ!...
Съ богатства у него глаза не сыты!
Отъ русскихъ получивши богатство,
Въ порохъ влилъ воды.
Русскіе сдѣлались сильнѣе,
А мусульмане слабѣе.

Изъ нерасположенія къ русскому ставленнику Шигалею пѣсня сдѣлала его корыстолюбивымъ предателемъ, подготовившимъ паденіе Казани порчей пороха водою. Обычный пріемъ національной гордости, объясняющей понесенное пораженіе измѣной, отразился и въ этой татарской старинной пѣснѣ, еще проникнутой тѣми чувствами, которыя питало къ Шигалею и къ русскимъ поколѣніе, бывшее свидѣтелемъ паденія Казанскаго царства. Въ противоположность Шигалею первая пѣсня, какъ мы видѣли, восхваляетъ Едигера, который будто бы далъ позволеніе русскимъ остаться на Свіяжской горѣ, указавъ имъ сначала на ихъ неправоту.

Тѣмъ же почеркомъ (г. Писарева) записана на листикѣ почтовой бумаги еще одна татарская пѣсня въ русскомъ переводѣ, но безъ татарскаго оригинала. Въ ней упоминается также русскій Иванъ, оставшійся надолго въ памяти казанскихъ татаръ, и татарскій удалецъ Чура. Содержаніе пѣсни уже совершенно фантастическое.

III.

Былъ одинъ человѣкъ — имя его Чура,
 Много русскихъ побить ему Богъ помогалъ.
 Было одно живое существо, имя его никто не зналъ,
 Какъ зашелъ онъ въ Казань-городъ никто не видалъ.
 Сказали (Чурѣ): «Эй ты Чура! Вѣдь тебѣ Богъ помогаетъ,
 А Божьей воли противиться нельзя:
 Ивана то Русскаго ты бы въ мелкія части изрубилъ».
 Чура вошелъ къ Ивану, а Иванъ въ палатѣ сидитъ;
 Чура пошелъ въ палату и отрубилъ ему голову.
 Иванъ сидѣлъ да ужиналъ, въ то время и отрубилъ ему голову.
 Ивановы слуги пришли, чтобы взять посуду,
 А голова оказалась въ чашкѣ.

С. К. Шамбинаго обратилъ мое вниманіе на то, что татарскій князь Чура упоминается въ старинной русской повѣсти о Казанскомъ взятіи и, по моей просьбѣ, сдѣлалъ слѣдующія выписки изъ главы „О воставшемъ въ Казани мятежи и о изгнаніи царя ихъ и о взятіи царя Шигалѣя и о избеженіи изъ Ка-

зани и о біеніи князя Чюры¹⁾. „И вложи Богъ милосердіе... въ сердце болшаго князя Чюре Наровича, властеля Казанскаго... и припаде ко царю (Шигалѣю)... добру помощь ему дая совѣтомъ своимъ и печаль отъ него отрѣвая,.. избавляя царя отъ неповинныя смерти... сказуетъ ему вельможъ московскихъ, по именомъ, доброхотающихъ ему...²⁾

„Казанцы же неотложно хотѣше царя убить, но побеждаше ихъ смиреніе его, и маяя имъ Чюра царя убить... Во единъ же день праздника нѣкоего срацынскаго обычай... во граде же всѣмъ людемъ, малу и велику, пльномъ, Чюра же проводи царя изъ Казани до Волги и спусти его убежать... и рече Чюра: „азъ виѣсто тебя умру въ Казани, и моя буди глава въ твои мѣсто главы; ты же мною да избавленъ буди и не забуди мене, егда будеши преже мене въ Москвѣ“...³⁾

„азъ буду за тобою готовъ бѣжати изъ Казани къ Москвѣ“. И советъ давъ ему Чюра: да ждетъ его царь на нѣкоемъ мѣсто знаеме, день ему нарече, да зъ женами своими и зъ детьми... побѣгну азъ къ украинамъ рускимъ“.

„Разгневася князь Чюра на казанцевъ о царѣ Шигалѣ, что мечь сотвориша... възхотѣша его убить... Се бо царь испущенъ Чюрою княземъ—и на реку Богомъ и воевода его, со всѣми отроки, князь Дмитрѣи, не бегомъ, за царемъ же, побежа къ Василию граду, къ рускимъ украинамъ, въ борзоходныхъ струзехъ... Отъ страха смертного царь же забы пождати друга своего вѣрнаго, Чюру Нарыковича, на мѣсте уреченномъ, избавляшаго его отъ смерти...⁴⁾

„(Казанцы) гнѣвахуся вси на Чюру, яко унимаше ихъ убить царя и роптаху... Они же почиташе Чюру за храбрость его и за высокоуміе его во всемъ граде. Чюра же по времени собрався зъ женами своими и зъ детьми (съ нимъ же бѣ 500 служавшихъ рабъ его, во оружїяхъ оделанны; всѣхъ ратникъ съ нимъ 1000...) и побежа къ Москвѣ, спустя по царѣ 10 дней, и до-

¹⁾ См. Полн. Собр. р. л. т. XIX, стр. 49—55. Выписки сдѣланы изъ текста болѣе древняго по составу. На стр. 281 и слѣд. помѣщенъ текстъ позднѣйшій неполный.

²⁾ Стр. 52.

³⁾ Стр. 53.

⁴⁾ Стр. 54.

гнавъ мѣста реченного и не обрѣте царя, ждущаго его. И горко ему бысть въ той часъ. А казанцы же увѣдавъ бѣжаніе Чюры и гнавши за нимъ и догнаша. Онъ же, чаая отбитися отъ нихъ... и бившеся съ ними долго. И убиша храброго своего воеводу Чюру Нарыковича и с сыномъ его... И нѣсть болши сея любви ничтоже, аще кто за друга душу свою положить или за господина ¹⁾).

Изъ этихъ выписокъ видно, что упоминаемый въ татарской пѣснѣ Чура былъ несомнѣнно историческимъ лицомъ, „извѣстнымъ за свою храбрость и высокоуміе во всемъ градѣ“ (Казани). Однако, татарское народное преданіе совершенно измѣнило его историческій обликъ. Судя по повѣсти, князь Чура былъ другомъ московскаго ставленника царя Шигалея, содѣйствовалъ его бѣгству изъ Казани и самъ со своими единомышленниками послѣдъ за Шигалеемъ собирался въ ненавистную казанцамъ Москву, такъ что съ казанской точки зрѣнія онъ долженъ бы былъ представляться измѣнникомъ. А между тѣмъ татарская пѣсня, позабывъ объ его измѣнѣ, сдѣлала его національнымъ богатыремъ, побивавшимъ, съ помощью Бога, русскихъ и отрѣзавшимъ голову Ивану русскому, т.-е. Ивану Грозному. Трудно сказать, чѣмъ объясняется это возвеличеніе Чуры народнымъ преданіемъ. Можетъ быть, оно помнило какіе-нибудь болѣе ранніе воинскіе подвиги его, которые прославили его имя въ Казани, такъ какъ изъ русской повѣсти видно, что Чура пользовался „за храбрость“ высокимъ почетомъ въ городѣ и оказывалъ сильное вліяніе на казанцевъ.

Прилагаю татарскій текстъ обѣихъ казанскихъ пѣсень въ русской транскрипціи съ объясненіями, данными академикомъ О. Е. Коршемъ.

„Въ объясненіе принятой здѣсь транскрипціи, которая въ значительной степени обусловлена отсутствіемъ болѣе подходящихъ знаковъ въ типографіи, замѣтимъ слѣдующее: 1) *ж* и *з* передъ *а*, *о*, *у*, *ы* соотвѣтствуютъ арабскимъ буквамъ *кафъ* и *гайъ*, т. е. выражаютъ глубоко-гортанные *ж* и южно-русское *з*, а передъ прочими гласными должны произноситься приблизительно такъ же, какъ по-русски; 2) *м* выражаетъ турецко-татарское

¹⁾ Стр. 55.

самыр-нун („глухой *н*“), т. е. нѣмецкія *ng* въ *lang, Länge*; 3) *ж* = арабскому *джимъ* = *дж* или *чж*; 4) *с* = арабскому *савъ* = англ. *w*; 5) *л* въ словахъ съ гласными *а, о, у, ы* = русск. *л* въ *лобъ*, а въ словахъ съ прочими гласными = франц. или нѣм. *l*; 6) *й* = ар. *я* (*йа*) = нѣм. *j*; 7) *ъ* = ар. *ха* = нѣм. *h*; 8) *я* и *ю* = нѣм. *ä* и *ü*; 9) *е, ё, о, ы* = открытымъ *і, у, ѳ, ы* (т. е. приближающимися къ *е, ё, о* и *э*).

I.

менгдѣ бѣш йѣз йылында
Казан мосолман кулында;
ошпо Казан шяъренѣ
Ыбан урыс килде-йа.

V.

«ден-сез кяфер килѣп-сян,
мында мабам кылоп-сан;
кемден рохсат алоп-сан?»
тійѣбян жѣдѣ кылды-йа.

II.

Ыбан.....¹⁾ йазда
яскарь халкы йаныда;
шяър-е Казан йаныда ²⁾
орош сугыш булды-йа.

VI.

кяферляр таттым вылоп,
йядегар хазрятенг ³⁾ килѣп,
сунграсында рохсат берлян
ошпо тагда калды-йа.

III.

ул сугыш-та булмады:
Казан шяърен алмады;
ошпо Зѣйя тагына
кяфер кала салды-йа.

VII.

хан нысендян бер ір бар ірде,
есме анынг Шыгале ірде,
шагыллярга ⁴⁾ йар ірде,
тоткон кяфер кулында.

IV.

мосолманлар кюрделяр,
сорап езляп белделяр:
«ошпо безненг јіремеъ» дїп:
«кайдын килденг?» кылды-йа.

VIII.

кюп халайык бардылар,
кюп мал бірѣп алдылар,
ошпо шяър-е Казанга
хан кылдылар ірде-йа.

¹⁾ Пропускъ. Переведено по предположенію „урыс тѣз“.

²⁾ „алдында“=передъ?

³⁾ „хазрятенг“? но по стиху (см. ниже) вѣроятнѣе „ханга“.

⁴⁾ Арабское „шагыл“ значитъ „занимающій (заботящій)“, что здѣсь не годится. Кроиъ того по общему правилу слѣдуетъ „шагыллярга“. Переведено по предположенію „сафееллярга“=низкимъ, но возможно напр. и „шыкеллярга“= (ему) подобнымъ.

IX.

Шыгале ханга Ыбан урыс
кюп мал вягди кылоп-тор
дарога сув коймак ечѣн.
Шыгале ъям вягди кылды-ѣа.

кяфер урыстан мал алоп
дарога сув койды-ѣа.

XI.

X.

юзе юзене белмас,
кюзе ъям малга туймас,

кяфер урыс зур булды,
мѣмен мосолман хур булды ¹⁾.

Общія замѣчанія.

1) Въ основѣ стиховъ этой пѣсни лежитъ размѣръ, общій всѣмъ туркамъ, отъ Енисея до Балканъ, который въ правильномъ, нормальномъ видѣ воспроизводитъ слѣдующій ритмъ: .! .! .! .! или, рѣже, .! .! .! .! (въ обоихъ случаяхъ 7 слоговъ). Этотъ основной размѣръ часто распространяется лишними слогами, но здѣсь онъ вообще выдержанъ такъ хорошо, что тамъ, гдѣ число слоговъ нарушено, можно подозрѣвать ошибки въ передачѣ, по большей части легко устранимы: I (строфа) 2 (стихъ) „мѣслем (или „мѣмен“) кулында“, IV 3 безъ „дип“, V 4 „тійѣп“, VI 3 „сунгра рохсаты берлян“ (?), VII 1 „анда бер ip“ (?), 2 безъ „анынг“, IX 1 „ул ханга“, 3 „койсон дип“ (?) или „кой тиде“ ? ср. ниже), 4 „ул“, X 3 „кяфердян (или „урыстан“) кюп мал“, XI 2 „мѣмен мѣслем“. Причина или, по крайней мѣрѣ, одна изъ причинъ этихъ ошибокъ состоитъ въ томъ, что передатчикъ или переписчикъ не пѣлъ, а говорилъ эту пѣсню, какъ видно между прочимъ изъ того, что въ строфѣ IX стихъ 3 соединенъ по грамматической конструкціи съ 2, а не съ 4, какъ-бы слѣдовало на основаніи парности стиховъ въ такихъ строфахъ или куплетахъ.

2) Языкъ этого стихотворенія — казанское нарѣчіе, но съ чагатайскими примѣсами: II 2 и 3 „ѣаныда“ вм. „жанында“, II 3 и VIII 3 „шыр е Казан“ съ персидскимъ изафетомъ вм. „Казан шыре“ (какъ I 3 и III 2), III 3 и VI 4 „таг“ вм. „тав“,

¹⁾ Недостаетъ двухъ стиховъ, примѣрно такого содержанія:

Казан шыре ул чакта
кяфер-шыре булды-ѣа.

городъ Казань въ то время
городомъ невѣрныхъ сдѣлалась.

IV 4 „кайдын“ вм. „кайдан“, V 3 „кемден“ вм. „кемдян“ (кем-нян) V 4 „тійёбян“ вм. „тіеп (тіп)“, VI 3 „берлян“ вм. „белян“, VII 1—3 и VII 4 „ірде“ вм. „еде“. Чагатаизмомъ можно признать и прибавочное „йа“ (ср. перс. „гуфт-а“ = онъ сказалъ) въ концѣ всѣхъ строфъ кромѣ VII. Сюда-же могутъ быть отнесены правописаніе дѣепричастій „кілѣп“ V 1 и VI 2, „кылоп“ V 2, VI 1 и IX 2, „алоп“ V 3 и X 3, „бірѣп“ VIII 2 вм. „кілеп“, „кылып“, „алып“, „біреп“ и составленная изъ нихъ форма прошедшаго совершеннаго V 1—3 и IX 2 вм. „кілгян-сен“, „кылган-сын“ и т. п. По-чагатайски или, по крайней мѣрѣ, этимологически написаны „йѣз“ I 1, „йыл“ I 1, „йаз“ II 1 и др. слова съ начальнымъ й вм. ж, „мосолманлар“ IV 1 вм. „мосолманнар“ или „босорманнар“, „няслендя“ (впрочемъ но-чаг. „няслідін“) вм. „няслення“.

При изданіи этого текста мы съ благодарностью воспользовались указаніями профессора Н. О. Катанова, къ сожалѣнію, немногочисленными, такъ какъ они были вызваны не просмотромъ всего текста и перевода, а лишь нашими вопросами по поводу отдѣльных мѣстъ. Между прочимъ, этому знатоку казанскаго нарѣчія и татарскихъ пѣсень принадлежитъ окончательная редакція предположенныхъ въ концѣ двухъ стиховъ. Онъ же считаетъ возможнымъ удержать „тійёбян“ (V 4), читая „тійбян“. Кстати объ этомъ стихѣ: не скрывается ли въ персидскомъ „жѣдя“ (собственно „жуда“ = отдѣльный), арабское „жыдал“ точнѣе „жідал“ = битва), отчего переводъ былъ бы долженъ измѣниться такъ: „(Такъ) сказавъ, завязали битву?“

Вс. Миллеръ.

Бѣломорская былина и повѣсть Петровскаго времени.

Давно прошла пора, когда въ нашемъ былевомъ эпосѣ все—отъ перваго до послѣдняго слова—считали самобытнымъ. Въ настоящее время никто не станетъ отрицать вліянія странствующихъ сказаній, попадавшихъ въ русскій эпосъ или путемъ устной передачи, или литературнымъ путемъ. Одной изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ задачъ изслѣдователя былины является теперь указаніе источника заимствованія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и выясненіе, какъ обработанъ заимствованный сюжетъ, потому что это бросаетъ свѣтъ на русское народно-поэтическое творчество вообще. При этомъ большой удачей можно считать, если послужившее оригиналомъ былины сказаніе находится среди памятниковъ русской литературы.

Какъ разъ къ такому роду принадлежить былина о женитьбѣ Пересмякина племянника, записанная *А. В. Марковымъ* отъ крестьянки с. Нижней Зимней Золотицы Марыи Крюковой (біографію ея см. въ „Бѣломорскихъ былинахъ“ *А. В. Маркова* на стр. 304). Полный текстъ былины печатается въ настоящее время вмѣстѣ съ напѣвомъ въ т. I. „Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи“, здѣсь же я только изложу содержаніе.

„Во славномъ во городѣ во Кіевѣ у князя у Владимира“ жилъ богатырь-Пересмякинъ родной племянничекъ, который очень любилъ „въ мореходствѣ ходить“. Однажды онъ сталъ просить у князя Владимира разрѣшенія съѣздить съ товарами русскими въ земли невѣрныя; князь, узнавъ, что дядя богатыря согласенъ отпустить племянника, даетъ разрѣшеніе. Пересмякинъ племянникъ послѣ благополучнаго путешествія распродаетъ свои товары въ Царьградѣ, закупаетъ товары заморскіе и отправляется домой, но на обратномъ пути буря заноситъ его корабли на пустынные

острова (они далѣе называются Милитрискими), гдѣ живутъ „камышники“. Дружина гибнетъ, самого же богатыря разбойники, прельщенные его красотой, дѣлаютъ своимъ атаманомъ.— Далѣе дѣйствіе переносится въ славный городъ Христинъ (также Херестинъ, Харастинъ). Дочь Херестинскаго князя Марфида, любительница „по морю гулять“, отправляется однажды съ двумя подружками въ морскую прогулку. Поднимается буря, и лодку прибываетъ къ Милитрискимъ островамъ; подружки со страху бросаются въ воду, а обливающаяся горячими слезами княжна попадаетъ въ руки разбойниковъ, которые передаютъ свою добычу атаману. Пересмякинъ племянникъ, узнавши отъ Марфиды объ ея происхожденіи и приключеніяхъ, объявляетъ, что „возьметъ ее родной своей сестрой“. Усмотрѣвъ, что „никакъ нельзя, уѣхать на лошадяхъ“, богатырь предлагаетъ княжнѣ бѣжать съ острова на лодкѣ. Они приводятъ свой замыселъ въ исполненіе во время сна разбойниковъ, и попутные вѣтры приносятъ ихъ къ городу Херестину. Счастливый отецъ охотно выдаетъ дочь за Пересмякина племянника.

«Оне скоро златыма персьяныи помѣнялись съ её,
165. Нагрузили они черны кѣрабли,
Отправились они въ славный Кіевъ-градъ,
Приняли съ её по златому по вѣнцу».

Несмотря на упоминаніе кн. Владимира и Кіева и многія чисто былинныя выраженія, былина производитъ впечатлѣніе повѣсти, переложенной въ пѣсню. Дѣйствительно, оригиналомъ для нея послужила „Гисторія о Россійскомъ матросѣ Василии Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли“¹⁾; эта послѣдняя въ свою очередь есть русская переработка „Гисторіи о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и о прекрасной гишпанской королевнѣ Элеонорѣ“²⁾. Содержаніе „Гисторіи о матросѣ Василии“, извѣстной всего въ трехъ спискахъ, изъ

¹⁾ Издана покойнымъ акад. Л. Н. Майковымъ два раза: „Журн. Мпн. Нар. Просв.“ за 1880 г. и въ „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій“. СПб. 1889.

²⁾ Издана ак. А. Н. Пытинымъ, теперь также покойнымъ, въ 1887 г. въ СПб. („Памятники древней письменности“ № LXIV подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи народной повѣсти“).

которыхъ два относятся ко второй половинѣ XVIII в. ¹⁾ и очень близки между собою, слѣдующее.

„Въ Россійскихъ Европіяхъ“ жилъ нѣкоторый дворянинъ, по имени Іоаннъ Коріотскій, имѣвшій сына Василия, „лицемъ зѣло прекрасна“. Видя отцову бѣдность, Василій отпросился въ Петербургъ и записался въ Кронштадтъ въ матросы, чтобы изъ своего жалованья помогать родителю. На службѣ онъ очень отличился и былъ сдѣланъ старшимъ. Когда отправляли матросовъ въ Голландію „для наукъ ариметическихъ и равныхъ языковъ“, Василій не попалъ сначала въ ихъ число, но потомъ „по его прошенію“ отпущенъ былъ и онъ за море. Въ Голландіи нашъ матросъ стоялъ „на квартирѣ“ у одного гостя и такъ полюбился ему, что гость сдѣлалъ Василия своимъ довѣреннымъ приказчикомъ и посылалъ его съ товарами въ Англію и Францію. Соскучившись по отцѣ, Василій рѣшилъ ѣхать домой, но гость долго не пускалъ его, наконецъ онъ „уволилъ ему ѣхать въ Россію“. Послѣ семидневнаго благополучнаго плаванія, поднялась сильная буря, разбившая корабль Василия, при чемъ всѣ, за исключеніемъ его самого, утонули; онъ же былъ выкинутъ на незнакомый островъ. Жителями острова оказываются разбойники, которые „видѣвъ его молодца удалаго и остра умомъ и зрачна, лицомъ прекрасна и осанкою добра зѣло“, принимаютъ его въ свою шайку, а затѣмъ даже выбираютъ своимъ атаманомъ.

Въ отсутствіе разбойниковъ новый атаманъ находитъ въ чуланѣ „зѣло прекрасну“ дѣвицу, оказывающуюся Иракліей, дочерью великаго короля Флоренскаго. Разбойники захватили ее въ то время, какъ она „гуляла, съ дѣвицами въ шлупкахъ“, дѣвицы они побросали въ воду, а королеву привезли на островъ. Василій общалъ Ираклію высвободить ее, для чего притворился передъ разбойниками: когда тѣ показали ему королевну, онъ „плюнулъ и вонъ пошелъ“ въ свой покой, удививъ разбойниковъ своимъ равнодушнымъ отношеніемъ къ женской красотѣ.

Подумавши о побѣгѣ, Василій „ѣздилъ по острову сему, но токмо кругомъ моря, а сухого пути слѣду нѣтъ“; ему удалось

¹⁾ Третій списокъ, находящійся въ Имп. Публ. Библіотекѣ и уступающій по достоинствамъ тексту, изданному Майковымъ, указать безъ обозначенія времени, къ которому его слѣдуетъ отнести, въ книгѣ В. Сиповскаго „Русскія повѣсти XVII—XVIII в.“ СПб. 1905, стр. 108.

подговорить рыбаковъ, которые и увезли его съ королевной въ Цесарію. Тамъ ихъ нашелъ адмиралъ, посланный Флоренскимъ королемъ отыскивать пропавшую королевну. Заманивъ Василія съ королевной на корабль, адмиралъ велитъ бросить перваго въ воду, королевну же похищаетъ. Та „обмерла отъ великой ужести“, но адмиралъ, „приступивъ къ королевнѣ и поднявъ, дулъ въ уши и лилъ на перси ея воду, дондеже могла прійти въ чувство.“ Подъ угрозой смерти, Ираклія соглашается признать адмирала своимъ спасителемъ и выйти за него замужъ. Василій же, какъ и надо было ожидать, не погибъ, а добрался до Флоренскаго государства „и выпросился у нѣкоторой старухи въ богадѣльню, на которую дрова сѣкъ и воду носилъ“. Королевна ѣдетъ въ кирку вѣнчаться съ обманщикомъ адмираломъ и слышитъ неожиданно игру на арфѣ и пѣніе Василія. Адмиралъ подвергается казни, Василій женится на королевнѣ и послѣ смерти ея отца становится самъ королемъ.

Такова повѣсть. Зависимость отъ нея былины настолько очевидна, что, какъ мнѣ кажется, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Обратимся теперь къ Долторну, чтобы убѣдиться, что исторія о немъ не вліяла непосредственно на нашу былину. Вотъ содержаніе „Гисторіи о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ,“ дошедшей до насъ въ 7 спискахъ, относящихся частью къ первой, частью ко второй половинѣ XVIII. вѣка и представляющихъ въ сущности одну редакцію.

„Португалскіе ковалеры“ живутъ на островѣ въ Гишпаніи и грабятъ корабли. Шляхтичъ Долгорнъ, просрочивъ время отпуски (онъ отпросился къ больному отцу), изъ страха наказанія ѣдетъ на разбойничій островъ (впрочемъ, по нѣкоторымъ спискамъ, Долторнъ просто ѣдетъ „въ далніе страны,“ а на островъ попадаетъ „незапно“). Здѣсь онъ дѣлается атаманомъ и успѣшно руководитъ шайкой.

Гишпанская королевна Элеонора, никогда не гулявшая на корабляхъ, просится у отца погулять съ подругами. Король разрѣшаетъ, давъ ей большую свиту съ „генераломъ фельтмаршаломъ“ во главѣ. Южный вѣтеръ заноситъ корабль къ разбойничьему городку. Разбойники сражаются съ экипажемъ и истребляютъ его; королевну, упавшую въ обморокъ, тащитъ къ себѣ одинъ эсаулъ, но, увидя Долторна, даритъ ему. Долторнъ

немедленно же хочет воспользоваться своимъ правомъ побѣдителя, но Элеонора называетъ себя, и онъ обѣщаетъ вѣрно служить ей и избавить ее отъ разбойниковъ. Опоивъ разбойниковъ, они бѣгутъ *на лошадахъ*; море же имъ приходится переѣзжать подъ самой Цесаріей (Римомъ). Цесарь, братъ гишпанскаго короля, въ благодарность за спасеніе племянницы назначаетъ Долторна вторымъ цезаремъ. Въ Цесарію пріѣзжаетъ адмиралъ, похищаетъ Элеонору такъ же, какъ въ „гисторіи о матросѣ Василии.“ Окончаніе такоо же, какъ и въ первой повѣсти.

Теперь прослѣдимъ, въ какихъ пунктахъ, кромѣ общаго сходства по содержанію, былина совпадаетъ съ повѣстью о матросѣ Василии и расходится съ „гисторіей о шляхтичѣ Долторнѣ.“

И Пересмякинъ племянникъ и Василій отправляются съ товарами въ отдаленныя страны и только для спасенія жизни вступаютъ въ разбойничью шайку, тогда какъ Долторнъ не купецъ, а дезертиръ, съ удовольствіемъ дѣлающійся разбойникомъ. „Долторнъ говорилъ имъ, что его пріѣздъ къ нимъ своевольный, сохраняя животъ свой отъ руки гишпанскаго короля, и къ нимъ пріѣхалъ для такихъ же дѣлъ въ какихъ и онѣ находятна.“ (стр. 5)

Въ повѣсти о Василии гость „уволить ему ѣхать въ Россію“; соотвѣтственно этому въ былинѣ стоитъ:

„Тебя уволить ли дяденька родимый твой?“ (ст. 15).

Корабли Василія и богатыря разбиваются, при чемъ экипажъ гибнетъ („вся ево дружиночка хоробрая покинула“ ст. 39). Въ гисторіи о Долторнѣ этихъ эпизодовъ, понятно, нѣтъ.

Героини обоихъ произведеній любятъ гулять по морю; въ злополучной прогулкѣ принимаютъ участіе только подружки. Въ „Долторнѣ“ Элеонора никогда раньше не гуляла по морю, и въ поѣздкѣ ее сопровождаютъ цѣлая военная свита подъ начальствомъ „генерала фелтъмаршала“.

Отношеніе Пересмякина племянника и матроса Василія къ героинямъ рѣзко отличается отъ Долторнова: первые два съ самаго начала относятся къ своимъ подругамъ по несчастью сердечно, Долторнъ же выказываетъ себя, выражаясь мягко, довольно предприимчивымъ. Вотъ это мѣсто: „Тогда Орезентонъ (другое имя Долторна), взявъ Элеонору въ спальную свою полату, въ которой бы имѣлъ еѣ раздѣтъ и положить на постели своей. И когда въ ту спальню вошли, тогда предъявилъ ей свое намѣреніе

оразрушеніи ея дѣвства". (стр. 17). Намѣреніе свое онъ оставляетъ только тогда, когда узнаетъ въ Элеонорѣ дочь своего короля. Припомнимъ кстати, какъ приводилъ въ чувство Марфиду княжевичну богатырь:

«Принесилъ онъ вѣдь скоро ключевой же воды,
Поливаетъ красну дѣвицу онъ». (ст. 98—99).

Въ повѣсти о Василии есть соотвѣтственное мѣсто, относящееся, правда, къ адмиралу: „Дулъ въ уши и лилъ на перси ея воду“ (*Майковъ*, стр. 185). Въ Долторнѣ такого соотвѣтствія нѣтъ: адмиралъ „въ томъ часѣ дохтурскимъ врачеваніемъ привелъ еѣ въ прежнее чувство“. (стр. 55).

Съ разбойничьяго острова Василій и королевна Ираклія спасаются на лодкахъ, потому что „сухого пути слѣду нѣтъ“. Такъ и Пересмякинъ племянникъ:

«Усмотрилъ же онъ скоро, выглядѣлъ,
Некакъ нельзя же уѣхать на лошадяхъ,
Только нужно уѣхать во лодкахъ одиѣхъ». (ст. 126—128).

Напротивъ того, шляхтичъ Долторнъ спасается именно на лошадяхъ („убралъ два аргамѣка...“ стр. 21).

Эпизодъ съ адмираломъ вовсе не вошелъ въ былинну; богатыри Херестинскіе находятъ Пересмякина племянника съ Марфидой княжевичной въ избушкѣ (или около избушки?), которую отапливалъ нарочно посаженный тамъ человѣкъ на случай пріѣзда богатырей за справками о пропавшей княжнѣ. Позволительно спросить, не скрывается ли подъ этимъ искаженный эпизодъ о пребываніи матроса Василия „въ богодѣльнѣ, на которую дрова сѣкъ и воду носилъ“. Въ „гисторіи о шляхтичѣ Долторнѣ“ герой останавливается у „некотораго волнодома“.

Кромѣ перечисленныхъ прямыхъ доказательствъ непосредственной связи нашей былины именно съ повѣстью о матросѣ Василии, можно привести еще нѣкоторые косвенныя, тоже говорящія въ пользу этого. Сказительница Мароа Семеновна Крюкова, кромѣ старинки о женитбѣ Пересмякина племянника, пѣла собирателю про Рынду, будто бы совершавшаго свои богатырскіе подвиги еще до князя Владимира. Въ этой былинѣ, несомнѣнно представляющей передѣлку какой-то повѣсти, пока мнѣ неизвѣстной, попадаются собственные имена, сходныя съ именами въ повѣсти

о матросѣ Василии. Начинается эта длинная былина такъ: „Во славномъ во городи во Европійскомъ“ (ср. въ повѣсти: „въ Россійскихъ Европійхъ“). Одно изъ женскихъ лицъ носить названіе прекрасной Флориды (ср. съ одной стороны королеву Ираклію Флоренской земли, съ другой—ея имя въ былинѣ Марфиды).

Остановимся нѣсколько на собственныхъ именахъ былины о „женитьбѣ Пересмякина племянника“. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такое необычное въ эпосѣ имя, какъ Ираклія повѣсти, не удержалось, а было замѣнено другимъ, болѣе эпическимъ. Имя Марфиды, Маровъ попадаетъ въ былинахъ о Добрынѣ—змѣборцѣ и возводится нашими изслѣдователями (Н. Квашининъ-Самаринъ, проф. Вс. О. Миллеръ) къ Малфридѣ (Malfred), женѣ кн. Владимира; оно встрѣчается еще въ золотицкой старинѣ про кн. Михайлу („Бѣл. был.“ стр. 169—172) вмѣсто Катерины, какъ въ большинствѣ пересказовъ называется жена этого князя. Внѣшнимъ поводомъ для замѣны Иракліи именно Марфидою могло, пожалуй, послужить сходство съ названіемъ музыкальнаго инструмента „арфія“ (арфа): „Прекрасная же королевна Ираклія вельми была горазда играть на арфіи...“ и далѣе: „въ нашемъ Флоренскомъ государствѣ, кромѣ меня, никто на арфіи не играетъ и не умѣетъ...“ Какъ мы видѣли выше, игра на арфѣ обученнаго Иракліей Василя ведетъ къ узнанію его королевой. Можно предположить, что важная роль арфы въ повѣсти заставила запомнить звуковую форму этого слова, а такъ какъ предметъ, обозначаемый словомъ, не былъ извѣстенъ слагателямъ и исполнителямъ былины, то названіе инструмента, отразилось на имени самой арфистки.

Гораздо труднѣе, объяснить утрату имени матроса Василя, простого самого по себѣ и, сверхъ того, употребительнаго въ эпосѣ (Василій Буслаевичъ, Василій Игнатьевичъ, Василій Окульевичъ и др.). Пересмяка (Перемяка, Пересмяга, Перемета) соответствуетъ въ бѣломорскихъ былинахъ о Чурилѣ Бермятѣ (Пермяну и др.) другихъ пересказовъ. На Бѣломъ морѣ знаютъ этого почтеннаго человѣка не только въ роли обманутаго мужа, но и въ качествѣ богатыря; въ этомъ послѣднемъ случаѣ при немъ всегда упоминается племянничекъ, не имѣющій собственнаго имени. Такъ, въ старинкѣ № 46 у *Маркова* Перетсыяка со племянникомъ служить кн. Владимиру:

«Записались, все въ заповѣдь великую:

— «Шьчобы стоять намъ за князя, за Владимира,
Шьчобы стоять намъ за вѣру христіанскую...» (стр. 234).

Служба и подвиги Пересмяки со племянникомъ упоминаются также въ №№ 2, 3, 42 и 81. Одинъ „племянникъ“ Пересмякинъ безъ дядюшки фигурируетъ въ № 7 въ роли любовника жены младшаго изъ братьевъ Бродовичей; здѣсь онъ изображенъ могучимъ богатыремъ, но опять-таки не названъ по имени:

210 «Богатырь-отъ былъ-то все пресильнія, —

Размѣталъ-то всихъ братьицей Петровицей...» (стр. 73).

Такъ какъ причиной утраты имени Василя и замѣны его именемъ Пересмякина племянника мы не можемъ считать ни трудность запоминанія перваго имени, ни сходство личности и приключеній того и другого героя, то приходится прибѣгнуть къ другому предположенію. Возможно, что оригиналомъ для былины послужилъ такой списокъ повѣсти, намъ неизвѣстный, въ которомъ собственныя имена не соответствовали именамъ двухъ дошедшихъ до насъ списковъ. Что же касается Милитрискихъ острововъ вмѣсто безымяннаго острова повѣсти, то это не что иное, какъ Мальтійскіе острова, весьма часто встрѣчающіеся въ нашихъ повѣстяхъ. Такъ, въ исторіи „о славномъ саксонскомъ королѣ Ефродитѣ и о сынѣ его, славномъ и великомъ ковалере Максіоне и о прекрасной принцессѣ Раксанѣ“ врагами героевъ являются „малтискіе ковалеры“ ¹⁾. Припомнимъ еще знаменитую повѣсть о Францелѣ Венеціанѣ: „Гисторія о храбромъ гиппанъскомъ рыцаре Венчанѣ, а въ *малтискихъ островахъ* по свидетельству *малтискихъ* ковалеровъ за храбрую ево поступку нарѣкли ему второе ковалерское имя Францель“ ²⁾. Искаженію могло содѣйствовать имя Милитрисы Кирбитьевны въ популярнѣйшей повѣсти о Бовѣ Королевичѣ. Остается добавить, что мало знакомая Голландія замѣнена въ былинѣ Царьградомъ подвліяніемъ другихъ былинъ.

Чтобы покончить съ былинной, вернемся опять къ Пересмякину племяннику. Какъ мы видѣли, этотъ странный богатырь

¹⁾ *Пыльникъ*. Для любителей книжной старины. М. 1888 г. стр. 23.

²⁾ Тамъ же стр. 60.

безъ имени, племянникъ своего дядюшки, дѣйствуетъ и въ другихъ бѣломорскихъ былинахъ. Къ удивленію онъ является не единственнымъ въ этомъ родѣ. Въ бѣломорскихъ же старинахъ о „Камскомъ побоищѣ“ перечисляется цѣлый рядъ такихъ племянниковъ. Приведу всѣ относящіяся сюда мѣста.

№ 81.

Князь Владимиръ говоритъ:

«А садись-ко-се, Добрыня, на ремечать стулъ,

А пиши-то ѳрыки да скоронищаты...

А какъ перву-то голову пиши Самсона сына Колубаѣва,

30. А другу-то голову пиши Дуная сына Иванова,

Во третьихъ-то пиши Святогора Гурьева,

Святогора-то пиши да со племянникомъ,

А Ремянника пиши да со племянникомъ,

Пересмѣту ты пиши да со племянникомъ,

35. Перемяку пиши да со племянникомъ,

А да Рошшу, Рошшу-Рошшиби колапакъ да со племянникомъ...

(стр. 434—5).

№ 94.

90. — «...Ай пиши-тко-се ты Рошшу-ту Росшиби колапакъ,

Ише Рошшу-ту пиши да со племянникомъ...» (стр. 480).

№ 104.

5. — «... Въ перву голову (пиши)—Самсона ты Колубаѣнова,

Втору голову—Дуная-та Переславѣва,

Въ третью голову—Гаврюшу-то Долгополого,

Да пиши-тко Луку Толстоременьника,

Да обѣихъ пиши съ племѣнникомъ;

10. Ужъ ты Рошшу пиши-тко, Рошшиби колапакъ,

Рошшиби колапакъ пиши да со племянникомъ...» (стр. 523).

Собиратель, посвятившій „Камскому побоищу“ отдѣльную статью, ¹⁾ почему-то вовсе не коснулся этихъ любопытныхъ обозначеній. Попытаемся уяснить ихъ себѣ. Слово племянникъ (диалектическое племѣнникъ) въ настоящее время обозначаетъ главнымъ образомъ сына брата или сестры и въ нѣкоторыхъ отдѣльных случаяхъ родственника вообще. Сюда относятся такія выраженія, какъ: Божій племянникъ = счастливчикъ, застольный

¹⁾ „Юбилейный сборникъ въ честь проф. Вс. О. Миллера“ стр. 150—162.

племянникъ = бѣдный родственникъ—нахлѣбникъ (см. Словарь Даля s. v.). Въ восточныхъ говорахъ во второмъ смыслѣ употребляется еще слово племянъ (родичъ, соплеменникъ). Въ древне-русскомъ языкѣ для обозначенія сына брата или сестры употреблялись слова: братаничъ, братанъ (Псковск. I лѣт. подъ 1433 г.), братучадо (—ъ, —ь); сестричъ, сестричицъ, —щъ, нети¹⁾. Слово же „племянникъ“ обозначало только человѣка, принадлежащаго къ тому же роду, племени, и въ болѣе узкомъ смыслѣ (какъ теперешнее „племянникъ“) не употреблялось. Для примѣра приведу отрывокъ изъ духовной Артемія черноризца въ пользу Николаевского Чухченемскаго монастыря близъ Холмогоръ: „а не восхочетъ игумень савастѣанъ тое земли. дадутъ мои *племеньники*. Игумену савастѣану сорочекъ за сокооусть, а ѣтому николѣ. ѿ. бѣлъ на темѣанъ“. ²⁾ Другой примѣръ, изъ Новгородской судной грамоты 1471 г.: „Дать въ позовниково (т. е. истцово) мѣсто грамота безсудная *племеннику* его или другу“ ³⁾.

Мнѣ не кажется невозможнымъ, что въ старинахъ Зимней Золотицы сохранилось древнее значеніе разбираемаго слова, хотя, конечно, сами сказатели понимаютъ его уже только въ современномъ смыслѣ. Въ такомъ случаѣ былинное выраженіе „со племянникомъ“ соотвѣтствуетъ древнему „со племенникомъ“. Понятно, для рассказчика важно было только имя предводителя этой дружины, напр., Рошша Росшиби колнакъ. Къ сожалѣнію, мнѣ ничего неизвѣстно подобнаго ни въ старыхъ записяхъ былинь, ни въ новыхъ, а основываясь исключительно на трехъ—четырехъ золотицкихъ былинахъ, нельзя идти дальше простаго предположенія.

Теперь, оставивъ гадательное, обратимся къ тому, что можно считать доказаннымъ. Изъ предыдущаго видно, что былина о женитьбѣ Пересмякина племянника представляетъ переработку повѣсти о матросѣ Василии, быть можетъ, по списку иной редакціи, чѣмъ дошедшіе до насъ списки. Къ какому времени надо отнести сложеніе былины? *Л. Н. Майковъ* на основаніи бытовыхъ чертъ относитъ составленіе повѣсти къ первой половинѣ

¹⁾ „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка“ ак. *И. И. Срезневскаго* вв. vv.

²⁾ *А. А. Шахматовъ*. Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в. Ч. II № 9, стр. 15—16.

³⁾ *Срезневскій* „Матеріалы...“ в. v. племеньникъ.

XVIII столѣтія ¹⁾); къ тому же заключенію приходитъ и ак. А. Н. Пыпинъ ²⁾, не измѣнившій своего мнѣнія до послѣдняго времени (см. „Исторію р. литер.“ 1899 г. т. 3, стр. 417—418). Слѣдовательно, наша былина не могла быть сложена раньше первой половины XVIII в.; болѣе точнаго опредѣленія сдѣлать нельзя, пока не будетъ найдено другихъ списковъ повѣсти и новыхъ варіантовъ былины.

Изученіе былины о Пересмякинѣмъ племянникѣ само собою приводитъ къ болѣе общему любопытному вопросу.

Былины въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, считаются обыкновенно достояніемъ XV—XVI вв.; слагавшіяся, начиная съ середины XVI столѣтія, пѣсни нѣсколько отличаются отъ нихъ по существу и въ настоящее время носятъ названіе историческихъ пѣсенъ (народъ однако и ихъ называетъ „старинками“). Хранители былинной традиціи въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ были только исполнителями и искажителями былинь, но не слагателями ихъ. Таково общепринятое мнѣніе. Однако есть нѣкоторые факты, доказывающіе, что въ мѣстностяхъ, особенно благопріятствовавшихъ сохраненію былинь (условія для этого прекрасно выяснены въ предисловіяхъ ко многимъ былиннымъ сборникамъ), новыя былины могли появляться и позднѣе указаннаго выше предѣла. Классическій примѣръ—стихотвореніе Щербины, вошедшее въ репертуаръ Матрены Меньшиковой. *Гимфердинъ*, приводя передѣлку Меньшиковой, говоритъ: „Не показываютъ ли эти факты, что тамъ, на Кенозерѣ, воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ предметов?“ ³⁾ Здѣсь мы встрѣчаемся со стихотвореніемъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, почему собирателю и было такъ легко признать его. Безъ сомнѣнія, могутъ быть и другіе случаи въ этомъ родѣ. Тотъ же собиратель записалъ въ Повѣнецкомъ у. отъ сказителя Калинина (одного изъ лучшихъ олонекскихъ пѣвцовъ) старинку про Рахту Рагнозерскаго. Проф. В. С. Миллеръ въ одномъ

¹⁾ „Очерки...“ стр. 192.

²⁾ „Для любит. кн. старинн.“ стр. VIII.

³⁾ „Онежскія былины“ Т. I (1894 г.) стр. 22.

изъ своихъ очерковъ ¹⁾ указалъ составные элементы этой старины и высказалъ предположеніе о происхожденіи имени богатыря, — на всемъ этомъ мы останавливаться не будемъ. Намъ интересно другое: былина представляетъ украшенное преданіе о мѣстномъ силачѣ и, стало быть, *сложена* въ Олонецкой губерніи. Разумѣется, времени сложенія опредѣлить нельзя; нужно только сказать, что ни въ языкѣ, ни въ подробностяхъ содержанія нѣтъ ничего, что указывало бы на древность происхожденія.

Въ послѣднее время г. Ончуковымъ на сѣверѣ Россіи (въ с. Устьцѣльмѣ) записана въ двухъ вариантахъ пѣсня, названная собирателемъ пародіей, въ виду того, что въ ней былиннымъ складомъ воспѣвается мѣстный пьяница. Приведу лучшій вариантъ:

№ 29.

1. Не у вора у Васьки у Захарова
Не убито было, не уѣдено,
Не баско-хорошо было, не изношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
5. Походить Васенька на царевъ кабакъ,
Поносить шапочку пуховъ колпакъ,
Большими-те тюеми ²⁾ онъ принахлapyвать,
Слѣпыми-те глазами онъ да прироспилькивать;
Приходить Васинька да на царевъ кабакъ,
10. Отдавать шапоцкy пуховъ колпакъ,
Прсить за шапоцкy петьсотъ рублей,
А давають ему петь копеечекъ.

(„Печорскія былины“ стр. 155).

Во второмъ вариантѣ упоминаются и нѣкоторые другія лица, также изъ числа мѣстныхъ героевъ.

Все это даетъ право предполагать, что сложеніе новыхъ былинъ продолжалось до послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по современнымъ даннымъ былинная традиція проявляетъ особенную жизненность. Былины богатырскія, которыя возникали въ дружинной средѣ и восходили къ лиро-эпическимъ пѣснямъ, перестали создаваться, какъ скоро исчезли условія, вызывавшія ихъ появленіе, но нельзя указать

¹⁾ „Этн. Об.“ кн. XXXIX.

²⁾ Сапоги изъ оленьяго мѣха.

препятствій для сложенія былинь-фабль. Мнѣ кажется, что народное творчество въ этомъ направленіи не угасло, а продолжало свою работу. Примѣрами служатъ новыя былины, приведенныя выше, начиная съ былины о женитьбѣ Пересмякина племянника. Разумѣется, вопросъ этотъ требуетъ дальнѣйшаго разъясненія; могло бы пролить на него свѣтъ въ особенности сравнительное изученіе репертуара и приемовъ лучшихъ сказителей, въ родѣ Аграфены Крюковой, Трофима Рябинина, Петра Калинина, и др.

Н. Васильевъ.

С М Ъ С Ъ.

Еще къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца.

Въ XLIV книжкѣ «Этнографическаго Обзорѣнія» (1900 г. № 1) была помѣщена моя замѣтка «къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца». Въ этой замѣткѣ я старался выяснитъ прозвище популярнаго богатыря на основаніи былинныхъ данныхъ. Я воспользовался начальнымъ эпизодомъ изъ былины о боѣ Алеши Поповича съ Тугариномъ; здѣсь разсказывается о томъ, какъ Алеша, выѣхавши со своимъ слугою изъ Ростова, доѣхалъ до перекрестка, гдѣ дорога расходилась въ три стороны, къ тремъ различнымъ городамъ. Изъ названій городовъ, довольно разнообразныхъ по различнымъ пересказамъ, я выдѣлилъ имена Чернигова, Путивля и Муромъ и изъ сопоставленія этихъ трехъ географическихъ опредѣленій сдѣлалъ выводъ, что подъ «Муромомъ» нужно подразумѣвать южный городъ Моравійскъ, или Муромскъ. Новая запись этой былины, недавно сдѣланная г. Ончуковымъ въ Печорскомъ краѣ ¹⁾, заставляетъ иначе объяснять былинную географію, а сообразно съ этимъ иначе смотрѣть и на названіе г. Муромъ. Новая запись не говоритъ, откуда выѣхали Алеша Поповичъ и Екимъ-паробокъ, но на выѣздъ ихъ именно изъ Ростова намекаетъ Алеша, называя себя сыномъ Левонтья, попа ростовскаго.

Два молодца ѣдутъ и разговариваютъ:

«Куда намъ вѣдь, братцы, ужъ какъ ѣхать будетъ?
Намъ ѣхать, не ѣхать намъ въ Суздаля-градъ?
Да въ Суздаля-градъ питья много,
Да будетъ добрымъ молодцамъ испропитися;
Пройдетъ про насъ славушка недобрая».

Далѣе упоминаются Черниговъ и Кіевъ, эпическіе города, не имѣющіе значенія для опредѣленія географіи былины. Но названіе Суздаля, впервые встрѣчающееся въ этой былинѣ, естественно напрашивается на сопоставленіе съ Муромомъ, упоминаемымъ у Кириши Данилова и въ «Бѣломорскихъ былинахъ» (№ 47). Эти пересказы оба говорятъ о вы-

¹⁾ Печорскія былины, № 85, стр. 333.

ѣздѣ богатырей изъ Ростова (въ «Бѣл. был.»—Острова); такимъ образомъ, географія былины опредѣляется небольшимъ райономъ, въ который входятъ Ростовъ, Суздаль и Муромъ. Къ этому нужно прибавить, что въ двухъ пересказахъ въ качествѣ мѣста, куда ѣдутъ крестовые братья, упомянуто названіе князя Владимира, вмѣсто княжескаго города Кіева. Можно думать, что здѣсь сохранилось названіе третьяго города, куда направлялась дорога отъ перекрестка—названіе города Владимира. Тогда опредѣлятся три дороги, упоминавшіяся въ древнѣйшей версіи былины: въ Муромъ, Суздаль и Владимиръ. Эта версія, если она дѣйствительно существовала, должна была принадлежать мѣстной пѣснѣ о ростовскомъ храбрѣ. Въ такомъ случаѣ приходится допустить, что впоследствии на югъ эта пѣсня подверглась переработкѣ, при чемъ явились новыя названія городовъ: Путивль, Черниговъ и Кіевъ, и къ имени ростовскаго храбра первой четверти XIII в. было прикрѣплено легендарное сказаніе о Тугаринѣ, ведущее свое начало еще съ конца XI в.

А. Марковъ.

Былины на братчинахъ.

Въ книгѣ К. Молчанова «Описаніе Архангельской губерніи (Спб. 1813, стр. 192) при разсказѣ о Шенкурской округѣ (§ 21) читаемъ:

«Въ семь уѣздѣ храмовые только праздники празднуются крестьянами съ особеннымъ приготовленіемъ, къ коимъ варятъ пиво, покупаютъ горячее вино и водку, созываютъ гостей, веселятся съ ними и съ сосѣдями, посѣщая одинъ другого до 4 и до 5 дней; сверхъ того, имѣютъ достойное примѣчаніе обыкновеніе: всякой инородецъ, проходя изъ селеніе во время праздника, угощается наравнѣ съ гостями. Почему хлѣбъ и харчевая ѣства со стола чрезъ цѣлый день не сбирается. При семь пожилые люди поютъ старины, въ коихъ выхваляются подвиги древнихъ русскихъ героевъ, какъ-то: св. Владимира, Добрыни, атамана Суры и проч., а молодые люди поютъ новомодныя любовныя пѣсни, развращающія болѣе ихъ нравы, нежели исправляющія». Отмѣчаемъ, что «старины» (вм. «былины») поются пожилыми и во время храмовыхъ праздниковъ—остатковъ древнихъ братчинъ (NB. вареніе пива). Невольно вспоминаются мнѣ впервые мнѣ попавшіяся «виноградья большія и малыя», пѣвшіяся при *колядованьи* на Рождествѣ въ Устюжскомъ уѣздѣ и составляющія особый родъ великорусскихъ пѣснопѣшій (О. М. Истомичъ и С. М. Ляпуновъ: Пѣсни русскаго народа, собр. въ 1893 г. Спб. 1899, стр. XIII) Сура—вѣроятно, Сауръ Леванидовичъ (См. у Вс. О. Миллера. Очерки русской народной словесности. М. 1897. Стр. 337).

И. Шляпкинь.

Къ пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря.

Въ наиболѣе полномъ видѣ пѣсня объ осадѣ и взятіи Соловецкаго монастыря сохранилась въ пересказѣ, записанномъ мною отъ пѣвицы родомъ съ сѣвернаго берега Бѣлаго моря, А. М. Крюковой (см. Бѣломорскія былины, № 40). Между прочимъ этотъ пересказъ содержитъ указаніе на то, какъ былъ взятъ монастырь:

Захотѣлъ-то вѣдь Деревяга
Въ святомъ озерѣ купаться,
По веревкамъ черезъ стѣну-ту опускаться.
Еще налъ этотъ грѣшникъ
Онъ на сыру-ту землю;
Онъ сломилъ свою праву руку,
Извихнулъ свою лѣву ногу.
Тутъ пришелъ къ нему воевода:
«Ты скажи-ка намъ сущу правду:
Еще порохомъ-то ли доволенъ монастырь,
Еще пушками-то доволенъ ли,
Еще крѣпостью-то крѣпокъ ли
Да людьми-то вѣдь онъ люденъ ли?»
Говорить-то тутъ Деревяга:
— Онъ вѣдь крѣпостью-ту крѣпокъ,
Онъ людьми только не люденъ.
Попадите ѿ вы зайдите
Дровянымъ-то въ стѣну окошкомъ.—

(Здѣсь пѣвица объяснила, что въ стѣнѣ было окошко, заложное дровами).

Какъ зашелъ-то воевода,
Разсказалъ какъ Деревяга.

На эту подробность, передаваемую въ пересказѣ Крюковой и отсутствующую во всѣхъ пересказахъ, обратилъ вниманіе проф. В. Ө. Миллеръ въ своей статьѣ объ историческихъ пѣсняхъ изъ Сибири ¹⁾: «Исторически извѣстно, что осаждавшимъ помогла измѣна монаха Θεоктиста, указавшаго имъ тайный проходъ въ монастырь. Повидимому, и это обстоятельство въ измѣненномъ видѣ упомянула замѣчательная пѣсня Крюковой». Конечно, пѣсня здѣсь воспоминаетъ тотъ фактъ, что Мещеринову удалось взять монастырь съ помощью перебѣжчика, монаха Θεоктиста, который указалъ стрѣльцамъ отверстіе въ стѣнѣ, слегка заложное камнями. Нужно сказать, что объ этомъ знала также одна старуха, крестьянка Зимняго берега Бѣлаго моря, владѣлица старинной записи пѣсни; она рассказывала, что московское войско взяло монастырь только

¹⁾ Извѣстія Отдѣленія русскаго из. и словесн. И. Акад. Наукъ 1904 г. т. IX, кн. 1, стр. 47.

потому, что одинъ монахъ показалъ потайной ходъ («Бѣлом. был.» стр. 472, прим. 3). Но почему же въ пересказѣ Брюковой вмѣсто монаха (Теохтиста) измѣнникомъ оказывается какой-то «Деревяга»? Сама пѣвица понимала это слово въ качествѣ имени нарицательнаго и объяснила, что это былъ «мужикъ деревенскій». Но слово «деревяга, деревяжка» не имѣть вовсе такого значенія; на основаніи пѣсеннаго текста можно только понять, что таково было прозвище измѣнника. Можно даже думать, что ассоціація представленій «деревяга» и «деревенскій», «деревя» повліяло на то, что вмѣсто камней въ пѣснѣ стало фигурировать «дровяное окошко». Такимъ образомъ, вмѣсто Теохтиста, въ пѣснѣ является Деревяга. Замѣтимъ еще, что самая измѣна описывается несогласно съ исторіей. Пѣсня говоритъ, что Деревяга сталъ спускаться со стѣны по веревкѣ подѣ предлогомъ купанья въ озерѣ; но такой предлогъ былъ бы совершенно невѣроятнымъ ¹⁾, потому что взятіе монастыря происходило 22 января, въ сильную метель и бурю, а измѣна Теохтиста совершилась незадолго до этого, послѣ неудачной попытки взять приступомъ монастырь 23 декабря.

Изъ всего этого видно, что въ пѣснѣ преданіе объ измѣнѣ Теохтиста соединено съ другимъ преданіемъ изъ времени осады монастыря, рассказывавшимъ о какомъ-то Деревягѣ, который, желая купаться, сталъ спускаться по веревкамъ со стѣны, но упалъ, расшибся и попалъ въ руки воеводы. О такомъ событіи мы ничего не знаемъ по историческимъ источникамъ, но есть нѣкоторое основаніе предполагать, не сохранилась ли въ эпизодѣ о Деревягѣ память о «воровскомъ казакѣ Панфилкѣ Деревягинѣ», который вмѣстѣ съ другими «Астраханскими воровскими казаками» упоминается въ одной челобитной грамотѣ 1670 года ²⁾? Можно думать, что послѣ 1671 года, когда астраханцы покорились московскому воеводѣ и казакамъ въ Астрахани нечего было дѣлать, многіе изъ нихъ отправились на сѣверъ и примкнули къ недовольнымъ соловецкимъ монахамъ. Извѣстно, что большая часть монастырской рати состояла изъ «воровъ», которые сильно безчинствовали, вызывая противъ себя неудовольствія со стороны самихъ монаховъ. Незадолго до взятія монастыря, въ 1674 г. они чуть было совсѣмъ не отказались защищать монастырь и даже положили ружья на стѣну. Вотъ каковы были защитники монастыря; весьма вѣроятно, что среди нихъ находился и «воровской казакъ Панфило Деревягинъ».

А. Марковъ.

„Красная смерть“ у русскихъ старообрядцевъ.

Пишу по поводу «Этнологическаго вопроса» г. Вл. Б. во II книжкѣ «Э. О.» (стр. 160—161).

Въ гор. Сарапулѣ (на р. Камѣ, въ Вятской губ.), на такъ наз. Старцевой горѣ, живутъ старообрядцы разныхъ толковъ, а также сек-

¹⁾ Развѣ только разумѣется купанье въ іорданѣ 6 января?

²⁾ См. Акты Историческіе, IV, 398.

танты (будто бы хлысты и скопцы). Въ деревнѣ Шевыряловѣ, неподалеку отъ города, также живутъ сектанты.

Въ виду замкнутой жизни тѣхъ и другихъ (высокіе заборы вокругъ дворовъ, ворота всегда на запорѣ, — трудно достучаться; вѣра хранится въ тайнѣ и т. д.), про нихъ ходить въ окружающемъ населеніи не мало слуховъ, иногда нелѣпныхъ. Пять лѣтъ тому назадъ я цѣлый годъ жилъ въ Сарапулѣ. Тогда тамошніе мѣщане увѣрили меня, напримѣръ, что если войти въ домъ къ скопцу, всѣ непременно посадятъ на такой стулъ, который моментально опустится, вмѣстѣ съ вами, въ подвалъ, и тамъ надъ вами будетъ произведена операція оскотченія...

Усиленно циркулировали также слухи о практикуемой будто бы у сектантовъ «Красной смерти» черезъ задушеніе *красною* подушкою. Говорили и о существованіи особаго «душила», специалиста по части задушенія. Но присутствіе его не обязательно: задушить можетъ и сынъ, дочь или другой родственникъ, если онъ на то согласится.

Въ «Памятной книжкѣ Вятской губ. на 1901 годъ» было, между прочимъ, напечатано слѣдующее сообщеніе, заимствованное, очевидно, изъ оффиціальныхъ отчетовъ миссіонеровъ. «Въ 1899 году образовался новый толкъ — «Яичниковъ» — изъ-за вопроса о томъ, можно ли класть пасхальныя яйца на божницу къ иконамъ. Послѣ многихъ споровъ сектанты по этому вопросу не пришли ни къ какому соглашенію; спорящія стороны взаимно отлучили себя отъ церковнаго общенія, и не позволяющіе класть яйца въ божницы составили толкъ Яичниковъ. — Немоляки, Уѣгуны, Петины и Никифоровы отличаются направленіемъ рационалистическимъ, отвергаютъ церковь, таинства и обряды, молитву, посты, водное крещеніе. Особенно вреденъ толкъ *быгуновъ*, имѣющихъ сходство съ Тираспольскими изуверами. У нихъ въ ходу 40-дневный постъ въ лѣсахъ, отъ котораго часто умирають съ голода, и такъ называемая *красная смерть* (въ Елабужскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ). Есть основаніе предположить, что трудно-больныхъ крестьянъ и потомъ задушаютъ *красною* подушкою» (стр. 98—99).

Добровольную смерть многіе толки старообрядцевъ считаютъ выше естественной смерти, приравнивая ее къ мученичеству. Но при этомъ важно, чтобы умирающій не самъ «валожилъ на себя руки». Съ его стороны нужна рѣшимость умереть, а прочее пусть сдѣлають силы природы или рука другого человѣка. Самоожоженіе, добровольное голоданіе до смерти, добровольное замурованіе, — все это «красная», т.-е. красивая, почетная смерть; задавиться же, утопиться — смерть совсѣмъ не «красная». Вполнѣ возможно, что смерть черезъ добровольное задушеніе со стороны другого лица будетъ «красною» смертію. Но «душила» не является тутъ чѣмъ-то особенно существеннымъ; нуженъ вообще другой человѣкъ, такъ какъ если рѣшившійся умереть самъ «полѣзеть въ петлю», самъ задавится, то онъ будетъ «черту баранъ, готовъ ободранъ».

Красная подушка явилась тутъ скорѣе всего по простому созвучію съ «красною» смертію. Задушить человѣка удобнѣе всего именнo при помощи подушки.

Д. Зеленинъ.

Дѣтскія игры Московской губерніи Бронницкаго уѣзда въ с. Быковѣ.

(Изъ записной книжки).

1. „Въ круги“.

Дѣти становятся въ кругъ, держась за руки, и ходятъ вокругъ стоящаго посреди, у котораго глаза плотно закрыты. При этомъ поютъ:

«Отгадай, чей голосокъ,	Своей палочкой коснись,
Становись во кружокъ	Отвѣчай поскорѣй,
И скорѣй кого-нибудь	Отгадать поторопись.»

Вслѣдъ за этимъ останавливаются, а стоящій посреди съ закрытыми глазами ощупываетъ у всѣхъ головы. Тотъ, кого онъ вѣрно назоветъ по имени, долженъ идти въ кругъ.

2. „Въ ключи“.

Въ этой игрѣ могутъ принимать участіе только пять человѣкъ. Четверо садятся по угламъ гумна, а пятый становится посрединѣ. Стоящій посреди подходитъ къ одному изъ сидящихъ на углу и спрашиваетъ: «Дяденька (или тетенька), у тебя ключи?» Тотъ отвѣчаетъ, указывая на сосѣда: «У дяденьки поищи.» Такъ онъ обходитъ всѣхъ четверыхъ. Послѣдній отвѣчаетъ: «Посрединѣ поищи.» Ищущій ключи отходитъ въ средину гумна. Въ это время остальные вскакиваютъ и мѣняются мѣстами. Стоящій посрединѣ, перевернувшись на одной ногѣ, старается занять чье-нибудь мѣсто. Оставшійся безъ мѣста идетъ искать ключи.

3. „Перепрыгивушки“.

Двое дѣтей садятся на землю другъ противъ друга такъ, что ихъ ноги касаются подошвами. Остальные дѣти перепрыгиваютъ черезъ ихъ ноги. Потомъ, сидящіе на землѣ ставятъ одну ногу на другую, а прочіе перепрыгиваютъ черезъ нихъ. Затѣмъ поочередно ставятъ на вторую ногу сначала одну руку, затѣмъ же и другую, а остальные перепрыгиваютъ. Наконецъ, сидящіе на землѣ становятся на четвереньки спиной другъ къ другу, остальные перепрыгиваютъ черезъ нихъ.

В. Харузина.

Новыя пѣсни—частушки.

(По поводу войны).

Какъ только была объявлена война Россіи съ Японіей, деревенская молодежь почувствовала сильный патріотизмъ. У многихъ парней явилось желаніе идти добровольцами; запасные съ нетерпѣніемъ стали

ждать набора; и тѣ и другіе внимательно принялись слѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями войны, пользуясь скудными извѣстіями. Но какъ ни дорого для деревенской молодежи отечество, какъ ни велики ея порывы защищать родину, все жъ она не можетъ легко порвать любовныя чувства съ *милашкой*.

Мнѣ удалось записать (въ с. Новомъ, Клинскаго уѣзда, Московской губ.) шесть новыхъ пѣсенъ, сложившихся исключительно подъ вліяніемъ военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ. Пѣсни эти уже распѣвались по селу на масленицѣ.

1. Вотъ что спѣлъ парень подъ первымъ впечатлѣніемъ, когда узналъ, что объявлена война;

Ты, милашечка моя,	На войну меня угонять—
Пыдымается война;	Ты останешься одна.

2. Другой, очевидно, уже собравшійся на войну и не надѣявшійся оттуда вернуться, поетъ:

Ты, милашечка—цвѣтокъ,	На Востокѣ-то война,
Я уѣду на Востокъ;	Можетъ быть, убьютъ меня.

3. Наоборотъ, третій ободряетъ свою *милую*, что, когда онъ вернется съ войны, они *заживутъ* вмѣстѣ:

Не тужи, моя миланка,	Заслужу я крестъ Георгій,
Я вернуся съ «похвалой»,	Заживемъ тогда съ тобой.

4. Дѣвица, опечаленная уходомъ на войну своего *цѣттка*, поетъ:

Цвѣтокъ уѣхалъ на войну,	Всѣ подружки веселятся,
Скоро же вернется;	А мнѣ плакать хотца.

5. Другая проситъ дать съ войны *вѣсточку*:

Вспомни, милый, обо мнѣ,	Вспомни, милый не забудь,
Когда будешь на войнѣ.	Пришли записку съ кѣмъ-нибудь.

6. Въ слѣдующей пѣснѣ высказывается одиночество дѣвушекъ, которымъ, какъ видно, *обидно* гулять однѣмъ въ селѣ.

Въ селѣ видно, въ селѣ видно,	Кавалеры на войнѣ,
Гулять дѣвушкамъ обидно —	Гуляйте, дѣвушки, однѣ.

В. Степановъ.

„Причётки“, записанныя въ г. Веневѣ, Тульской губерніи.

(Изъ записной книжки).

Вздыхая приговариваютъ:

1. Охъ, мой Богъ,
Прими мой вздохъ,
Укроти мое страданье
И исполни мое желанье.
2. Господи, Господи,
Убей того до смерти,
У кого мужъ хорошъ
И денегъ тьма,
Авось останется,
Мнѣ достанется.
3. Эхма!
Кабы денегъ тьма,
Купилъ бы овинъ,
Да жилъ бы одинъ,
Послалъ бы соломы
И валялся какъ свинья.

При икотѣ приговариваютъ:

4. Икается—
Куда дѣвается?
Кабы икалося
Да въ карманъ бы калася.

Когда чихнетъ кто-нибудь, ему говорить:

5. Салоетъ вашей милости,
Красота вашей чести,
Цвѣта цвѣтушіе,
Во здравіе растушіе.

В. Харузина.

Печерскіе эсты.

(Сетукезы).

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (1904 г., № 127) былъ помѣщенъ въ фельетонѣ очеркъ, безъ подписи автора, излагающій свѣдѣнія о печерскихъ эстахъ (сетукезахъ). Ихъ съ 80-хъ годовъ сталъ изучать пасторъ Я. Гуртъ, знающій ихъ языкъ. Лѣтомъ 1903 года

г. Гуртъ при содѣйствіи Рус. Географическаго Общества исполнилъ свои наблюденія и изслѣдованія надъ печерскими эстами и сдѣлалъ докладъ о нихъ въ отдѣленіи этнографіи общества. У г. Гурта собрана порядочная коллекція рисунковъ и снимковъ.

Приводимъ изъ разсматриваемаго очерка наиболѣе существенныя данныя объ изученномъ г. Гуртомъ племени.

Печерскіе эсты живутъ на нашей прибалтійской окраинѣ, въ 8 часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга, среди русскаго населенія. Этотъ народецъ сохранилъ до нашихъ дней весьма древнія особенности своего быта и языка; едва ли не съ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи онъ исповѣдуетъ православную вѣру и является рѣдкій примѣръ сохранившейся народной первобытности и обособленности. Это — заброшенная въ приозерную псковскую мѣстность вѣтвь эстонскаго племени. Псковскихъ, или, вѣрнѣе печерскихъ (заплатный городъ Печеры, *Potserigwald*) эстовъ, называютъ, въ отличіе отъ лифляндскихъ, — сетукезами (*setukesed*).

Печерскіе эсты занимаютъ сѣверо-западную часть Псковскаго уѣзда; съ запада ихъ отдѣляютъ отъ Лифляндіи рр. Меды и Пымжа. Мѣстность, заселенная этими эстами, окружена чисторусскими деревнями и прорѣзана псково-рижскою желѣзною дорогою. Печерскую Эстонию составляютъ четыре волости: Слободская, Паниковская, Изборская и Печерская, центральная между ними.

Печерскихъ эстовъ, по послѣдней переписи 1897 г., исчислено всего 16.571 чел. обоего пола (м. 8.158 и ж. 8.413). Ихъ современный бытъ даетъ богатый матеріалъ для этнографіи и археологін. Наблюдаемыя въ современномъ печерскомъ эстѣ черты быта поразительно напоминаютъ бытъ древняго финна и особенно финки, между прочимъ, въ покроѣ ея красивой одежды, а также въ выборѣ и сочетаніи цвѣтовъ въ ней: основныя черты древняго облика тѣхъ и другихъ одиѣ и тѣ же.

Сохраненіе печерскими эстами многого изъ первобытной эпохи тѣмъ болѣе замѣчательно, что ихъ ближайшіе сосѣди и единоплеменники, лифляндскіе эсты, находятся на болѣе высокой степени культурнаго развитія, да и сами печерскіе эсты живутъ не въ отрѣзанной отъ общенародныхъ сношеній мѣстности. Напротивъ, они расселены въ краѣ, богатомъ историческимъ прошлымъ. На западъ лежитъ перенесшая измѣнчивую свою судьбу Лифлядія, на востокъ печерскихъ эстовъ окружаютъ города Изборскъ и игравшій такую видную роль въ древне-русской исторіи Псковъ. Наконецъ, черезъ землю этихъ эстовъ всегда проходили большія дороги.

Гдѣ же искать объясненія столь рѣзкой первобытной обособленности псковскихъ инородцевъ? Г. Гуртъ находитъ его «въ своеобразномъ взаимодѣйствіи національности и вѣроисповѣданія». «Своеобразное взаимодѣйствіе» сводится къ тому, что печерскіе эсты были поставлены въ особыя историческія условія, среди которыхъ протекала ихъ многовѣковая жизнь на русской землѣ. Что касается «національной» стороны, то,

будучи восточною вѣтвью верро-эстонскаго племени, печерскіе эсты еще въ орденскій періодъ отдѣлились отъ своихъ единоплеменниковъ и тогда какъ эти родичи ихъ послѣдовательно были подчинены владычеству нѣмецко-польскому и шведскому, печерскіе эсты принадлежали только одной Россіи и, по соединеніи въ XVIII в. этихъ обѣихъ вѣтвей подъ властью Россіи, между ними продолжало существовать лишь чисто-административное раздѣленіе, такъ какъ они числились по разнымъ губерніямъ. Этнографическаго разобщенія между этими эстами никогда не было, почему ихъ общій племенной и язычный типъ могъ сохраниться, и только вліяніе языка русскаго естественно отразилось — хотя и не въ значительной, степени — на особенностяхъ говора и запаса словъ языка печерскихъ эстовъ, по говоръ ихъ все-таки никакъ нельзя назвать особымъ нарѣчіемъ эстонскаго языка.

Различіе говора обѣихъ, хотя и находившихся въ непрерывныхъ сношеніяхъ, народностей было причиною рѣзкаго обособленія печерскихъ эстовъ отъ русской народности. Повидному, до сихъ поръ не предъявлялось ни съ той, ни съ другой стороны никакихъ серьезныхъ усилій ослабить племенное разобщеніе. Въ настоящее время между печерскими эстами, — какъ утверждаетъ г. Гуртъ, на государственномъ языкѣ какъ говорятъ лишь немногіе изъ мужчинъ; женщины же и дѣти не знаютъ этого языка. Домашній языкъ у нихъ эстонскій. Браки между печерскими эстами и русскими очень рѣдки. Напримѣръ, въ печерскомъ приходѣ (3 тыс. чел.) за послѣднее 25-лѣтіе было только два смѣшанныхъ брака. Это и естественно при существованіи взаимнаго нерасположенія между сказанными народностями. Русскіе считаютъ печерскихъ эстовъ людьми низшей расы, а послѣдніе не нравятся въ русскомъ человѣкѣ его характеръ и одежда, на которую эстонка ни за что не перемѣнитъ своей національной. «Святая Дѣва Марія носила такую же одежду, — твердитъ эстонка, — и было бы грѣшно замѣнить ее другой».

Кромѣ народныхъ праздниковъ, обособленность печерскихъ эстовъ поддерживаютъ еще два обстоятельства: близкое сосѣдство ихъ съ лифляндскою Эстоніею и общепризнанная черта ихъ народнаго характера — упрямство. Несмотря на то, что лифляндскіе эсты ставятъ своего некультурнаго сородича еще ниже, чѣмъ это выказываютъ мѣстные русскіе, и относятся къ нему не особенно дружелюбно, однако сравнительно высшая культура лифляндскаго эста, въ особенности въ области сельскаго хозяйства, имѣетъ значительное вліяніе на печерскаго эста, и доступъ этому вліянію облегчаетъ тожество народныхъ началъ у этихъ обѣихъ отраслей одного племени. При многихъ хорошихъ качествахъ характера печерскаго эста, онъ отличается упрямствомъ, которое выразилось въ твердости, силѣ и выдержкѣ его народнаго типа.

Печерскіе эсты ревностно преданы православною вѣрѣ, строго соблюдаютъ посты и добросовѣстно выполняютъ предписанія святой церкви.

Печерскій эсть хранитъ преданья глубокой старины въ великомъ множествѣ пѣсенъ, сказокъ и пословицъ. Онъ весь погруженъ въ этотъ чудесный для него міръ. Эсты высоко цѣнятъ свое пѣсенное сокровище

и заботливо передаютъ его отъ поколѣнія къ поколѣнію преимущественно черезъ посредство женщинъ. Умѣніе женщины и дѣвицы пѣть пѣсни признается большимъ ея достоинствомъ, составляетъ лучшую ея славу. Знаніе невѣстою возможно большаго числа пѣсенъ считается драгоценнымъ приданымъ. Народная пѣсня такъ проникаетъ всю жизнь печерскихъ эстовъ и вноситъ столько жизнерадостнаго, что, по ихъ выраженію, безъ пѣсни ни одна дѣвица не смѣетъ выйти изъ дому. Нѣкоторое понятіе о пѣсенномъ богатствѣ печерскихъ эстовъ даетъ слѣдующій фактъ: г. Гуртъ записалъ лишь въ двухъ деревняхъ и только отъ двухъ пѣвицъ—отъ Оде—20.720 строкъ пѣсенъ и отъ Про—10.800, всего 31.520 строкъ и стиховъ. Пѣсни бываютъ: 1) древніе поэтическіе рассказы (иногда назидательнаго характера), пѣсни сказачнаго, легендарнаго и мифическаго содержанія; послѣднія не всегда понятны даже для самихъ эстовъ; сравнительное ихъ изученіе, конечно, освѣтитъ значеніе этого пѣсеннаго матеріала; 2) очередныя или порядковыя которыя поются при разныхъ, повторяющихся постоянно и послѣдовательно, случаяхъ жизни, какъ свадебныя, похоронныя, всѣ пѣсни праздничныя, пѣсни, сопровождающія полевые работы эстовъ, пѣсни игровыя и дѣтскія; 3) импровизаціи, возникающія по мимолетному вдохновенію, случайно и скоро забываемыя.

Говоря объ эстонскихъ эпическихъ пѣсняхъ, надо имѣть въ виду, что ихъ собственно не поютъ, а ритмично и мелодично пересказываютъ обыкновенно женщины. Самый пересказъ происходитъ такъ: знающая пѣвица запѣваетъ одинъ стихъ, на послѣдней его стопѣ подхватываетъ хоръ, повторяющій стихъ еще два раза подъ-рядъ первыя двѣ стопы. Такимъ образомъ, сущность пѣсни составляетъ ея содержаніе, самый текстъ, а не способъ ея воспроизведенія, которое, впрочемъ, бываетъ различно, смотря по содержанію пѣсни. Бывшій профессоръ юрьевскаго университета д-ръ Арт. Эттингенъ, изучавшій мелодіи древнихъ эстонскихъ пѣсенъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, пришелъ къ заключенію, что имъ, по своеобразности и первобытности мелодіи, въ системѣ современной музыки нѣтъ никакого мѣста. Такой выводъ приложимъ и къ пѣснямъ печерскихъ эстовъ. Изъ музыкальных инструментовъ у нихъ употребительны: дудка, яловая и сосновая флейта, свирѣль, рожокъ, арфа, скрипка и, наконецъ, гармонія. Изъ этихъ инструментовъ наиболѣе любимый эстами—арфа; въ народныхъ пѣсняхъ она зовется «прекраснымъ инструментомъ Иисуса», и ее признаютъ священнымъ изображеніемъ Самого Создателя. Арфа дѣлается преимущественно изъ почитаемого за священное дерево можжевельника, и на ней, по народному воззрѣнію, можно играть лишь въ священные дни великаго поста, когда неумѣстно пѣніе игровыхъ пѣсенъ.

Физическій типъ печерскаго эста въ общемъ отличенъ отъ типа окружающаго его сосѣда—русскаго человека. Есть средняго роста, болѣею частью блѣкурый, почему эстонскія пѣсни дѣвушку называютъ «блѣкурою пташкою». Женщины носятъ красивую и богато убранную серебряными привѣсками одежду. Будничная одежда ихъ состоитъ изъ

бѣлой льняной рубашки, рукава которой украшены вышивками, даѣе изъ тѣльнаго безрукавнаго длиннаго кафтана (въ особенно торжественныхъ случаяхъ суконнаго) съ красною каймою. При праздничномъ нарядѣ женщины покрываютъ шею разными украшеніями—серебряными цѣпочками (съ прикрѣпленными къ нимъ серебряными крестиками и монетами) и рядами стеклянныхъ бусъ. Очень характеренъ на женщинахъ помѣщаемый посреди груди и иногда покрывающій почти всю грудь круглый серебряный щитъ. Случается, у богатыхъ, женщинъ на грудныхъ украшеніяхъ 6—7 ф. серебра, и они оцѣниваются до 300 р. Праздничный головной уборъ дѣвушки представляетъ жестяной или картонный обручъ съ намотанными на немъ разноцвѣтными шелковыми лентами, спускающимися вдоль спины. Женщины носятъ дома на головѣ отличающій ихъ отъ дѣвицъ бѣлый льняной платокъ, который на затылкѣ завязывается особою повязкою и концы котораго, украшенные вышивками, спускаются внизъ. При выходѣ изъ дому женщины поверхъ надѣваютъ обыкновенный бѣлый платокъ съ разукрашенными краями. Передникъ у нихъ чаще всего краснаго цвѣта. Вообще у эстонокъ преобладающій цвѣтъ верхней одежды — бѣлый, отъ чего рядъ стоящихъ въ толпѣ женщинъ представляется стаей бѣлыхъ лебедей. Лѣтняя верхняя женская одежда полушерстяная съ красными каймами и красивыми тесьмами. Въ зимнее время женщины надѣваютъ бѣлый овечій тулупъ и иногда поверхъ его еще особый бѣлый кафтанъ.

Особенность мужской одежды печерскихъ эстовъ, сравнительно съ одеждою тамошнихъ русскихъ поселянъ, бѣловато-сѣрый короткій кафтанъ съ двумя рядами черныхъ костяныхъ пуговицъ и довольно широкимъ, иногда чернаго цвѣта, отложнымъ воротникомъ. Въ холодную погоду поверхъ короткаго кафтана надѣвается такой же длинный кафтанъ, повязываемый широкимъ поясомъ. Зимой подъ длиннымъ кафтаномъ носится овечья шуба. Обувь составляютъ кожаные сандалии и сапоги. Лапти встрѣчаются рѣдко, и то у пастуховъ или бѣдныхъ поселянъ.

Печерскіе эсты живутъ маленькими деревнями, состоящими изъ 3—5 дворовъ. Какъ деревни, такъ и отдѣльные дворы располагаются безъ соблюденія какого-либо опредѣленнаго порядка, по личнымъ удобствамъ каждаго домохозяина и качеству обрабатываемой имъ земли, но по возможности въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сѣзда. Въ характерѣ построекъ и расположенія ихъ здѣшніе эсты подражаютъ своимъ ливондскимъ соплеменникамъ, и отличительная черта сельскаго строительства у печерскихъ эстовъ это — раскинутость всѣхъ построекъ на значительномъ разстояніи одна отъ другой.

Внутренняя обстановка жилищъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ русской крестьянской избы. Бревна въ стѣнахъ гладко обтесываются; окна шестистекольные и нерѣдко съ наружной стороны украшаются рѣзьбою въ русскомъ стилѣ. Они дѣлаются только въ задней и въ одной изъ боковыхъ стѣнъ. Къ безоконной стѣнѣ пристраивается чуланъ; подъ жильемъ зачастую имѣется погребъ. Во дворѣ распола-

гаются хозяйственные постройки, которые большею частью покрываются соломой. Рига и баца ставятся въ сторонѣ.

Занятіе печерскихъ эстовъ главнымъ образомъ — хлѣбопашество. Въ нихъ народныхъ пѣсняхъ оно восхваляется на всѣ лады. Значительнымъ подспорьемъ въ хозяйственномъ быту могло бы служить рыболовство въ Псковскомъ озерѣ (ловля снѣтковъ), но эсты издавна сторонятся отъ этого промысла, и эстонскія пѣсни изображаютъ его опаснымъ дѣломъ. На водѣ — посты, между прочимъ, въ нихъ — не только рыбаки ловить рыбу, но и рыба ловить человѣка. Здѣшній эсть убѣжденъ, что рыбаки, уходя на промыселъ, должны запастись погребальной одеждою, и его провожаютъ съ плачемъ, тогда какъ полевой работникъ уходитъ на пашню при веселой пѣснѣ домашнихъ. Охота и пчеловодство годъ отъ году сокращаются. Нѣкоторую статью дохода у печерскихъ эстовъ (въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ) составляетъ торговля древеснымъ дегтемъ и глиняной посудой; кромѣ того, они торгуютъ рыбою, которую перепродаютъ въ прибалтійскія губерніи, скупая въ нихъ, въ свою очередь, тряпье (для бумажныхъ фабрикъ) и старыхъ лошадей (кожи и кости). Былая торговля лубомъ отошла въ область преданій вмѣстѣ съ исчезающимъ у крестьянъ обычаемъ носить лапти. Кустарные промыслы эстовъ ограничиваются потребностями домашняго быта. Пользуются нѣкоторой извѣстностью очень красивыя ткацкія издѣлія эстонокъ.

Семейная жизнь печерскихъ эстовъ представляется наблюдателю съ чертами патриархальными. Отцу, какъ главѣ семьи, повинуются всѣ члены ея. Дѣти заботятся о своихъ родителяхъ въ ихъ старости. Браки чаще всего заключаются ранніе. Выборъ невѣсты или жениха опредѣляютъ большею частью родительская воля и хозяйственные соображенія. Съ удивительнымъ терпѣніемъ примиряется жена и съ тѣмъ положеніемъ, когда судьба посылаетъ ей мужа не по сердцу: «такъ определено мнѣ Создателемъ», — обыкновенно утѣшаетъ себя молодая эстонка. Супружеской вѣрности придается высокое значеніе. Но, по грубости нравовъ и вслѣдствіе нетрезвой жизни, иногда примѣчаемой между эстами, бываютъ случаи грубого обращенія мужей съ женами, о чемъ въ грустныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ свидѣлствуютъ многія изъ народныхъ эстонскихъ пѣсень. Взаимныя отношенія между деревенскою молодежью обоихъ половъ, по наблюденіямъ г. Гурта, становятся все свободнѣе. У дѣвушекъ существуетъ обычай собираться въ мясодѣ въ домъ одной изъ нихъ, по очереди («расквартированіе»), на время до одной недѣли, чтобы совместно работать по разнымъ рукодѣльямъ при громкихъ звукахъ неумолкаемой пѣсни. На эти вечеринки иногда заходятъ парни и принимаютъ участіе въ играхъ, причемъ высматриваютъ себѣ невѣсту. Смотрины собственно и составляютъ главную цѣль дѣвичьихъ сходокъ.

Нечерскіе эсты большіе охотники справлять празднества, приурочиваемыя къ разнымъ обстоятельствамъ сельскаго быта. На праздникахъ веселятся (особенно молодежь) много, проводя время въ играхъ, пляскѣ и пѣніи пѣсень. Праздники бываютъ: церковные, празднуемые вмѣстѣ съ русскими православными, чисто-народные и семейные. На народныхъ

праздникахъ употребляется не мало вина, безъ котораго, впрочемъ, не обходится ни одно собраніе крестьянъ. До послѣдней питейной реформы, когда въ Лифляндіи вино было дешевле, празднующіе собирались повеселиться въ лифляндскихъ корчмахъ. Теперь эсты веселятся у себя на открытыхъ мѣстахъ вблизи деревень или на лѣсныхъ полянахъ. Семейные праздники (свадьбы, крестины, именины, похороны) носятъ на себѣ, но сложности обрядовой стороны, своеобразный отпечатокъ глубокой старины. Главное содержаніе этихъ празднествъ составляютъ пѣсни; особенно многочисленны пѣсни свадебныя и похоронныя (жалобныя). Послѣднія, сообразно возрасту, степени родства, роду смерти, покойника, весьма различны. При этомъ, въ нихъ совсѣмъ отсутствуетъ элементъ христіанскій.

Нравственный обликъ печерскихъ эстовъ г. Гуртъ изображаетъ какъ людей дѣтски-наивныхъ, веселаго нрава, любящихъ шутки и прибаутки, незлопамятныхъ, миролюбивыхъ, привѣтливыхъ и гостепріимныхъ. Изъ отрицательныхъ сторонъ ихъ жизни нельзя умолчать о нечистоплотности, которая служитъ причиною появленія среди этой группы населенія разныхъ кожныхъ болѣзней, о неряшествѣ выраженій, о той безсердечности, какая часто проявляется ими въ обращеніи со скупаемыми ими на разныхъ базарахъ старыми лошадьми во время перегоновъ съ мѣста на мѣсто. Замѣчается между печерскими эстами также сутяжничество. Къ народному бѣдствію — нетрезвости, въ послѣднее время стало присоединяться новое — употребленіе эфира. Хотя частная собственность у печерскихъ эстовъ считается вообще неприкосновенною, но на нихъ, какъ пограничныхъ въ губерніи жителей, иногда падаетъ подозрѣніе въ томъ, что они, будто бы, играютъ дѣятельную роль посредниковъ въ передачѣ пропадающихъ лошадей.

Критика и библиографія.

Hertz, Fr. Moderne Kassentheorien. Kritische Essays. Wien, Stern, 1904. 354 стр.

Книга Герца составлена из ряда статей, печатавшихся в различных изданиях: *Politischanthropologische Revue*, *Wissen f. Alle*, *Revue de synthèse historique*, *Socialistische Monatshefte* и проч., и представляет горячую, иногда язвительную критику на определенное направление некоторых историков и социологов. «Подъ выраженьемъ *«Rassentheorien»*, пишет Герцъ (стр. 280), мы разумѣмъ не всякій выраженный по отношенію къ расѣ взглядъ, но только тѣ взгляды, которые считаютъ расу главнымъ факторомъ историческаго развитія, и это послѣднее объясняютъ противоположностью отдѣльных видовъ человѣчества». Въ господствующихъ теоріяхъ о расахъ различаются четыре направленія: «лингвистическое, исходящее изъ родства языка и культуры и заключающее отсюда о родствѣ антропологическомъ; антропологическое, стремящееся на основаніи физическихъ признаковъ возстановить среди современнаго намъ смѣшенія расъ первобытные расы-типы; биологическое, занимающееся преимущественно вопросомъ объ естественномъ подборѣ, влияніи его на расу, которой придастъ здѣсь самый общій смыслъ, и социологическое, опредѣляющее расу, какъ социологическое образованіе, и изучающее борьбу расъ и ея социологическое значеніе». Критикуя различныхъ авторовъ, освѣщавшихъ свои историческія и социологическія сочиненія ученіемъ о расахъ, какъ о чѣмъ-то налагающемъ рѣзкій отпечатокъ на ходъ событій, на устройство быта и государствъ, Герцъ отстаиваетъ влияніе «среды», географическихъ, социальныхъ, антропологическихъ и биологическихъ факторовъ, настаивая на трудности, сознающую наукой, установить точно типичныя черты отдѣльныхъ расъ при томъ смѣшеніи, которымъ онѣ подвергались съ незапамятныхъ временъ. Съ особенной силой и ѣдкостью обрушивается онъ на книгу Н. S. Chamberlain, *Die Grundlagen des XIX Jahrh.* 2 Bd. 5 Auf. München, 1901, въ которой авторъ является превозносителемъ «благородной» германской расы и хулителемъ «расы» семитской. Книга эта нашла интересное распространеніе въ различныхъ кругахъ Германіи и пользовалась поддержкою со стороны имп. Вильгельма. Разбивая положенія Чамберлена, судя по приведеннымъ цитатамъ, дѣйствительно ничего общаго съ наукой не имѣющія, Герцъ даетъ очеркъ «религіозной жизни арійцевъ и семитовъ» (стр. 108—183)

и «цивилизации у арийцев и семитовъ» (стр 184—211) Первый очеркъ онъ заканчиваетъ слѣдующими положеніями: 1) начала религіозныхъ представленій одинаковы у народовъ всѣхъ расъ. 2) Расы, находящіяся въ близкомъ родствѣ, напр., индусы и иранцы, подъ вліяніемъ противоположныхъ обстоятельствъ представляютъ примѣръ разнороднаго религіознаго развитія. 3) Наоборотъ, народы, принадлежащіе къ неродственнымъ расамъ, при однородномъ политическомъ и социальномъ устройствѣ представляютъ примѣръ и однороднаго религіознаго развитія. 4) Расы ни въ одномъ направленіи не ставятъ преградъ религіозному развитію. Книга Герца служить доказательствомъ, какъ настоятельно необходимымъ оказывается для правильнаго рѣшенія многихъ вопросовъ знакомство съ собраннымъ этнографіей матеріаломъ и съ ея выводами. Поражая противника, Герцъ не только является вооруженнымъ историческимъ знаніемъ, но пользуется, какъ орудіемъ, и фактами этнографіи.

В. Х—на.

Morris Jastrow. Die Religion Babylonians und Assyriens. Lieferungen 1. 2. 3. 4. 5. 6. Giessen. J. Ricker'sche Verlagsbuchhandlung.

Первый выпускъ на нѣмецкомъ языкѣ вышеуказанной работы профессора Пенсильванскаго Университета появился въ 1902 году, шестой—въ 1904 году.

Серьезныя знанія автора, тщательная обработка обширнаго матеріала дѣлаютъ его трудъ цѣннымъ вкладомъ въ литературу исторіи религій. Указавъ на источники и методъ своего изслѣдованія, авторъ даетъ очеркъ страны и народа, о религіи котораго онъ пишетъ; затѣмъ переходитъ къ описанію боговъ древнѣйшаго Пандеона, т.-е. до-временъ Гаммураби (за 2300 л. д. Р. Х.), и боговъ, почитавшихся при этомъ правителѣ и въ послѣдующіе за нимъ періоды. Отъ описанія боговъ авторъ обращается къ религіозной литературѣ Вавилоніи и подробно останавливается на заклинаніяхъ (Zaubertexte), которые въ огромномъ количествѣ находились въ обращеніи среди народа Вавилоніи и Ассиріи и находились въ связи съ разнообразными обрядами. Въ этихъ заклинаніяхъ отражаются народныя воззрѣнія, его взглядъ на соотношенія силъ окружающаго міра, его вѣрованіе въ эти силы. Приписывая всякія бѣдны, неудачи и несчастья вліянію злыхъ духовъ, народы Вавилоніи и Ассиріи ограждали отъ нихъ заклинаніями, переходящими въ молитву о помощи къ святымъ богамъ.—Не только демоновъ боялся народъ Ассиріи и Вавилоніи и отъ нихъ ждалъ бѣды, онъ опасался и тѣхъ людей, которые, имѣя общеніе съ злымъ духомъ, могли причинить вредъ дѣйствіемъ, словомъ, взглядомъ, и отъ нихъ приходилось защищаться заклинаніемъ. Каковы были эти опасные люди, прекрасно и живо рисуетъ намъ начало одного заклинанія:

Колдунья, которая бродитъ по улицамъ
 Входитъ въ дома, крадется по переулкамъ,
 Переходитъ площади, оглядывается туда и сюда,
 Останавливается на дорогѣ и обращается назадъ,
 Отнимаетъ у благочестиваго силу,
 Колдунья увидала меня и пошла за мной,
 Идемъ своимъ остановила она шаги,
 Волшебствомъ своимъ загородила дорогу.
 (5 L. 308).

Созданныя народнымъ творчествомъ заклинанія были приведены священниками въ нѣкоторую систему, записаны и сохранялись при храмахъ. Подробно и обстоятельно изложивъ заклинанія, снабдивъ ихъ необходимыми поясненіями и указавъ на ихъ связь съ нѣкоторыми мифами и легендами (5 L. стр. 364), авторъ приступаетъ къ изложенію молитвъ и гимновъ, которые живо рисуютъ намъ религіозныя воззрѣнія народовъ Ассиріи и Вавилоніи и знакомятъ насъ съ особенностями ихъ поэтическаго творчества. 6-ой выпускъ и посвященъ молитвамъ и гимнамъ. Въ слѣдующихъ выпускахъ предполагается помѣстить мифы и легенды (переводы вновь найденныхъ памятниковъ древней ассириававилонской литературы) и переводъ такихъ текстовъ, изъ которыхъ видны ассириававилонскія воззрѣнія на жизнь и смерть. Свѣдѣніями о храмахъ и культѣ и общими замѣчаніями закончится интересный и содержательный трудъ проф. М. Jastrow'a. При немъ будетъ находиться подробная библіографія предмета.

Ввиду все болѣе и болѣе развивающагося интереса въ обществѣ къ народамъ далекой древности трудъ упомянованнаго профессора является своевременнымъ и вполне отвѣчающимъ научнымъ требованіямъ.

Е. Е.

Günther. S. dr. Ziele, Richtpunkte und Methoden der modernen Völkerkunde. Stuttgart, Enke. 1904. 52 стр.

Мюнхенскій профессоръ Гюнтеръ издалъ въ видѣ отдельной брошюры рѣчь, сказанную имъ на торжественномъ засѣданіи Естественно-историческаго Общ. въ Крефельдѣ (Naturwissenschaftliche Ges. zu Krefeld). Хотя она и является здѣсь въ нѣсколько распространенномъ видѣ, въ ней, естественно, нельзя искать желательной для предмета полноты изложенія. Остановившись коротко на исторіи науки этнографіи и на главныхъ ея представителяхъ, Гюнтеръ переходитъ къ изложенію главныхъ ея методовъ. «Методика народовѣдѣнія, говорить онъ, еще далеко не выработалась окончательно; единства въ ней никогда не будетъ, съ одной стороны, вслѣдствіе природы объектовъ изслѣдованія, съ другой вслѣдствіе индивидуальностей различныхъ изслѣдователей.» Намѣтившіяся, однако, главные теченія Гюнтеръ, согласно тому, на ка-

кую изъ вспомогательныхъ народовѣдѣнію наукъ опирается изслѣдователь, называетъ: 1) антрополого-археологическимъ методомъ, 2) лингвистическимъ, 3) социолого-психологическимъ и 4) географическимъ. Каждому изъ этихъ методовъ Гюнтеръ отдаетъ должное, указывая на примѣрахъ, какихъ результатовъ они достигли въ постановкѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Физическую антропологию мы обязаны различнымъ, болѣе или менѣе удачнымъ классификаціямъ человѣчества, далеко еще не совершеннымъ. Тѣмъ не менѣе, обойтись безъ классификаціи, основанной именно на физическихъ признакахъ, до сихъ поръ еще не удалось. Антропологическій методъ въ этнографіи пролилъ свѣтъ на вопросы происхождения (Rugmænfrage) Изученіе карликовыхъ народовъ Африки показало, что ихъ общимъ характернымъ признакомъ служить не только малый ростъ, но и многія другія особенности какъ физическія, такъ и социолого-интеллектуальныя. Лингвистическій методъ со своей стороны оказалъ этнографіи не мало услугъ. Одинаковыя географическія условія и условія существованія казались на различныя, иногда разноплеменные народы печать поразительнаго сходства въ обычаяхъ и обрядахъ, одеждѣ и пищѣ, даже въ физическихъ признакахъ. Въ данномъ случаѣ правильной классификаціи народовъ немовѣрно способствуетъ лингвистика. Она же открываетъ намъ иногда совершенно смѣтные слѣды народныхъ передвиженій. Не только антропологическія, но и лингвистическія изслѣдованія открыли пути передвиженія эскимосскихъ племенъ изъ Азіи по сѣверу Америки до Гренландіи, маори изъ центра Полинезіи на Н. Зеландію, сакальвовъ изъ архипелаговъ Индѣйскаго океана на Мадагаскаръ, карликовыхъ племенъ Африки на югъ материка и пр. Наконецъ, лингвистическія изслѣдованія W. Seiger-a даютъ возможность видѣть въ веддахъ не остатки первобытнаго населенія Цейлона, какъ думали раньше, но отпрыскъ сингалезовъ постепенно деградировавшихъ въ культурѣ. Чтобы доказать плодотворность социолого-психологическаго метода Гюнтеръ указываетъ на труды Спенсера, Поста, Колера, на изученіе исторіи брака, первобытнаго общества и государства, на возникновеніе научныхъ системъ: сравнительной исторіи религіи и психологіи народовъ. Наиболее виднымъ представителемъ географическаго метода является, какъ извѣстно, Фр. Ратцель, который опредѣлялъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Прослѣдить распространеніе извѣстной формы лука или стрѣлы въ одной области или въ цѣломъ материкѣ, ея видоизмѣненія по отдѣльнымъ мѣстностямъ, указывающія, какъ она медленно мѣнялась, удаляясь отъ данной области, повидному можетъ пролить свѣтъ на... передвиженія народовъ, употреблявшихъ и распространившихъ данное оружіе. Слѣдовательно, географическій методъ сводится къ выборкѣ историческихъ датъ изъ предметовъ, собранныхъ въ нашихъ музеяхъ.» Подъ вліяніемъ Ратцеля, географическій методъ, возникшій очень недавно, получилъ широкое распространеніе особенно въ Германіи. Центромъ дѣятельности его адептовъ стали богатѣйшіе этнографическіе музеи Германіи. Разработка музейнаго матеріала дала уже нѣсколько крупныхъ этнографическихъ работъ. Уважемъ на

работу самого Ратцеля о панциряхъ у индѣйцевъ сѣверо-западнаго побережья Америки и племенъ, населяющихъ Аляску, доказавшую родственную связь между племенами сѣверо-западной Америки и полинезийцами, его же работу: *Der afrikanische Bogen. Verh. d. Königl. Sächs. Ges. d. Wissensch. zu Leipzig*, 1887 и 1893., работы К. Weule, *Der afrikanische Pfeil. Lpz.* 1899. Н. Schurtz-a, *Grundriss einer Philosophie der Tracht*, Stuttgart. 1891; его же: *Das Augenornament*, 1895; его же, *Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes*, Weimar, 1898, наконецъ работу нашего соотечественника Б. 0. Адлера: *Der nordasiatische Pfeil. Leiden*, 1901.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Гюнтеръ настаиваетъ на раздѣленіи этнографіи и этнологіи, разумѣя подъ этнографіей описательную отрасль знанія, имѣющую цѣлью собраніе матеріала по физической, духовной и интеллектуальной жизни всѣхъ народовъ земного шара и расположенія его въ систематичной и удобной для обозрѣнія формѣ. Задача же этнологіи сводится къ выведенію изъ собраннаго матеріала общихъ законовъ жизни народовъ. Обѣ системы разнятся и методомъ. Гюнтеръ, на ряду съ Шурцемъ, признаетъ достояніемъ этнологіи методъ дедуктивный, достояніемъ же этнографіи методъ индуктивный.

В. X - на.

А. М. Дирръ. Грамматика удинскаго языка. Тифлисъ 1903.

Среди разнообразныхъ народовъ Кавказа Удины представляютъ значительный интересъ въ виду существующаго въ наукѣ мнѣнія, что предки ихъ входили въ составъ народности древней кавказской Албаніи. Въ настоящее время на удинскомъ языкѣ говорятъ только въ двухъ селеніяхъ Елисаветпольской губерніи—Варташенѣ (или Орташенѣ), находящемся въ 35 верстахъ отъ г. Нухи, и въ Нижѣ (Ниджѣ, Нежѣ) въ 40 верстахъ отъ Варташена. Однако населеніе обоихъ этихъ селеній довольно смѣшанное. По словамъ г. Дирра, въ Варташенѣ, напр., встрѣчаются также армяне, татары, персидскіе евреи и нѣсколько лезгинъ. Это разнообразіе населенія сильно затрудняетъ изученіе удинскаго языка. Почти всѣ удинскіе сел. Варташенѣ, кромѣ своего материнскаго языка, говорятъ свободно или на татарскомъ, персидскомъ или на армянскомъ языкѣ. Отсюда происходитъ то, что удинскій языкъ весь испещренъ татарскими, армянскими и персидскими словами и оборотами рѣчи. Говоры обоихъ удинскихъ селеній также до извѣстной степени различаются другъ отъ друга. Составитель удинской грамматики изслѣдовалъ въ ней нарѣчіе селенія Варташенѣ, не имѣя еще достаточно матеріаловъ, чтобъ дать описаніе говора селенія Ниджѣ. Познакомившись съ немногочисленными раньше извѣстными матеріалами по удинскому языку и убѣдившись въ существенныхъ недочетахъ и недостаткахъ трудовъ Эркерта („Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien“. 1895) и акад. Шифнера („Versuch über die Sprache der Uden“ 1863 г.), г. Дирръ изучилъ удинскій языкъ на мѣстѣ (въ чемъ нужно видѣть главное преимущество его труда)

подъ руководствомъ знатоковъ этого языка гг. Согомонянца и Мнацканианца. Въ книжкѣ г. Дирра мы находимъ обстоятельно составленный очеркъ фонетики, словообразованія и грамматическихъ элементовъ варташенскаго удинскаго нарѣчія, а также нѣсколько научно записанныхъ, грамматически разобранныхъ и снабженныхъ подстрочнымъ переводомъ удинскихъ текстовъ (стр. 84—101). Въ грамматическомъ отдѣлѣ своего труда составитель не придерживается обычнаго распредѣленія матеріала по частямъ рѣчи, но слѣдуетъ нѣсколько иной методъ, которая, по его мнѣнію, лучше позволяетъ указать и описать характерныя черты языка. «Морфологія большинства, если не всѣхъ кавказскихъ языковъ, говоритъ г. Дирръ (стр. X.), указываетъ намъ серію морфологическихъ элементовъ, легко отдѣлимыхъ отъ элементовъ чисто лексическихъ, т. е. эти языки имѣютъ въ качествѣ грамматическихъ приѣмовъ только префиксы, суффиксы и инфиксы; это нарѣчія агглютинирующія (иногда полисинтетическія, какъ грузинскій по отношенію къ глаголу), и, подчеркнувъ эти составительные элементы, можно лучше видѣть ихъ грамматическій механизмъ, чѣмъ изучая эти языки такъ-же, какъ санскритскій, греческій или латинскій. Имѣя цѣлью изученіе кавказскихъ языковъ,—лучше описывать эти языки, чѣмъ писать о нихъ систематическіе своды, и потому слѣдуетъ приняться прежде всего за сравненіе этихъ грамматическихъ этюдовъ по различнымъ идіомамъ, составляющимъ кавказскую семью языковъ, если мы хотимъ разрѣшить вопросъ первой важности, принадлежатъ ли кавказскіе языки дѣйствительно къ одной лингвистической группѣ». Мы не придаемъ большого значенія той или иной системѣ расположенія грамматическаго матеріала, лишь бы изложеніе было достаточно ясно. Въ сущности и отступленія отъ обычнаго въ грамматикѣ г. Дирра не очень значительны. Послѣ фонетики онъ помѣщаетъ словообразованіе, а затѣмъ переходитъ къ грамматическимъ элементамъ — разсмотрѣнію надежныхъ суффиксовъ и употребленію падежей — какъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, такъ и мѣстоименій. Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣніе очень сложнаго спряженія удинскаго языка и неречень главнѣйшихъ частицъ.

Въ общемъ грамматика г. Дирра производитъ впечатлѣніе тщательной и добросовѣстной работы. Приводимые имъ факты, проверенные неоднократно его сотрудниками-туземцами, внушаютъ полное довѣріе. Отмѣтимъ только встрѣтившіеся намъ при бѣгломъ просмотрѣ отдѣльные случаи, въ которыхъ мы не согласны съ приѣмами и объясненіями автора. Такъ, въ главѣ о правописаніи онъ говоритъ, что «придерживаться слишкомъ звуковаго принципа иногда неудобно, главнымъ образомъ, потому, что звуковой способъ письма часто затемняетъ происхожденіе, этимологію слова» (стр. 9). Поэтому г. Дирръ находитъ болѣе удобнымъ жертвовать фонетической точностью этимологическимъ изображеніямъ въ такихъ, напр., случаяхъ, какъ неопредѣленное наклоненіе съ суффиксомъ-сун. Звукъ *с*, уподобляясь предшествующимъ *ч*, *ш*, переходитъ въ выговоръ въ *ш*; напр., глаголъ *приноситъ* звучитъ *ечшун*, но г. Дирръ предпочитаетъ писать *еч-сун*, чтобы яснѣе представить составъ слова. Ду-

маемъ, что отступленіе отъ чисто фонетической графики въ данномъ случаѣ не имѣетъ достаточнаго основанія, такъ какъ фонетическіе законы излагаютъ измѣненіе согласныхъ подъ вліяніемъ уподобленія, и никто не затруднится угадать суф. неопред. наклоненія—сун въ формѣ—шун какъ въ данномъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Въ главѣ объ образованіи словъ, отмѣчая образованіе словъ чрезъ *составленіе*, г. Дирръ приводитъ только два примѣра: *калбаба дьдъ*, *калнана бабушика* отъ: *кала большой* и *баба отецъ*, *напа мать* (стр. 10). Оба слова, какъ примѣры *составленія* въ удиискомъ языкѣ неумѣстны, такъ какъ они не чисто удиискіе, а заимствованные изъ татарскаго, какъ, напр., татское однозначущее названіе *днда* калъ бабо. На слѣдующей страницѣ г. Дирръ пользуется тѣми же *татарскими* словами *напа* и *баба* какъ примѣрами *первоначальнаго* удвоенія (стр. 11), а въ примѣръ удвоенія слова съ выпаденіемъ извѣстныхъ гласныхъ приводитъ опять *заимствованныя* въ удиискомъ слова: *калкала очень большой* и *хурхуру очень мелкій*. Противъ внесенія татарскихъ суффиксовъ въ перечень удиискіхъ ничего нельзя сказать, если эти суффиксы могутъ, какъ живые словообразовательные элементы, служить для образованія словъ отъ *удиискіхъ* основъ. ¹⁾ Но оба приведенные г. Дирромъ примѣра: арабачі *аробичикъ* и *қағачі служитель въ кофейнѣ* прямо заимствованные (что онъ и самъ говоритъ) въ готовомъ видѣ, а примѣровъ прикрѣпленія суф.—чі (турскаго—джі) къ удиискимъ словамъ у г. Дирра не приведено. Если ихъ вообще не существуетъ, то суффиксу—чі нѣтъ мѣста въ удиискомъ словообразованіи, даже съ оговорками, которыми г. Дирръ сопровождаетъ этотъ и другіе тюркскіе суффиксы. Излишнимъ и невѣроятнымъ представляется намъ предположеніе г. Дирра (стр. 11, примѣч.), что тюркскій суф.—джі происходитъ, можетъ-быть, отъ аварскаго слова *чі человекъ*. При современномъ нашемъ знаніи такіа сопоставленія словъ языковъ разнаго морфологическаго типа остаются безплодными.

Ограничиваясь этими немногими замѣчаніями, мы въ заключеніе выражаемъ надежду, что г. Дирръ будетъ съ успѣхомъ продолжать изученіе и изслѣдованіе кавказскихъ языковъ, такъ какъ обладаетъ необходимыми для такой работы данными—хорошей научной подготовкой, тщательностью въ наблюденіи и точностью въ изложеніи фактовъ языка.

Вс. М.

Д. А. Коропчевскій. Первые уроки этнографіи. М. Изд. К. Н. Тихомирова 1903 г. Стр. 176. ц. 75 к.

Даже иностранная литература бѣдна популярными учебниками по этнографіи, на русскомъ же языкѣ книга г. Коропчевскаго представляетъ первую попытку дать оригинальный трудъ, который могъ бы ознакомить самые широкіе слои публики съ основами народовѣдѣнія. Это

¹⁾ Такъ, въ татскомъ языкѣ отъ чисто прапскаго слова *коръ* „дѣло“ образуется *корчі* „работникъ“.

обстоятельство заставляет насъ отнестись съ большимъ вниманіемъ къ разбираемой книгѣ, а имя ея автора, хорошо извѣстнаго въ качествѣ опытнаго популяризатора, располагаетъ заранѣе къ надеждѣ найти въ ней дѣйствительно толковый и общедоступный учебникъ по этнографіи, въ которомъ несомнѣнно существуетъ большая потребность. Къ сожалѣнію, г. Коропчевскій въ данномъ случаѣ обманулъ наши ожиданія и его книга далеко не даетъ того, чего можно было бы отъ нея требовать. У нея есть, конечно, извѣстныя достоинства, написана она популярно и прочтется безъ труда даже читателемъ съ очень небольшой подготовкой, но этимъ почти что и исчерпываются ея положительныя стороны. Недостатки ея гораздо многочисленнѣе и настолько существенны, что позволяютъ сомнѣваться въ пригодности «Первыхъ уроковъ» въ качествѣ элементарнаго руководства даже въ настоящее время, когда учебники по этнографіи у насъ, можно сказать, совсѣмъ отсутствуютъ. Въ виду суровости такого отзыва мы считаемъ долгомъ мотивировать его подробнѣе и начнемъ свой разборъ книги г. Коропчевскаго съ плана, положеннаго въ ея основу.

Какъ извѣстно, большинство руководствъ по этнографіи состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ общей этнографіи, выясняющей значеніе различныхъ факторовъ, опредѣляющихъ жизнь народовъ, а также содержаніе и эволюцію главнѣйшихъ моментовъ народной жизни, техники, вѣрованій, общественной жизни и т. д., — и изъ частной, посвященной описанію отдѣльныхъ этническихъ группъ. Врядъ ли пужно доказывать, что общая часть имѣетъ очень существенное значеніе, такъ какъ именно она даетъ основныя обобщенія, придающія сырымъ этнографическимъ фактамъ дѣйствительно научное значеніе. Безъ этихъ обобщеній читатель, и особенно мало подготовленный читатель, будетъ имѣть передъ собою груду разрозненныхъ фактовъ, не складывающихся въ одну общую цѣлостную картину; осмыслить самостоятельно эту массу фактовъ, сдѣлать самому изъ нея должные выводы, — эта задача доступна не всякому и конечно она уже требуетъ извѣстной подготовки у читателей. Человѣкъ, способный прочесть внимательно объемистое руководство по этнографіи, въ родѣ напр. книги Ратцеля, быть можетъ, и будетъ въ состояніи произвести до извѣстной степени обобщающую работу надъ предоставленными ему сырыми фактами, но во всякомъ случаѣ и ему окажетъ большую услугу предпосланная въ этой книгѣ описательной этнографіи общая часть. Въ элементарныхъ учебникахъ общая часть имѣетъ тѣмъ большее значеніе, такъ какъ, съ одной стороны, читатель такихъ учебниковъ менѣе подготовленъ для самостоятельной работы, а съ другой, запасъ содержащихся въ краткомъ учебникѣ фактовъ не всегда бываетъ достаточно для того, чтобы ихъ можно было обобщать. Правда въ небольшомъ учебникѣ автора всегда сильно стѣсняются самыя разбѣры книги, заставляющіе упускать изъ виду многія даже существенно важныя частности, но основныя обобщенія настолько необходимы, что для нихъ всегда можно найти мѣсто. Это можно утверждать не только въ теоріи, но и на практикѣ, такъ какъ примѣръ «Народовѣдѣнія» Габерланда доказалъ, что

даже въ самый краткій учебникъ можно включить общую часть. Эта книжка по размѣрамъ даже меньше книги г. Коропчевскаго, и однако въ ней имѣется общая часть.

Г. Коропчевскій извлекалъ изъ своей книги почти цѣликомъ всю общую часть, и единственная обобщающая идея, которую можно найти въ его учебникѣ—это зависимость народной жизни отъ географическихъ условій. Но какое бы значеніе мы ни придавали этой идее, одной ея, несомнѣнно, недостаточно для объясненія всей сложной массы этнографическихъ фактовъ. Она не все объясняетъ и тѣмъ болѣе бессильна помочь установить схемы развитія главнѣйшихъ моментовъ культуры. Читатель книги г. Коропчевскаго не будетъ въ состояніи отвѣтить даже въ самыхъ общихъ чертахъ на вопросы о томъ, какъ развивалась техника, вѣрованія, семья, общество и т. д. и т. д.; не будетъ въ состояніи отвѣтить просто потому, что не найдетъ для этого матеріаловъ въ виду полного отсутствія общей части. До известной степени этотъ недостатокъ можно было возмѣстить въ описательной части, если бы авторъ при описаніи различныхъ народовъ постарался рельефнѣе обрисовать главные типы или моменты развитія вѣрованій или общественности и т. д. Еслибъ, напр., онъ ничего не сказалъ въ общей части о развитіи семьи, онъ могъ бы въ описательной части особенно подробно обрисовать семью австраійцевъ, американскихъ индѣйцевъ, африканскихъ кафровъ и т. п., чтобы такимъ образомъ хотя бы не систематически и не послѣдовательно, но все же указать главные моменты въ развитіи семьи. Этого было бы недостаточно для замѣны общей части, но все же читатель познакомился бы хоть нѣсколько съ исторіей семьи. Г. Коропчевскій не сдѣлалъ однако и этого. Какъ это ни странно, напр., но читатель его книги совсѣмъ останется не знакомъ съ такимъ широко распространеннымъ и важнымъ институтомъ, какъ материнское право, не узнаетъ ничего объ анимизмѣ и т. д., т. е. чрезвычайно важные моменты культурнаго развитія остаются въ «Первыхъ урокахъ» не только не объясненными и приведенными въ связь съ родственными имъ явленіями, но просто даже не упомянуто, что они существуютъ. Г. Коропчевскій не только ограничивается одной описательной этнографіей, но и ее понимаетъ слишкомъ узко, сводя почти все къ описанію наружности отдѣльных племенъ, образа жизни, одежды, жилищъ, отчасти техники и т. д.; прочіе элементы культуры у него отодвинуты совсѣмъ на задній планъ.

Что касается до распредѣленія матеріала въ описательной этнографіи, то г. Коропчевскій вполне справедливо отказался отъ обычнаго способа изложенія по расамъ и предпочелъ ему другой планъ «культурно-географическій». Описаніе народовъ по расамъ до сихъ поръ, можетъ быть, представляетъ наиболѣе распространенный способъ изложенія описательной этнографіи, но, въ сущности говоря, никакихъ оснований, кромѣ традиціи, нѣтъ для предпочтенія этого способа другимъ. Всѣ расовыя дѣленія настолько широки, что охватываютъ племена самого разнообразнаго культурнаго уровня и самого разнообразнаго образа жизни

всѣ эти дѣленія не совпадаютъ съ дѣленіями народовъ по какимъ-нибудь культурнымъ признакамъ, а между тѣмъ послѣдніе и являются наиболѣе важными для этнографа. Конечно не безразличенъ и вопросъ о происхожденіи данного племени, но все-таки это только отдѣльный частный вопросъ и при томъ вопросъ, имѣющій для этнографа вспомогательное значеніе. Происхожденіе народа проливаетъ извѣстный свѣтъ на его культурное развитіе и вотъ въ этомъ-то и заключается главное значеніе для этнографа вопроса о принадлежности какого-либо племени къ той или другой расѣ. Самостоятельная задача этнографіи сводится къ рѣшенію вопроса о причинахъ и условіяхъ возникновенія различныхъ культурныхъ формъ, къ выясненію характера ихъ эволюціи и т. п., и для этой цѣли разумѣется наиболѣе подходящая классификація народовъ по культурнымъ признакамъ.

Г. Коропчевскій однако не довольствуется одними культурными признаками и выдвигаетъ на ряду съ ними признаки географическіе. Разумѣется, что поступая такъ, онъ былъ вполне правъ: географическія условія объясняютъ очень многое въ культурѣ данныхъ народовъ, и кромѣ того одинаковыя по внѣшности культурныя формы являются иногда далеко неравноцѣнными по своему внутреннему содержанію при наличности различныхъ географическихъ условій; для сравненій эти формы должны быть, такъ сказать, приведены къ одному знаменателю, т.-е. при сравненіи ихъ должна быть принята во вниманіе географическая обстановка.

Такимъ образомъ, принятая г. Коропчевскимъ система распредѣленія этнографическаго матеріала по культурно-географическимъ группамъ кажется намъ очень удачною, но, къ сожалѣнію, онъ не провелъ достаточно послѣдовательно и обдуманно этого правильнаго принципа. Если мы обратимся къ его книгѣ, то сразу наткнемся на рѣзкую непослѣдовательность. Эскимосы напр., выдѣлены въ особую самостоятельную группу, за то все остальное населеніе сѣверной и южной Америки свалено въ одну кучу подъ именемъ «рыболовныхъ и охотничьихъ племенъ Америки», и мы совершенно недоумѣваемъ, чѣмъ эта крайне широкая и не опредѣленная группа содержательнѣе расоваго дѣленія «американскія народности». Въдъ г. Коропчевскій игнорируетъ въ данномъ случаѣ и громадное разнообразіе географическихъ условій жизни въ Америкѣ и не менѣе громадное разнообразіе культурныхъ формъ въ этой же части свѣта. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ описывать рядомъ высококультурныхъ древнихъ перуанцевъ и мексиканцевъ, съ одной стороны, и огнеземельцевъ или племена центральной Бразиліи, съ другой. Въдъ между тѣмъ и другими пропасть во всякомъ случаѣ большая, чѣмъ напр., между кочевниками-кафрами и земледѣльцами-нограми, а между тѣмъ послѣдніе у г. Коропчевскаго строго обособлены другъ отъ друга. Тутъ мы наталкиваемся на одинъ изъ источниковъ ошибки автора, онъ слишкомъ считается съ устарѣвшимъ дѣленіемъ народовъ на охотниковъ, скотоводовъ и земледѣльцевъ и, кромѣ того, не вполне правильно классифицируетъ народы даже съ точки зрѣнія этого дѣленія. Охота, ското

водство и земледѣіе вотъ почти единственный и во всякомъ случаѣ главный признакъ, съ которымъ онъ считается при распредѣленіи народовъ въ разныя или въ одну и ту же группу, и въ силу этого получаются такія вещи, что кафры отдѣлены отъ негровъ и соединены въ одну группу съ готтентотами, туарегами и арабами, Америка же вся, кромѣ эскимосовъ, вошла въ одну группу.

Правильное проведеніе культурно-географической классификаціи неизбежно предполагаетъ довольно значительную дробность дѣленій, что разумѣется представляетъ нѣкоторое неудобство для начального учебника. Но намъ кажется, что это неудобство можно обойти, пожертвовавъ до извѣстной степени полнотою обзора. Дѣйствительно нѣтъ необходимости знакомить сразу со всѣми племенами, населяющими земной шаръ, а достаточно выдѣлить на первое мѣсто большее или меньшее число болѣе важныхъ или болѣе интересныхъ группъ и на нихъ сосредоточить вниманіе учащихся. Г. Коропчевскій, наоборотъ, считая нужнымъ охватить въ своемъ обзорѣ какъ можно большее количество народовъ, и потому его учебникъ испещренъ собственными именами, но зато характеристики отдѣльных народовъ и даже крупныхъ группъ мало содержательны и иногда сводятся къ шаблоннымъ фразамъ въ нѣсколько словъ.

Переходя къ частностямъ, мы, къ своему удивленію, наталкиваемся на печальный фактъ, что книга г. Коропчевскаго не свободна отъ ошибокъ, порою довольно грубыхъ. Наиболѣе существенной изъ такихъ ошибокъ представляется намъ изображеніе индѣйцевъ Сѣверной Америки какъ исключительно охотничьихъ племенъ. Такъ, на стр. 55-й мы читаемъ: «Онъ велъ исключительно охотничій образъ жизни и могли назваться самыми типичными охотничьими народами», на стр. 57-й «сѣвероамериканскіе индѣйцы исключительно жили охотой»; на стр. 59-й сказано, что «сѣяли (маисъ) только въ небольшихъ размѣрахъ и у многихъ племенъ побережья Атлантическаго океана»; на стр. 62-й ирокезы названы «единственными индѣйцами Сѣверной Америки, которые дошли до земледѣія». Все это невѣрно, и земледѣіе играло въ Сѣверной Америкѣ гораздо болѣе крупную роль, чѣмъ думаетъ г. Коропчевскій. Это мнѣніе давно уже признано наукой и вошло даже въ общія руководства, его можно найти у Ратцеля, у Геблера и т. д., неговоря про спеціальныя работы.

Менѣе важною, но не менѣе грубой ошибкой является названіе гилляковъ «родственными» айнамъ (стр. 52). Равно грубую и совсѣмъ непонятную ошибку мы находимъ на стр. 63-й, гдѣ г. Коропчевскій смѣшиваетъ Индѣйскую территорію и штатъ Индіану. На стр. 97-й мы встрѣчаемъ такую фразу: «Зулусы распространяли свои набѣги по восточному берегу Африки довольно далеко на сѣверъ, но тамъ имъ пришлось столкнуться съ другими пастушескими народами, неуступавшими имъ въ воинственности. Изъ этихъ народовъ особенно извѣстны масаи, галласы и вагумы». Неужто г. Коропчевскій дѣйствительно думаетъ, что Зулусы проникали такъ далеко на сѣверъ, что сталкивались съ масаи, галла и вагума?

Встрѣчаются у г. Коропчевскаго также мелкіе, но все же нежелательные промахи, какъ включеніе берберовъ, абиссинцевъ и феллаховъ въ рубрику «азіатскіе» земледѣльческіе народы (стр. 129—131) или вогуловъ въ группу «земледѣльческіе народы восточной Европы» (стр. 151). Даваемые имъ характеристики не всегда удобопонятны и трудно, напр., понять значеніе такой фразы: «когда лучше ознакомились съ особенностями человѣка, тогда оказалось, что многія человѣческія черты у негра развиты даже болѣе чѣмъ у насъ; таковы, между прочимъ, и его губы, подобныхъ которымъ не представляетъ ни одно животное» (стр. 117). Необходимо также отмѣтить еще одну нежелательную особенность «Первыхъ уроковъ» — несоблюденіе пропорціональности въ описаніи отдѣльных народовъ. Особенно кратко описаны народы, живущіе въ предѣлахъ Россіи, и авторъ оправдывается при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что литература объ этихъ народахъ доступнѣе его читателямъ, чѣмъ литература о другихъ народахъ. Но съ этимъ соображеніемъ трудно согласиться въ виду особаго интереса, представляемаго для русскаго читателя этими народами. Во всякомъ случаѣ странно, что Кавказу со всѣми разнообразными его народами авторъ не нашелъ возможнымъ уделить болѣе двухъ страничекъ (стр. 148—150), тогда какъ эскимосамъ отведена цѣлая глава въ семь страницъ (стр. 33—40).

Но выѣшности «Первые уроки» изданы хорошо и снабжены довольно большимъ количествомъ удовлетворительныхъ рисунковъ.

А. Максимовъ.

Графиня Уварова. Кавказъ. Рача, Горійскій уѣздъ, горы Осетин, Пшавія, Хевсуретія и Сванетин. Путевыя замѣтки, съ 18 таблицами. Часть III. М. 1904.

Эта изящно изданная книга содержитъ дневникъ путешествій, совершенныхъ въ перечисленнымъ въ заглавіи области Кавказа графиней Уваровой въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Подробное знакомство съ исторіей Кавказа, обширныя свѣдѣнія въ археологіи вообще и глубокое изученіе вещественной археологіи Кавказа, обнаруженное авторомъ въ его другихъ спеціальныхъ монографіяхъ, вошедшихъ въ серію «Матеріаловъ по археологіи Кавказа», издаваемыхъ И. М. Археологическимъ Обществомъ, свѣдѣнія по геологіи, ботаникѣ, этнографіи, живая наблюдательность — все это придастъ особый интересъ «путевымъ замѣткамъ» графини Уваровой и дѣлаетъ ея новую книгу важнымъ вкладомъ въ научную литературу по Кавказу. Преслѣдуя на первомъ планѣ археологическія цѣли, авторъ однако не оставляетъ безъ вниманія ничего интереснаго, встрѣчающагося на его пути: описанія древнихъ вещественныхъ памятниковъ и произведенныхъ раскопокъ чередуются съ картинами дивной кавказской природы, упоминаніями мѣстныхъ обычаевъ и народныхъ преданій, наблюденіями геологическими и ботаническими, описаніемъ встрѣчъ съ мѣстными жителями разныхъ классовъ

и проч. Въ областяхъ Закавказья, населенныхъ картвельскимъ племенемъ и особенно богатыхъ памятниками церковнаго зодчества, главное вниманіе сосредоточивается на послѣднихъ. Отличный знатокъ церковной архитектуры и древностей, авторъ тщательно описываетъ въ путешествіи по Горійскому уѣзду старинныя церкви и монастыри, отмѣчая сохранившуюся въ нихъ церковную утварь, иконы, фрески, кресты и проч., при чемъ автору нерѣдко приходится провѣрять и исправлять мнѣнія, высказанныя о нихъ прежними путешественниками (Бакрадзе, Дюбуа де Монперё) и приводить данныя изъ географіи Вахушты. Въ путешествіи 1890-го года въ горахъ Осетіи авторъ занимается главнымъ образомъ обильными могильниками этой интересной области Кавказа, нѣкоторые изъ которыхъ (Комунта, Галиата, Камбулта) приобрѣли европейскую извѣстность трудами Вирхова, Шантра и друг. Раскопки графини въ могильникахъ Задалиска, Махческа, Фаскау, Архона, Даргафса, Санибы, Фардыдона, Лаца и друг. дали обильный матеріалъ, дополняющій существенно наши свѣдѣнія по археологіи территоріи, населенной осетинами. Обѣхавъ Дигорію, Тагаурію и Куртатію, обследовавъ все до сихъ поръ извѣстныя тамъ могильники, гр. Уварова (стр. 159—161) дѣлаетъ нѣкоторыя общія заключенія относительно прошлаго Осетіи, насколько этому можетъ содѣйствовать могильный инвентарь. Могильники Осетіи принадлежать весьма различнымъ народностямъ и вѣроятнѣе столь же различнымъ эпохамъ, при чемъ древнѣйшіе, по мнѣнію графини и Вирхова, могутъ восходить за 1000 лѣтъ до Р. Х. Кромѣ могильниковъ, въ Осетіи обращаютъ на себя вниманіе древнія святилища Майрэмъ, посвященные нымѣ Богоматери, но имѣвшія, повидимому, въ языческій періодъ другое значеніе, развалины замковъ и городища, связанныя съ родовыми преданіями высшаго сословія среди осетинъ (Бадилятъ, Царгосать, Гагуать). Не менѣе интересны замѣтки автора о древностяхъ и населеніи малодоступныхъ долинъ, населенныхъ Ишавами и Хевсурами. На ряду съ описаніемъ мѣстныхъ памятниковъ старины мы находимъ здѣсь изображеніе костюмовъ, типовъ, нѣкоторыхъ обычаевъ. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ, напримѣръ, что новобрачная приносить въ даръ святилищу шелковое верхнее платье, что къ языкамъ церковныхъ колоколовъ привязываются куски пожертвованныхъ матерій, за которые берутся, чтобы звонить во время празднествъ (стр. 225). Въ этихъ областяхъ, какъ и въ другихъ на Кавказѣ, мы находимъ въ полной силѣ двоявѣріе, смѣшеніе христіанскаго съ языческимъ. Хранителями святилищъ съ ихъ христіанской церковной утварью являются не священники, а т. наз. хевисберы (у осетинъ дзуарлагі), съ которыми православное духовенство спокойно уживается; такъ напр., по словамъ автора, на празднествахъ хевисберы собиравъ народъ, закалываютъ жертвенныхъ барановъ, молятся по своему обычаю, но допускаютъ православнаго священника, который приноситъ въ святилище крестъ изъ церкви, молится Богородницѣ и получаетъ часть закланнаго животнаго (стр. 226). Приведемъ здѣсь ксати сцену, которой свидѣтельницей была графиня въ хевсурскомъ селеніи Гудани: «Въ Гудани

насъ ожидала интересная картина: на горной площадкѣ подъ нависшими старыми ясениями, около святилищъ (ихъ здѣсь три) насъ ожидали хевисбери, народъ и латинки, которыхъ собралъ старшина, такъ какъ я наканунѣ высказала желаніе видѣть сокровища, сохраняемыя въ святилищѣ и древнее вооруженіе. Старшій хевисбери стоялъ съ жезломъ — *аваржани*, второй имѣлъ въ рукахъ *дроша*, а два *дастура* (служителя святилища) держали въ рукахъ всѣ сосуды святилища. *Аваржани* ничто иное, какъ высокій жезлъ съ серебряной рукоятью, напоминающей своей формой древніе епископскіе жезлы съ рукоятью въ видѣ змѣевъ. *Дроша* родъ значка или знамени, составленнаго изъ высокаго дерева съ серебряными позолоченными яблоками на верхушкѣ съ водруженнымъ наверху крестомъ: подъ крестомъ привѣшены нынѣ вмѣсто знамени простые бумажные платки. Кресты, имѣющіеся на двухъ *дроша* въ Гудани, серебряные, позолоченные, украшены Распятіемъ и очень плохого дѣла» (234—235). Замѣтимъ, что въ самыхъ названіяхъ священныхъ предметовъ и должностей сохраняются слѣды древняго вліянія религіи Агурамазды, которую исповѣдовали персы при Сасанидахъ, на закавказскія религиозныя представленія. Служители Агурамазды (Ормузда) у персовъ до сихъ поръ называются *дастурами* (какъ у хевсуровъ), названіе *дроша* (знамя) персидское *дэрэфш* въ томъ же значеніи. Что касается типовъ хевсуровъ, то графиня, какъ и другіе путешественники, отмѣтила ихъ сходство съ запорожскими. То же замѣчено относительно сванетовъ, въ области которыхъ, насколько помнится, были найдены даже могилы съ русскими надписями погребенныхъ запорожцевъ. Мужчины-хевсуры носятъ чубы, головной уборъ хевсурскихъ женщинъ и дѣвушекъ, по словамъ графини (стр. 246), напоминаютъ уборъ малороссянокъ. Интересно, что между утварью въ хевсурскомъ святилищѣ въ селеніи Хамхати оказалась серебряная братина русскаго дѣла съ обыкновенной славянской надписью вязью: «братина добраго чело-вѣка, пяти на здоровье (стр. 238).

Особенно обильна результатами была поѣздка въ Сванетію, которой святилища, трудно-доступныя, наполнены старинными вещами, иконами, крестами, церковными книгами съ миниатюрами, чашами, ковшами, подсвѣчниками и проч. Авторъ имѣлъ случай осмотрѣть, описать и сфотографировать множество интересныхъ для исторіи искусства предметовъ, которыхъ не удалось видѣть прежнимъ путешественникамъ. Вотъ что, напр., сообщаетъ графиня про сокровища монастыря свв. Кирика и Ивлиты: «Монастырь состоитъ въ вѣдѣніи не приходскаго священника, а сельскаго общества, которое при немъ содержитъ хевисбера или *пани* и двухъ сторожей, живущихъ въ немъ, имѣющихъ ключи отъ церкви и сокровищницы и безъ воли которыхъ нельзя осмотрѣть или дотронуться до чего-либо. Мы были первыя женщины, которыя переступили черезъ порогъ святилища и передъ которыми открылись церковь и сундукъ драгоценностей; намъ удалось осмотрѣть, описать и снять все то, что намъ хотѣлось, и хотя на первыхъ порахъ мы могли усмотрѣть подозрѣніе и неудовольствіе на лицахъ пристав-

ленныхъ стражниковъ, но, относясь къ духовнымъ вещамъ съ должнымъ уваженіемъ и избѣгая необходимости дотрогиваться до нихъ, мы очень скоро переѣхали отношенія къ намъ стражи, а когда, прощаясь, пожертвовали на церковь и отплатили людямъ за трудъ, понесенный ими въ продолженіе дня при переноскѣ на церковный дворъ предметовъ для фотографированія, сердце этихъ дикарей окончательно смягчилось, и мы разстались съ ними совершенно друзьями». (стр. 274). Не имѣя возможности даже вскользь остановиться на множествѣ интересныхъ предметовъ, видѣнныхъ путешественницей, упомянемъ только, что въ церквахъ Ушкульскаго общества и вообще въ его селеніяхъ графиня отмѣтила присутствіе въ значительномъ числѣ деревянной рѣзной мебели, чего нѣтъ въ остальной Грузіи: кресла, диваны, аналои и сундуки. Рѣзаны также двери въ церквахъ, перила лѣстницъ и даже глухія стѣнки, отгораживающія балконы и переходы въ домахъ и башняхъ (стр. 279). Характерны для мѣстнаго искусства также фресковыя изображенія въ одной церкви въ селеніи Лаштхаръ, представляющія, по мнѣнію мѣстныхъ жителей и покойнаго Бакрадзе, народныя сказанія о борьбѣ богатыря Амيرانа, столь извѣстнаго въ грузинскомъ и осетинскомъ эпосѣ, съ чудовищами (стр. 293). Содержаніе фресокъ поясняется надписями, напр.: «Когда Амيرانъ, поглощенный чудовищемъ, убилъ и вышелъ изъ него». Такое проникновеніе фольклора въ церковную живопись представляетъ само по себѣ уже крайне интересный фактъ.

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя, повидимому, вѣрныя соображенія путешественницы объ исторической судьбѣ Сванетіи: «Описываемая драгоценность, равно какъ и многочисленность древнихъ церквей, большей частью изъ тесаннаго камня, расписанныхъ фресками и богато одаренныхъ иконами, присутствіе въ мѣстности нѣсколькихъ значительныхъ замковъ, какъ въ Ушкулѣ и въ Адышѣ— все говоритъ о болѣе блестящемъ положеніи края и въ былое, далекое время. Очень вѣроятно, что князь Татарханъ-Дадешкелани (мѣстный знатокъ Сванетіи), правъ, говоря, что въ XI и XII вв. въ долинѣ Ингура населеніе пользовалось большимъ просвѣщеніемъ и лучшими путями сообщенія, чѣмъ теперь. Заглохла Сванетія, по мнѣнію князя, въ то время когда исторія Грузіи спуталась, когда власть царская раздѣлилась и стала падать, давая возможность племеннымъ воспользоваться этой слабостью, грабя и расхищая край. Въ это время, можетъ быть, и стали смотрѣть на Сванетію, какъ на болѣе замкнутое, неприступное ущелье, которому и дали названіе «убѣжища» или *Саване* по-грузински, откуда со временемъ, по мнѣнію грузинъ, образовалось наименованіе Сванетіи» (стр. 290).

Разставаясь съ интересной и богатой содержаніемъ книгой графини Уваровой, отмѣтимъ нѣкоторыя поправки осетинскихъ названій, не вполне точно переданныхъ путешественницей: такъ, вмѣсто Стердигорія слѣдуетъ писать Стырдигорія, т.-е. большая (стыр) Лигорія (стр. 116); вмѣсто Суйхохъ слѣдуетъ Саухохъ, т.-е. *черная* (сау) *гора* (хох) стр. 136; вмѣсто Кауукъ Тимассуукъ (стр. 108) слѣдуетъ читать: Ба-

нукти (*Кануковыхъ*, род. пад. множ. число) масугъ (*башня*). Осетинское названіе Ма при Майремъ (стр. 160) мѣ не встрѣчалось: обыкновенно такіе памятники называются Мады Майремъ, т.-е. мать (мады) Марія (Мейремъ).

Вс. М.

Московская Церковная Старина. Труды комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи, издаваемые *подъ редакціей* председателя комиссіи А. И. Успенскаго. Т. I т. III. Москва 1904 г. 1905 г.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1902 г. при Отдѣлѣ церковной археологіи при Об. Л. Д. II.¹⁾ была учреждена комиссія для осмотра и изученія памятниковъ церковной старины г. Москвы и Моск. епархіи. Члены этой комиссіи издали въ текущемъ году два тома своихъ двухлѣтнихъ трудовъ, и изданіе это нельзя не встрѣтить безъ привѣтствія. Москва богата стариною, особенно стариною церковною, и изученіе ея открываетъ предъ изучающимъ картину той далекой Москвы, которая съ каждымъ годомъ исчезаетъ, уступая мѣсто совершенно новому городу. Съ церковнымъ строеніемъ, съ украшеніемъ храма, связывалось въ древности многое. Событія жизни внѣшней, внутреннія переживанія русскихъ людей въ огромномъ большинствѣ случаевъ влекли за собою созданіе храма, пожертвованіе иконы, постановку часовни, креста. Жизнь государства, общества, отдѣльнаго человѣка отпечатлѣвалась во-внѣ въ памятникахъ религіозныхъ; за стариннымъ храмомъ, древнею иконою, полустертымъ могильнымъ камнемъ стоитъ русскій человѣкъ съ его внутреннимъ складомъ, съ его нравственнымъ возрѣніемъ, съ его художественными стремленіями. Поэтому и дорога старина, какъ отпечатокъ русской души, дороги ея памятники—эти издѣлія давно истлѣвшихъ рукъ—эти созданія неумирающей творческой силы.

Первый томъ Трудовъ содержитъ въ себѣ описанія многихъ московскихъ церквей, причемъ описанія эти снабжены фотографическими снимками со старинныхъ иконъ и утвари, хранящихся въ описываемыхъ храмахъ. Такъ, при описаніи храма пр. Сергія въ Рогожской помѣщено XLVI таблицъ съ рисунками. Въ исторію той или другой церкви авторами вносятся иногда очень интересныя свѣдѣнія, знакомящія съ бытовыми особенностями древней Руси. Такъ, въ статьѣ св. Н. А. Скворцова о церкви Перукотвореннаго Образа Спасителя на Божедомѣ сообщается объ убогихъ домахъ начала 17 в., основанныхъ въ различныхъ частяхъ Москвы.

Интересный и довольно подробный очеркъ посвященъ храмамъ на Крутицахъ Успенскому и Крестовому. Резиденція Сарскихъ и Подонскихъ митрополитовъ, расположенная на крутомъ берегу Москвы рѣки (откуда и названіе Крутицы), съ начала 14 в. представляла собою

¹⁾ Общество любителей духовнаго просвѣщенія.

пунктъ, гдѣ кипѣла жизнь, благодаря живому участию Крутицкихъ митрополитовъ въ общественной жизни Москвы. Храмы украшались и привлекали богомольцевъ. Съ упраздненіемъ Крутицкой митрополіи началось запустѣніе этой прекрасной мѣстности, а въ настоящее время Крестовый храмъ, гдѣ находится усыпальница митрополитовъ, закрытъ и пустуетъ. На наружной сторонѣ этого храма на сѣверной сторонѣ вѣдана каменная плита съ слѣдующей надписью: «По узаконенному живыхъ и мертвыхъ Бога предѣлу представившійся азъ рабъ его Θεодоръ, почивая на семь мѣстъ мимоходящихъ умильно прошу оставленій грѣховъ моихъ ко Господу Богу помолитися и сподобить мя въ вѣчной нынѣ радости быти». Кто этотъ Θεодоръ—неизвѣстно, но въ началѣ 19 в. раскольники не разъ пытались доказать, что это могила дьякона Θεодора, и желали ее сдѣлать своей святыней, распространя слухи о чудесахъ, отъ нея совершающихся. Кромѣ московскихъ церковей описаны церкви нѣкоторыхъ подмосковныхъ селъ: Измайлова, Косино и др. Въ концѣ I т. помѣщенъ перечень литературныхъ новинокъ по описанію памятниковъ московской церковной старины.—III томъ главнымъ образомъ состоитъ изъ рисунковъ—снимковъ древнихъ иконъ (икона св. Сисинія и Марія—цѣлителей отъ трясавичаго недуга), крестовъ и утвари.

Заканчивается III т. указателемъ изданій журнальныхъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ по исторіи Москвы и Моск. губ., напечатанныхъ въ 1903 г. Изданные томы составлены очень тщательно и интересно. Къ сожалѣнію, ограниченное число экземпляровъ и высокая цѣна изданія (I т. 45 р; III—15) дѣлаютъ его рѣдкостью, доступною для пользованія лишь въ Публичной Библіотекѣ. Несмотря однако на это обстоятельство, Труды вышеуказанной коммисіи представляютъ собою цѣнный вкладъ въ современную научную литературу.

Е. Е.

М. Н. Хангаловъ. Балаганскій сборникъ.

Сказки, повѣрья и нѣкоторые обряды у сѣверныхъ бурятъ. Подъ редакціей Г. Н. Потанина. (Труды Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. V.) Томскъ 1903.

Труды М. Н. Хангалова, отличнаго знатока сѣверныхъ бурятъ, давно извѣстны въ этнографической литературѣ преимущественно по изданіямъ Восточно-сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва ¹⁾. Настоящій сборникъ содержитъ главнымъ образомъ обильные образцы сѣверно-бурятскаго фольклора—сказки, повѣрья и проч.—записанные М. Н. Хангаловымъ отъ бурятъ Угинскаго вѣдомства Балаганскаго уѣзда, Иркутской губерніи. Владѣя вполне бурятскимъ и русскимъ языкомъ, г. Хангаловъ въ своемъ

¹⁾ „Бурятскія сказки и повѣрья“ (Записки т. I, в. 1) Иркутскъ 1889; „Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ“ (т. I, в. 2); „Зэггэ-аба“, облава на зѣврей у древнихъ бурятъ. (Извѣстія Отдѣла т. XIX, в. 3); „Нѣсколько данныхъ для характеристики сѣверныхъ бурятъ“. (Этнограф. Обоз. 1891, кн. X).

русскомъ переводѣ сумѣлъ передать своеобразный характеръ бурятскаго разсказа съ его эпическимъ стилемъ, шаблонными картинками и выраженіями. Главное содержаніе сказокъ—богатырское: феноменальная борьба разныхъ богатырей съ врагами—людьми и чудовищами. Немалое мѣсто въ сказкахъ занимаетъ сказанье о знаменитомъ Гесэръ-ханѣ и преданія о Чингисъ-ханѣ. Буряты не утратили еще наивной вѣры въ возможность самыхъ фантастическихъ похощеній своихъ богатырей. По увѣренію собирателя (стр. 193), они считаютъ сказки за дѣйствительность; по ихъ мнѣнію, сказочные герои и богатыри когда-то дѣйствительно жили на землѣ. Эта наивная вѣра поддерживается и религіей, буддизмомъ, принесшимъ съ собою множество мотивовъ изъ классической страны сказки—Индіи. За бурятскихъ богатырей вступаются небесные духи, а отголоски священнаго писанія вырождаются въ какія-то волшебныя книги, изъ которыхъ богатыри, между прочимъ, вычитываютъ, гдѣ находятся душа (иногда три души) ихъ врага. Такъ, въ одной сказкѣ, тѣснимый врагомъ Абай-Тэхэръ-Богдо-ханъ призываетъ съ неба на помощь старшаго своего брата тэнгэрина Ами-Сахидака, и тотъ, спустившись съ неба, изъ «своего священнаго писанія» узнаетъ, что его истощенному борьбою брату остается жить только полтора часа (стр. 37). Въ другой—два бьющіеся богатыря, не одолевъ другъ друга, прерываютъ бой, берутъ другъ у друга «желтую книгу Заяншара-худоръ» и узнаютъ, что они братья (стр. 89—90). Священное писаніе можетъ служить даже орудіемъ въ борьбѣ: одинъ богатырь «материнскимъ желтымъ священнымъ писаніемъ» бьетъ по головѣ врага и обращаетъ его въ осла (стр. 7). Бурятскіе богатыри не только силачи, но и волшебники, превращающіе и себя, и другихъ въ разные предметы (серебряный рубль, осу, стр. 139). Въслѣдствіе вышнательства чаръ борьба получаетъ колоссальныя размѣры: она длится иногда три года и больше, и сопровождается разными чудесами. Такъ, разрубленный врагомъ на восемь частей Абай-Тэхэръ-Богдоханъ поднимается съ земли живымъ (разрубленные части сами собой соединились) и съ усмѣшкой говорить противнику: «Думаешь ли, что у мужчины нѣтъ столько волшебства и таинственной силы?» (стр. 34). У другого богатыря пронзившая его насквозь стрѣла вылетѣла наружу съ намотавшимися на нее сердцемъ и легкими. Тогда онъ схватилъ стрѣлу, «сердце съ легкими обратно вложилъ себѣ въ грудь на старое мѣсто, доставши изъ кармана красный, шелковый платокъ, потеръ имъ по ранѣ и вылѣчилъ ее совсѣмъ; стала грудь какъ прежде» (стр. 86). Богатыри борются также съ бабами, колдуньями и великаншами, при чемъ не знающая предѣловъ фантазія доводитъ все до колоссальныхъ размѣровъ. Три года бился одинъ богатырь (Алташ-Жоло-мѡргѡнъ) съ такой бабой, наконецъ повалялъ ее и распоролъ ей брюхо; «черезъ распоротое брюхо изънутри ея вышли во множествѣ звѣри, птицы и люди, ѣдущіе въ телегахъ, верхомъ на коняхъ и пѣшіе. Звѣри убѣжали въ лѣсъ, птицы улетѣли и люди разбѣжались въ разные стороны и говорятъ между собою: «я такого-то царя подданный!» «я въ такой-то мѣстности живу!» И всѣ они благодарятъ Алташ-

Жоло-мѡргѡна (стр. 141). Главный помощникъ бурятскаго богатыря — конь — отличается также чудесными свойствами. Вѡгъ какъ, напр., описывается бѣлый, бѣлоротый конь богатыря Ута-Саганъ-батара: «бѣлоротый быстрый бѣлый конь бѣжить рысью, а изъ его носа выходить дымъ; между ушами его козель и баранъ, бодаясь, играютъ; на шеѣ хорець и горностай, бѣгомъ-бѣгая, играютъ; на шеѣ передъ сѣдломъ разведенъ костерь; на костре повѣшенъ котелокъ, въ котелкѣ кипить вода, на крестцѣ растетъ большой кедръ, на кедрѣ гнѣздятся семьдесятъ разныхъ птицы; птицы поютъ и играютъ; на хвостѣ левъ и медвѣдь борются, играютъ; съ когтей заднихъ ногъ огненная лава течетъ и съ когтей переднихъ ногъ ключи текутъ, въ которыхъ рыбы харюзы играютъ. Ута-Саганъ-батаръ, сидя на конѣ, удитъ жирныхъ харюзей; варить въ котлѣ и ѣсть» (стр. 47).

Этихъ образчиковъ достаточно, чтобы дать нѣкоторое понятіе о характерѣ бурятскаго творчества, наложившаго свою печать на разные бродячіе сказочные сюжеты. Въ видѣ эпизодовъ бурятскихъ богатырскихъ сказаній встрѣчаются широко-распространенныя сказки, напр., формулы Амираана-Зохака (стр. 19), царевны-ягюшки (стр. 76), волшебницы превращающія людей въ животныхъ (131), о завладѣніи земель, посредствомъ бычьей шкуры. Последняя «всесірная» сказка ¹⁾, приуроченная, какъ обычно, къ столкновенію двухъ народностей, заслуживаетъ быть переданной дословно. Она называется въ сборникѣ «Гора Мѡнгѡтѡ-ула» (стр. 186). «Угинскіе буряты рассказываютъ: когда въ первый разъ проводили границу между русскимъ и китайскимъ государствами, со стороны Россіи былъ такъ называемый бурятами Гунъ-Сава ²⁾, а со стороны китайцевъ Сэсэнь-уганъ ³⁾. Когда провелъ границу, гора Мѡнгѡтѡ-ула (по-русски «серебряная гора») осталась за русскимъ государствомъ. Сэсэнь-уганъ, желая взять гору Мѡнгѡтѡ-ула себѣ, придумалъ обмануть Гунъ-Саву. Онъ спросилъ Гунъ-Саву отдать ему участокъ земли величиною съ кожу быка; Гунъ-Сава, не подозрѣвая хитрости, согласился. Тогда Сэсэнь-уганъ выбралъ самую большую кожу быка, разрѣзалъ ее на тонкіе ремни и обтянулъ ими всю гору Мѡнгѡтѡ-ула; вслѣдствіе этого гора Мѡнгѡтѡ-ула отошла въ китайскую землю. Гора эта должна бы отойти къ русской землѣ, такъ какъ, по преданію, на ней явилась печать русскаго государства; китайцы вытесываютъ гору, чтобы снять печать, но печать снова является». Если въ этомъ преданіи хитрость Дидоны приписана китайцамъ и обманутой стороною являются русскіе, то (замѣтимъ кстати) и русскіе не обижены въ исторіи приуроченія этой сказки къ междоусобицѣмъ столкновеніямъ. Въ одной версіи, записанной у зырянъ Шѣгреномъ, русскіе посредствомъ того же приѣма приобрѣли отъ туземцевъ мѣсто, на которомъ построили Москву, что будто бы видно и изъ названія Москвы мѡс (по-

¹⁾ См. мою статью: Всесірная сказка въ культурно-историческомъ освѣщеніи. Русская мысль 1893 г. кн. XI.

²⁾ Графъ Савва Рагузинскій.

³⁾ Вероятно, монгольскій Цэцэнъ-хашъ.

зырянски значить «корова, а ку—шкура»). Такъ какъ прикрѣпленіе сказки нерѣдко основывается на народной этимологіи названій мѣстностей, городовъ и проч., интересно бы знать точное значеніе имени горы «Монготъ-уга».

Сношенія бурятъ съ русскими отражаются въ нѣкоторыхъ преданіяхъ. «Русскій Богъ» св. Никола извѣстенъ бурятамъ подъ именемъ Никола-бурханъ. Онъ научилъ людей жать хлѣбъ серпомъ, тогда какъ ранѣе люди вырывали хлѣбъ съ корнемъ и перевязывали снопы волосяными веревками (стр. 186—187). Кромѣ богатырскихъ сказокъ, сборникъ содержитъ много интересныхъ преданій, повѣрій объ атмосферическихъ явленіяхъ, мірозданіи, звѣряхъ, птицахъ, рыбахъ, насекомыхъ, растеніяхъ, вѣнѣ, домашнемъ скотѣ, душѣ, покойникахъ, сновидѣніяхъ, людоедахъ и проч. Глубокой стариной вѣетъ, напр., отъ преданія о человѣкѣ-рыбѣ (хүн загахан): «Въ морѣ есть человѣкъ-рыба, у которой передняя половина тѣла рыбы, задняя половина человѣчья. Увидѣвъ человѣка, эта рыба высовываетъ изъ воды голову и кричитъ по-человѣчески, а потомъ опять уходитъ въ воду» (стр. 215). При всей краткости разсказа, можно думать, что человѣкъ-рыба существо мифическое, расположенное къ людямъ. По древнему халдейскому преданію, сообщаемому Беросомъ, изъ водъ Чермнаго моря выходятъ человѣкъ-рыба Оаннесъ къ людямъ и научалъ ихъ всему полезному для культуры. Ассириологи видятъ въ беросовомъ Оаннесѣ древне-вавилонскаго морскаго бога Эа-ханъ (Эа-рыба), представителя водяного начала и мудрости. Человѣкъ-рыба хорошо извѣстенъ въ скульптурныхъ изображеніяхъ ассирійцевъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что цѣнность «балаганскаго сборника» г. Хангалова увеличивается примѣчаніями (стр. 255—277), которыми снабдилъ его извѣстный знатокъ и изслѣдователь ордннскаго фольклора Г. Н. Потанинъ, указывающій интересные параллели бурятскимъ сказкамъ въ славянскомъ сказаніи о Вавилонскомъ царствѣ, въ русской сказкѣ о Боримѣ и во многихъ другихъ восточныхъ и западныхъ сказаніяхъ.

Вс. М.

М. Г. Халанскій. Матеріалы и замѣтки по исторіи древне-русскаго героическаго эпоса. I. Сказаніе о взятіи в. кн. Ольгой Царя-града. II. Плъчъ в. кн. Юрія Всеволодовича († 1238). (Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ 1903 г. Т. VIII, кн. 2-я).

Привода отрывки изъ двухъ лѣтописныхъ сборниковъ XVII в., авторъ выражаетъ надежду построить мостъ между старо-ніевскимъ героическимъ эпосомъ (отразившимся въ Повѣсти временныхъ лѣтъ) и былинами. Отмѣчая въ памятникахъ XV—XVII вв. особенныя комбинаціи именъ и мотивовъ стараго эпоса, г. Халанскій старается увидѣть въ этихъ комбинаціяхъ посредствующія звенья, связывающія современные записи былинъ съ ихъ источниками, отразившимися въ ста-

рой кievской лѣтописи. Но вопросъ въ томъ, насколько можно видѣть въ сказаніяхъ лѣтописи XVII в. отраженіе народнаго поэтическаго творчества?

Сказаніе о взятіи Царьграда авторъ приводитъ по двумъ лѣтописнымъ сборникамъ XVII в. Въ немъ не находится ни одной новой черты сравнительно съ Повѣстью временныхъ лѣтъ. Все сказаніе представляетъ собою чистую компиляцію книжника, сдѣланную на основаніи старыхъ сказаній: 1) о взятіи Царьграда Олегомъ (уговоръ относительно русской торговли въ Царьградѣ), 2) о взятіи Искоростени Ольгой (дань по три голубя и по три воробья), 3) объ испытаніи вѣръ (великолѣпіе греческаго служенія) и 4) о крещеніи Ольги. Конечно, для исторіи русскихъ былинъ это сказаніе ничего не даетъ, и если оно и представляетъ интересъ, то—лишь для характеристики лѣтописныхъ компиляцій, составившихся въ XVI—XVII вв. въ московской области, чуждой старо-кievскимъ преданіямъ. Можеть быть поставленъ вопросъ о причинахъ, заставившихъ лѣтописца неестественно комбинировать старыя сказанія, но источникъ этихъ комбинацій—налицо.

Преувеличиваетъ авторъ и значеніе плача Юрія Всеволодовича, называя этотъ плачъ «замѣчательнымъ памятникомъ русской лирики XIV или XV в.» (стр. 175). Весь плачъ содержится въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Камо зайде свѣтъ очю моею, гдѣ отошли есте, сокровище живота моего, цвѣтъ мой прекрасный?.. Кому приказываете меня? Солнце мое драгое, мѣсяцъ мой прекрасный, почто рано зашли есте? Гдѣ, господіе, честь и слава ваша? Многимъ землямъ государи были есте, а нынѣ лежите на земли пусте, и зракъ лица вашего изменися! Не слышасте ли, господіе, словесъ моихъ бѣдныхъ? О земле, земле, о дубравы, дубравы! вси плачите со мною!» И здѣсь трудно отыскать народно-поэтическій элементъ. Высокопарное обращеніе къ землѣ и дубравамъ свидѣлствуетъ, что этотъ плачъ представляетъ собою довольно позднюю вставку, сдѣланную какимъ-нибудь книжникомъ, въ известную въ болѣе старыхъ лѣтописяхъ «Повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань».

А. Марковъ.

В. Нарбеновъ. Южнорусское религіозное искусство XVII—XVIII вв. Казань. 1903 г.

Религіозное искусство на Руси получило права гражданства раньше свѣтскаго и долгое время оно одно служило художественнымъ стремленіямъ русскаго народа. Представляя собою вѣтвь византійскаго, русское искусство подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и индивидуальнаго (хотя довольно слабо выраженнаго) творчества пріобрѣтало свои особенности и стало отклоняться отъ своего образца.

На Руси религіозное искусство процвѣтало тамъ, гдѣ сосредоточивалась общественная жизнь, т. е. въ крупныхъ городахъ, постоянно

украшаемых святыми храмами. Съ 17 в. начинается заселение такъ наз. Половецкой степи (нынѣ между прочимъ Харьковская губ.) казаками черкасами и русскими выходцами. Разселиясь на новыхъ мѣстахъ, пришельцы создаютъ храмы и украшаютъ ихъ—религіозное искусство развивается и въ своемъ развитіи подпадаетъ подъ вліяніе западно-европейское, вслѣдствіе чего отливается въ нныя формы, нежели тѣ, которыя уже существовали въ это время на сѣверѣ Руси.

Авторъ вышепоименованной книги представилъ въ своемъ трудѣ перечень тѣхъ памятниковъ южнорусскаго религіознаго искусства, которые были собраны на выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 году и которые могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для исторіи русскаго религіознаго искусства. Описывая иконы со стороны ихъ содержанія и исполненія авторъ отмѣчаетъ вліяніе на нихъ Западной Европы, вліяніе иногда очень ярко выраженное. Нѣкоторыя иконы близки итальянской живописи 14 и 15 вв., именно картинамъ Перуджино, другія живо напоминаютъ живопись испанскую (Мурильо), наконецъ третьи представляютъ собою копировку пѣмецкихъ картинъ 16 в. Вліяніе Западной Европы на русское религіозное искусство проявилось не только въ простомъ копированіи чуждыхъ образцовъ, но и въ томъ, что пріемы художниковъ приобрѣли большую свободу, композиціи ихъ стали болѣе разнообразными и смѣлыми.

Кромѣ вліянія западно-европейскаго, авторъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ 18 в. художники Петербургской Академіи Художествъ замѣтно повліяли на направленіе южнорусской религіозной живописи, и сравниваетъ нѣкоторыя иконы по техникѣ съ картинами нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ-академистовъ. Затѣмъ авторъ указываетъ на нѣкоторыя особенности описываемыхъ иконъ—результатъ вкуса мѣстныхъ художниковъ—это золотой или гладкій рельефный фонъ, или украшенный цвѣточнымъ орнаментомъ, тщательно выписанныя детали, яркое сочетаніе цвѣтовъ, типы лицъ византійскіе, смягченные западнымъ вліяніемъ. Авторъ довольно подробно останавливается на иконахъ, стараясь выяснитъ ихъ генетическую связь съ западнымъ художествомъ, затѣмъ переходитъ къ описанію образцовъ рѣзбы, шитья золотомъ, архитектуры, однимъ словомъ даетъ довольно обстоятельно составленный сборникъ матеріала для исторіи южнорусскаго искусства, снабдивъ его нѣкоторыми выводами, на основаніи представленныхъ данныхъ. Благодаря тщательному описанію матеріала книга В. Нарбекова представляетъ собою цѣнное подспорье для занимающихся русскимъ искусствомъ, да и каждымъ, интересующимся этимъ вопросомъ, прочтется не безъ пользы.

Е. Е.

Труды Троицкосавско-Няхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. т. VI, выпускъ II. СПб. 1904 г., стр. 145.

Въ недавнемъ отчетѣ о предыдущемъ выпускѣ «Трудовъ» Кяхтинскаго отдѣленія (см. «Этн. Обзоръ» 1904 г. № 2) мы говорили объ интересномъ собраніи бурятскихъ легендъ и сказокъ, печатаемыхъ Я. С. Смолевымъ. Г. Смолевъ продолжаетъ печатаніе своихъ матеріаловъ, и во II выпускѣ VI тома помѣстилъ «Сказаніе о Бигармацзиди-ханѣ». Бигармацзиди-ханъ (иначе Багармацзиди, Бикармичжиди, Бэгэръ-Меджитъ = санскр. *Vikramaditya*)—очень популяренъ въ сказаніяхъ монголовъ и бурятъ. Впрочемъ, сказанія о немъ чаще носятъ имя другого персонажа, тѣсно связавшаго свою сказочную исторію съ именемъ Бигармацзиди: Арджи-Бурджи.

Въ сказаніи, записанномъ г. Смолевымъ, очень мало отступленій отъ извѣстныхъ уже записей, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ значительный интересъ, такъ какъ прежнія изданія, заключавшія въ себѣ это сказаніе, представляютъ теперь библиографическую рѣдкость. Таковъ, напримѣръ, оттискъ изъ 1-го номера журнала «Общезанимательный Вѣстникъ» за 1858 г., гдѣ помѣщено сказаніе объ Арджи-Бурджи въ переводѣ Г. Гомбоева. Этимъ переводомъ, а также переводомъ Jülg'a на нѣмецкій языкъ пользовался академикъ А. Н. Веселовскій въ «Славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ». Въ 1903 г., въ XV томѣ Записокъ Вост. Отд. Императ. Русскаго Археологич. Общества, А. Д. Рудневъ помѣстилъ замѣтку: «Три сборника разказовъ о Бикармичжидѣ», но въ этой замѣткѣ авторъ предполагаетъ извѣстнымъ содержаніе сказанія объ Арджи-Бурджи.

Эти редакціонныя библиографическія примѣчанія къ записи г. Смолева мы позволимъ себѣ дополнить, указавъ на то, что сказаніемъ объ Арджи-Бурджи широко пользовался Г. Н. Потанинъ въ своемъ трудѣ «Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ», гдѣ оно введено въ кругъ восточнаго и европейскаго фольклора: Аржэ-Буржэ-ханъ встрѣчается еще въ сказаніи о «Шоно-баторѣ» (см. «Сказанія бурятъ», записанныя разными собирателями), Записки Вост.-сибирскаго отдѣла И. Р. Г. О. по этнографіи, т. I, вып. 2., Иркутскъ, 1890).

Н. М.—нз.

Пругавинъ А. С. Религіозные отщепенцы (очерки современнаго сектантства). Вып. I и II. СПб. Изд. Т-ва «Общественная Польза» 1904 г.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ извѣстный своими работами по расколу авторъ соединилъ въ 2-хъ выпускахъ свои статьи, которыя помѣщались имъ въ 80-хъ годахъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, статьи, касающіяся различныхъ сектъ, возникающихъ среди русскаго народа подъ вліяніемъ психологическихъ, общественныхъ, бытовыхъ и этнографическихъ причинъ.—Секты эти (целомыслики, медальщики, бѣлоризцы, сютаевцы и др.) рачіоналистическія, нѣкоторые изъ нихъ весьма не многочисленныя и сущность ихъ сводится главнымъ образомъ

къ исканію или созданію такихъ условій жизни, которыя способствовали бы развитію среди людей любви и мира.

Авторъ при составленіи своихъ очерковъ руководился свѣдѣніями, частью лично собранными, частью извлеченными изъ мѣстныхъ архивовъ и изъ литературы предмета. Свѣдѣнія эти въ большинствѣ случаевъ были скудны и поверхностны, откуда краткость и неясность очерковъ. Но, несмотря на это обстоятельство, работа г-на Пругавина представляетъ интересъ не только для людей, изучающихъ расколъ, но и для каждаго, кто желалъ бы познакомиться съ современнымъ состояніемъ духовной жизни русскаго народа, съ запросами, поднимающимися у него въ душѣ, и мыслями, занимающими его сознание.

Е. Е.

Мих. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ (изъ десятилѣтію со дня кончины). Съ 8 иллюстр. и введениемъ Н. И. Попова. Изданіе редакціи газеты «Восточное Обозрѣніе». Спб. 1904. Стр. 219+XIV.

7 іюля 1904 г. исполнилось десять лѣтъ со дня безвременной кончины Н. М. Ядринцева. Редакція «Восточнаго Обозрѣнія», храня признательную память объ основателѣ и первомъ редакторѣ этого изданія, рѣшила ознаменовать десятилѣтіе его смерти изданіемъ біографическаго очерка, поручивъ составленіе его В. К. Лемке и опредѣливъ чистую прибыль отъ изданія на образованіе фонда при одномъ изъ просвѣдительныхъ обществъ г. Иркутска для устройства школы имени Ядринцева въ какомъ-нибудь инородческомъ селеніи.

Благодаря такимъ добрымъ побужденіямъ, появился очеркъ г. Лемке.

Работа г. Лемке — именно очеркъ, легкій абрисъ оригинальной и сильной личности покойнаго Н. М. Ядринцева. Кто-то называлъ его однажды сибирскимъ Ломоносовымъ, и въ этихъ словахъ большая доля истины. Одаренный крупнымъ литературнымъ талантомъ, силой большого нервнаго подъема, выдающейся работоспособностью, рѣдкимъ образованіемъ, — Ядринцевъ остался навсегда въ исторіи Сибири, какъ публицистъ, поэтъ, археологъ, этнографъ, статистъ... Охватить вполне всѣ стороны этой замѣчательной личности — дѣло очень нелегкое. Какая, напримѣръ, трудная (и вмѣстѣ благодарная!) задача — выяснить зарожденіе и развитіе у Ядринцева идеи областничества, которая дала тонъ его дѣятельности во всемъ ее громадномъ объемѣ. Въ очеркѣ г. Лемке рѣшеніе этой задачи лишь намѣчено.

Дѣлая это замѣчаніе и вообще указывая на то, что работа г. Лемке представляетъ лишь легкій очеркъ біографіи Ядринцева, мы далеки отъ мысли дѣлать какіе-либо упреки автору біографіи или, тѣмъ болѣе, ея издателю. Мы не можемъ этого сдѣлать хотя бы потому, что въ распоряженіи г. Лемке было сравнительно мало біографическихъ матеріаловъ, а на призывъ редакціи «Восточнаго Обозрѣнія» — подѣлиться письмами Ядринцева, воспоминаніями о немъ, откликнулись очень и очень

немногіе. Къ тому же архивъ Ядринцева еще не разработанъ, а г. Лемке не могъ имъ пользоваться, такъ какъ архивъ находится не въ распоряженіи редакціи «Восточнаго Обозрѣнія». Наконецъ, полнотѣ біографіи помѣшало и то обстоятельство, что многія замѣтки и матеріалы какъ самого Ядринцева, такъ и лицъ къ нему близкихъ, не могутъ быть опубликованы въ настоящее время: для дѣятелей русскаго просвѣщенія и науки «исторія» наступаетъ обыкновенно съ значительнымъ запозданіемъ.

Сдѣлавъ эти оговорки, объясняющія эскизный характеръ работы г. Лемке, мы должны признать, что составленная имъ біографія Н. М. Ядринцева заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ интересующихся личностью покойнаго. Г. Лемке съ достаточной полнотой исчерпалъ всѣ имѣвшіеся у него печатные матеріалы, а рукописи Ядринцева, бывшія въ распоряженіи редакціи «Восточнаго Обозрѣнія», и письма, которыми подѣлились съ г. Лемке нѣкоторые частныя лица, вносятъ кое-что совсѣмъ новое для характеристики Ядринцева. Несомнѣнно и то, что при всей своей эскизности, книга г. Лемке значительно облегчитъ работу будущаго біографа Н. М. Ядринцева. Кстати сказать, намъ извѣстно, что лицами, близкими къ покойному Н. М. Ядринцеву и хранящими главные матеріалы для его біографіи, почти тотчасъ послѣ его смерти задумано ея составленіе. Надо надѣяться, что миновавшее десятилѣтіе со дня смерти Н. М. Ядринцева ускоритъ появленіе задуманной біографіи, основанной на обширныхъ и цѣнныхъ матеріалахъ, оставшихся недоступными г. Лемке... Пока же нельзя не приветствовать отъ души изданія редакціи «Восточнаго Обозрѣнія»: большая заслуга напоминать о такихъ людяхъ, какъ Ядринцевъ, обществу, забывчивому и часто равнодушному.

Н. М—нъ.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

„Восточное Обозрѣніе“—1904 г. № 129. „Нохорь“ (другъ)—очеркъ изъ бурятской жизни, А. И. Д. Прекрасно написанный очеркъ вводитъ въ психологію старика-бурята, не мирищагося съ новымъ укладомъ жизни, созданнымъ подъ русскимъ вліяніемъ. Этнографическое значеніе очерка увеличивается хорошо переданнымъ русско-бурятскимъ жаргономъ. — Корреспонденція съ понызовья Колыма, М. С. Рѣчь идетъ о правовомъ положеніи чукчей и ламутовъ. Приводятся рядъ юридическихъ дѣлъ, очень запутанныхъ, благодаря тому, что ламуты уже вошли въ сферу дѣйствія русскаго уголовного закона, а чукчи судятся по обычному праву и суду русскому подлежатъ только въ случаяхъ убійствъ, совершенныхъ ими въ предѣлахъ своего постоянного жительства. — 132. Въ корреспонденціи изъ Красноярска сообщается о двухъ предполагаемыхъ экспедиціяхъ въ Туруханскій край. Одна изъ нихъ займется собираніемъ и этнографическихъ свѣдѣній. — 146. *Таежные рассказы*. Старикъ-звѣроловъ передаетъ между прочимъ рассказъ о лѣсовикѣ слѣдующаго содержанія. Съ нимовья охотника гнѣхъ нѣсколько разъ сносилъ крышу. Охотникъ „считалъ, что это лѣсовикъ гадитъ“, и однажды, когда лѣсовикъ, „обернувшись вихремъ“, несся на избу, выстрѣлилъ въ него. Въ лѣсу раздался крикъ, а на утро передъ охотникомъ явился лѣсовикъ: „на человѣка похожъ, только большій: съ лѣснубудетъ“. По требованію великана, охотникъ идетъ „на совѣтъ“ лѣсовиковъ. Оказывается, охотникъ вчера отстрѣлилъ палецъ у одного лѣсовика. „Вашъ товарищъ мнѣ крышу портилъ, я въ него и выстрѣлилъ“, отвѣчаетъ охотникъ. „Совѣтъ“ рѣшаетъ такъ: избу охотника снести, какъ стоящую на дорогѣ, по которой ходитъ лѣсовикъ, а въ видѣ вознагражденія выдать охотнику столько золота, сколько онъ унесетъ. Жена лѣсовика, похожая на обыкновенную бабу („краденая, должна быть“), учитъ охотника не брать золота, а взять углей. Жадный мужикъ не исполнилъ совѣта лѣсовики и остался въ накладе: зимовье снесено, а золото превратилось въ угли. — 171. Въ корреспонденціи изъ Кондуя (Забайкалье) подробно описывается мѣстное овцеводство. Приведено много мѣстныхъ техническихъ терминовъ. — 175. Перепечатка изъ „Новостей“ статьи г. Соломина о дѣятельности католическихъ миссіонеровъ въ Тибетѣ. Приведены параллели между христіанскимъ и буддѣйскимъ вѣроученіями. — 180. Въ корреспонденціи изъ Перчинска сообщается о слѣдующихъ обычаяхъ: чтобы остановить градъ, выставляютъ на улицу чугунный горшокъ, покрытый сковородкой; для той же цѣли ставятъ въ снѣгахъ за дверьми метлы. 184. Китайцы на Амурѣ, какъ торговцы и рабочіе. А. Тейковца. Въ корреспонд. изъ села Базаровки (Иркутской губ.) рассказывается слѣдующее о „порчѣ“ посредствомъ „хомута“. Дѣлается кольцо изъ конскаго волоса, обвивается суровой ниткой и съ наговоромъ бросается подъ ворота того лица, которому хотѣтъ повредить; человѣкъ или скотина, перешагнувшая подброшенное кольцо), получаетъ „хомутъ“; заболѣвшій хомутомъ падаетъ въ припадѣкъ, а на томъ мѣстѣ, на которое попалъ хомутъ, появляется опухоль. Отъ хомута лѣчатъ особымъ знахарикъ; дѣло ограничивается тѣмъ, что на больного накладываютъ хомутъ, снятый съ вспотѣвшаго коня. — 186. Въ корреспонденціи съ Алтая сообщается о любопытномъ движеніи среди „монголовъ“. Алтайскій инородецъ (или монголъ, татаринъ, — какъ они извѣстны больше среди живущихъ здѣсь

русскихъ), по имени Четь, прибывшій недавно изъ китайской Монголіи, началъ пропагандировать среди своихъ сородичей-шаманистовъ новые религіозные взгляды. Четь проповѣдовалъ уничтоженіе старыхъ религіозныхъ обычаевъ и порядковъ (но не только ихъ, какъ увидимъ дальше), последователямъ своимъ (въ приказывавъ уничтожать все предметы, имѣвшіе прежде какое-либо религіозное значеніе,—какъ-то, божковъ, бубны, служившіе при камлаваніи и проч., и вмѣсто этого вводилъ особый культъ, состоявшій въ привязываніи къ березѣ бѣлыхъ тряпочекъ и окропленіи ихъ молокомъ, произнося при этомъ какія-то прошенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Четь требовалъ, чтобы его послѣдователи не носили русскаго платья, отказались отъ всякаго обращенія съ русскими (и тѣ, которые уже приняли православную вѣру, поскорѣ отказались бы отъ нея), не употребляли бы русскихъ денегъ, словомъ—постарались бы стать по отношенію къ русскимъ въ совершенно независимыя условія, такъ какъ „у васъ-де все равно скоро будетъ другой владыка,—неАлпашъ-ханъ, а Япо-наханъ, „который скоро-де явится къ намъ и прогонитъ русскихъ“.

Дѣйствія этого пропагандиста не ограничились тѣмъ участкомъ, гдѣ онъ жилъ (Кырлыкъ, недалеко отъ Усть-Кана), но онъ разсматривалъ еще гопцовъ и по окрестностямъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствовали въ его пользу довольно успѣшно.

Четь въ качествѣ проповѣдника оставался недолго; скоро онъ сталъ во главѣ той религіи, которую пропагандировалъ, сказавъ, что онъ-то и есть тотъ богъ, которому моголы должны поклоняться въ приведенныхъ выше вышнихъ формахъ; по и въ этой новой роли Четь оставался также недолгое время, въ концѣ-концовъ онъ объявилъ, что онъ также и царь. Въ число проселитовъ попали инородцы не только шаманисты, но также нѣкоторая часть православныхъ, хотя можетъ быть, и противъ своей воли, такъ какъ многихъ, не желавшихъ примкнуть къ этому движенію, Четь жестоко наказывалъ. Около этого бога-царя собралось до четырехъ тысячъ послѣдователей. Они были разогнаны русской властью, а самъ Четь съ женою, дочерью и съ 30 горячими сторонниками былъ арестованъ и отправленъ въ Томскъ.—197. Изъ бумагъ сибирскаго потрiота. Приведена негалапечатанная до сихъ поръ статья *Н. М. Ярицкаго* „Буддизмъ, какъ религія несчастья“.—210. Перепечатка изъ „Царипыискаго Вѣстника“ сообщаетъ о старинномъ приволжскомъ обычаѣ наказывать невѣрную жену, надѣвая на нее хомутъ, опутывая талью вожжами и гоняя ее въ такомъ видѣ по улицѣ. При этомъ женщина должна быть въ одной сорочкѣ, престоюшая и съ расплетенной косой.

Естествознаніе и Географія. Подъ ред. *М. П. Варавы*. 1904. 5. *Романовскій, В.* Сванетія и сванеты. Очеркъ составленъ по слѣд. соч.—*Янъ:* Стояновъ—„Путешествіе по Сванетіи“ (X кв. Запис. Кавк. Отд. И. Р. Г. О.), Долгушинъ—„Черезъ Сванетію къ Эльбурсу“ (Сборникъ мат. для опис. м. и пл. Кавказа. вып. XXVIII), *кн. Эристовъ*—„Записки о Сванетіи“.—7 и 8. *Шульце Францъ*, Исторія развитія родоплеменнаго. Перев. *Е. С.*—7. *Th.* Городское и сельское населеніе въ С.-Ам. Соед. Штатахъ. (Статист. свѣдѣнія).—8. Смѣсь: Пять важнѣйшихъ положеній антропогеографіи (По д-ру Шенне въ „*Päd.*“ Bl. für Lehrerberufe, 1903, Mai).

Землеводствѣ. Периодическое изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. Подъ ред. *Д. Н. Анучина*. 1904 г. кн. I—II. *Адлеръ, Б.* Музей этнографіи и антропологіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Авторъ даетъ краткій очеркъ исторіи развитія музея изъ петровской „кунсткамеры“, при чемъ попутно указываетъ на многія поступившія въ музей коллекціи.—А., Д. Литература по Японіи. Помѣщенъ длинный списокъ названій. (См. „Этн. Обозр.“ 1904, № 2, стр. 203—206).—Географія и соприкасающіяся съ ней науки въ вѣмечкахъ высшихъ учебныхъ заведеній въ лѣтній семестръ 1904 г. Данъ очеркъ курсовъ, которыми представлена географія въ большей части вѣмечекъ университетовъ и въ нѣсколькихъ техническихъ школахъ. Нѣкоторые имѣютъ непосредственное или ближайшее отношеніе къ этнографіи, какъ напр.: 1) въ Берлинѣ—

Sieglin: Географія Италиі и важн. провинціи римской имперіи, *Oncken*: Нѣмецкая колонизація на востоѣ въ 12 и 13 вѣкахъ, *Streck*: Передняя Азія и клинообразныя надписи, *v. Luschan*: Народовѣдѣніе Океаніи, *v. d. Steinen*: Полинезійская міеологія, *Ею же*: Этн. упражненія въ этн. музеѣ, *Seler*: Исторія старыя и завоеванія Мексики, *Ею же*: Религія мексиканцевъ, *Ehrenreich*: Исторія первоб. культуры (эрологія—орудіе, орудіе, посуда) съ демонстраціями въ этн. музеѣ, *Vierkand*: Психологія народовъ, *Vascha*: Исторія и географія Персіи, *Lange*: Религія японцевъ, *Velten*: Географія восточной герм. Африки, *Lippert*: Географія Судана, *Ею же*: Герм. зап.-африк. колоніи; 2) во Фрейбургѣ—*Neumann*: Общая антропологія, *Grusze*: Этнологическія упражненія; 3) въ Геттингенѣ—*H. Wagner*: Общая антропологія; 4) въ Галле—*Herzberg*: Географія Италиі въ древности; 5) въ Кенигсбергѣ—*Krauske*: Истор. географія Германіи; 6) въ Марбургѣ—*Niere*: Истор. географія древней Греціи, *Dreiermann*: Первоб. исторія человѣка; 7) въ Лейпцигѣ—*Ratzel*: Пространство и время въ исторіи земли и народовъ, *Weule*: Введеніе въ изученіе народовѣдѣнія, *Ею же*: Этнографія Океаніи; 8) въ Мюнхенѣ—*Ranker*: Курсъ антропологіи и антропологіи, психологіи; 9) въ Тюбингенѣ—*Koken*: Происхожденіе и первобыт. исторія человѣка; 10) въ Вьенѣ—*Hoernes*: Антропологія съ введеніемъ въ первоб. исторію человѣка, *Haberland*: Этнографія Старого Свѣта; 11) въ Нисбрукѣ—*v. Wieser*: Путешествія Марко Поло; 12) въ Бернѣ—*Brückner*: Страна и народовѣдѣніе Азіи, *Ею же*: Народовѣдѣніе, *Brunnhöfer*: Историко-географическое изложеніе и критика путешествій Геродота; 13) въ Цюрихѣ—*Stoll*: Общ. этнологія, *Ею же*: Страновѣдѣніе Австраліи и Полинезіи, *Ею же*: Страновѣдѣніе Сѣв. и Сред. Америки, *Martin*: Введеніе въ общ. антропологію, *Frey*: Основы антропологіи и друг.—Въ „Протоколахъ“ Геогр. Отдѣленія И. О. Л. Е. А. и Э. перечислены доклады, сдѣланные на засѣданіяхъ отдѣленія; изъ нихъ нѣкоторые имѣютъ отношеніе къ этнографіи., а именно *Д. Н. Анучинъ*—О Мангазѣ и мангазейской землѣ, *А. М. Остроузовъ*—Изъ поѣздки въ сѣв.-зап. Монголію: Урянхайцы и ихъ страна, *М. К. Барсовъ*—О природѣ и населеніи горнаго Алтая, *А. В. Андриановъ*—О доисторическихъ могилахъ Минусинскаго края. Приложение: По Азіатской „Европейской Турніи“. Изъ книги Gugo Grothe: „Auf turkischer Erde“) Перев. О. Романовой, подъ ред. С. Григорьева. Съ рисунками. (Не оконч.).

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1904. Янв. С. П. *Розановъ*. Замѣтки по вопросу о русскихъ хронографахъ. Авторъ примыкаетъ къ мнѣнію ака. Шахматова о происхожденіи хронографа (составленъ въ Россіи южными славяниномъ), подкрѣпляя этотъ взглядъ подробнымъ разборомъ болѣе поздняго мнѣнія ака. А. И. Соболевскаго. Въ дальнѣйшемъ авторъ излагаетъ нѣкоторые собственныя замѣтки по вопросу объ источникахъ хронографа.—*В. И. Ламанскій*. Славянское житіе св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. XXIV—XXV (первыя главы въ Ж. М. Н. Пр. 1903 г., см. „Этп. Об.“ кн. LX). Въ основу изслѣдованія авторъ кладетъ тотъ взглядъ, что „Житіе“ не простая лѣтопись или вѣрная записъ всего слышаннаго отъ близкаго человѣка и отчасти очевидца, а прежде всего литературное, религіозно-эпическое произведеніе, частью сотканное изъ узоровъ собственнаго измышленія автора на канвѣ пѣсоклькихъ изъ слышанныхъ имъ фактовъ историческихъ и лишь въ концѣ своемъ основанное на личныхъ воспоминаніяхъ автора и вообще болѣе или мевѣ точныхъ свѣдѣнійхъ; дошло оно до насъ въ спискахъ, не болѣе раннихъ, чѣмъ второй половины XV вѣка. Изъ сравненія житія съ другими источниками авторъ выводитъ, что Кириллъ и Меѳодій были посланы патріархомъ Фотіемъ къ Русь славянскую въ 861 г. при Аскольдѣ и Дирѣ; это именно надо понимать подъ хазарской миссіей (Gardhagiki-Хазаріи или Газара). Въ это время Константинъ Философъ привезъ съ собою славянскія книги и письмена. Результатомъ этой проповѣди въ землѣ полянъ было основаніе христіанской общины, появленіе славянскаго богослуженія и слав. грамоты, сохраненіе до позднихъ временъ и во многихъ спискахъ исключительно у насъ бесѣды и наставленія Констан-

тина Философа, или даже Кирилла Философа, или просто Философа. Эта бесѣда редакторомъ нашего лѣтописнаго свода была внесена въ нашу первоначальную лѣтопись и приписана неизвѣстному философу греку, современнику кн. Владимира. Владимирово крещеніе смѣшивается съ первымъ крещеніемъ (861 г.) и миссіонеру греческому у Владимира приписывается то, что входило въ первоначальный текстъ житія Константина, при разсказѣ объ его хазарской (т. е. русской) миссіи, и что въ дошедшемъ до насъ текстѣ житія именно и отсутствуетъ.—*Н. Н. Смирновъ*. Окончаніе подробнѣйшаго разсмотрѣнія матеріаловъ, представляемыхъ тт. I—XVIII болгарскаго изданія „Сборникъ за народни умотворения, пауки и книжнина“. (см. дек. „Ж. М. Н. Пр. 1903 г.)—*И. Толстой*, гр. Куальтъ Аполлона на Воспорѣ и въ Ольвіи.—*Февр. В. М. Истринъ*. Изъ области древне-русской литературы. IV. Эта глава посвящена вопросу о редакціяхъ Толковой Полеи.—*И. Н. Соловейчикъ*. О значеніи загадочныхъ словъ „Мани, Океаль, Фаресь“ въ книгѣ Даниила. Разобравъ и отвергнувъ различныя гипотезы для объясненія этихъ словъ, авторъ присоединяется къ мнѣнію *Ch. Clermont—Ganneau* съ небольшою поправкою; загадочныя слова означаютъ: „мина всѣхъ два еараса“, толкованіе же Данииломъ этой простой фразы, которую не могли прочесть халдейскіе мудрецы, основано исключительно на аллитераціи, параномасіи и игрѣ словъ, что свойственно восточному вкусу.—*А. Н. Веселовскій*. Къ вопросу о родинѣ легенды о св. Граалѣ. Эта статья является продолженіемъ прежнихъ работъ академика о св. Граалѣ; здѣсь онъ сближаетъ легенду западную съ вѣионской легендой о сынѣ Соломона и царицѣ Савской.—Отчетъ о книгахъ: 1) *Труды Владимирской ученой архивной комиссіи*. Кн. V. съ прилож. 21 рис. и 3 плановъ.—Владимиръ. 1903 г. п. 3 р. 50 к. 2) *Нарбековъ*. Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII вв. Казань. 1903.—*А. С. Архангельскій*. Труды ак. А. Н. Пыпина въ области исторіи русской литературы.

Мірѣ Божій 1904. 6. *Рожковъ Н.* Обзоръ русской исторіи съ социологическою точки зрѣнія. (Продолженіе также въ ЖМ: 7, 8, 9, 10 (не ок.)—*Злинскій, О. проф.* Изъ древнеримскихъ бытовыхъ отношеній. Дана яркая характеристика этихъ отношеній по работѣ *М. И. Ростовцева*: „Римскія свинцовыя тессеры“, 3 ч. ч. СПб. 1903. Тессеры—небольшіе вылитые изъ свинца круглые значки съ различными на нихъ изображеніями животныхъ, фигуръ и предметовъ. (Тессеры—отъ греч. *τεσσαρα*—четыре: четвероугольная табличка).—На родинѣ: Вымирающіе лопари (изъ „Русс. Вѣд.“), Прокаженные въ арханг. губ. (оттуда же).—7, 8, 9, и 10 *Богдановичъ, Татьяна*. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи.—7. *Кондуришкинъ, С.* Печать и культура въ Сиріи. (Корреспонденція изъ Дамаска).—9, 10. *Кауфманъ, Александръ*. Въ среднеазиатскихъ степяхъ. Изъ лѣтнихъ впечатлѣній (не оконч.).

Правительственный Вѣстникъ. 1904. 87. Въ Русск. Археол. обществѣ. (Засѣд. 11 апрѣля). Представленъ проектъ *Н. Н. Веселовскаго* о раскопкахъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ. Докладъ *Н. И. Привалова*. „О музыкальныхъ инструментахъ русскаго народа въ историческомъ и археологическомъ отношеніи“ (съ иллюстраціей инструментовъ и исполненіемъ музыкальныхъ мелодій). Между прочимъ, отмѣченъ „хоръ гуслировъ, играющихъ на инструментахъ, типа эпохи удѣльнаго княжескаго періода“.—88. *Малышко*. Двадцатилѣтіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Указаны только общія положенія о „комиссіи“.—111. Южная Манчурія. (Фельетонъ). Изъ доклада *Я. С. Едельштейна* къ Геогр. о-вѣ.—121. Археологическія изслѣдованія въ Бахмутскомъ уѣздѣ (о докладахъ Городцова въ Моск. Археол. о-вѣ, 12 апрѣля). 125. Современная Индія. (Изъ доклада въ Русск. Геогр. о-вѣ санскритолага бар. А. А. Сталь-фонъ-Гольтштейна, путешествовавшего по Британской Индіи въ 1903 г.).—127. Черскіе вѣсы (Фельетонъ. См. здѣсь „Смѣсь“).—144 и 145. *Овсянниковъ, Н.* Историко-археологическія чтенія въ Твери (фельетонъ). Съ 29 мая по 8 іюня читали лекціи проф. С. О. Платоновъ, проф. Н. В. Покровский, проф. Н. Я. Гурляндъ, ак. А. И. Соболевскій, В. В. Майковъ. Приведено краткое изложеніе лекцій.—161. Имп. Публ. Библиотека въ 1899 году.

(Фельетонъ). По отчету 6-кв. приведены свѣдѣнія о наиболѣ цѣнныхъ пріобрѣтеніяхъ: многія изданія и рукописи имѣютъ большую цѣну и для этнографіи.—173. Д. П. Кааеды русскаго языка въ Японіи, Китаѣ и Корѣѣ. (Фельетонъ). Въ Японіи—15 кзедръ: 12 въ Токио, 1 въ Осаки, 1 въ Хаккодате, 1 въ Нагасаки; въ Китаѣ—21; въ Корѣѣ—2. Для просвѣщенія Кореи много дѣлаетъ директоръ казанской инородческой учительской семинаріи Н. А. Бобровниковъ (семинарія печатаетъ русско-корейскіе словари). Въ Сеулѣ дѣйствуютъ въ области распространенія русск. языка русск. диплом. агентъ К. И. Веберъ и кап. Н. Н. Вирюковъ.—174, 177, 179 и 185. Нѣкоторые итоги изслѣдованія степныхъ областей. (Фельетонъ разработанъ по слѣдующимъ изданіямъ: "Матеріалы по киргизскому землепользованію. Изд. М. З. и Г. И. т. I Акмол. обл. Кокчетавскій уездъ, 1898; т. II, Атбасарскій уездъ 1903 г.; Семирал. обл. Павлодарскій уездъ т. IV. 1903 г., Тург. обл. Кустанайскій у. т. V 1903 г.; Актыбинскій у. т. VII 1903 г.; Акмол. обл. Омскій у. т. XI 1902 г.)—188 и 189. Изслѣдованіе живого русскаго языка, (Фельетонъ).—195, 196, 197, 198, Гз, К. Къ исторіи славянскаго самосознанія и славянскихъ сочувствій въ русскомъ обществѣ. (Изъ 40 хъ годовъ XIX столѣтія). Фельетонъ.—200. Даръ харьковскому Университету, а именно: приводимый въ порядокъ архивъ харьк. духов. консисторіи за 200 лѣтъ, интересный въ историко-бытовомъ отношеніи.—Статистика Японіи. (См. "хронику").

Русскій Антропологическій журналъ. Изданіе Антропологическаго Отдѣла. И. О. Л. Е., А. и Э. подъ ред. А. А. Ивановаго Кн. XV—XVI. 1903. № 3 и 4. 1) Гершельмицъ Э. Формы грудной железы у востокъ. Эта спеціальная тема разработана авторомъ съ нѣкоторыми подробностями, важными для этнографіи. Указавъ, что формы женскаго тѣла наиболѣ изучены у представителей неевропейскихъ расъ (напр., Плассонъ-Вартельсонъ, Stratz'емъ, Монтегаци'ей и др.), авторъ высказываетъ соображенія, по которымъ онъ сталъ заниматься изслѣдованіемъ формъ грудной железы у европейской женщины. Въ образованіи послѣдней здѣсь вліяютъ не только физическія свойства расы, но также экономическое и социальное положеніе женщины, костюмъ, обычай и пр. Разсмотрѣвъ разныя "типы" груди, авторъ указываетъ, что сдвигиваніе одеждою нижней части грудной клятки благоприятствуетъ ошусканію грудныхъ железъ. Люблинскія нѣмки почти всѣ поголовно носятъ корсетъ; востонки завязываютъ юбку тесьмами вокругъ талии и часто носятъ корсетъ; русскія съ береговъ Цейпуса не знаютъ корсета и носятъ свободныя сарафаны. Сообразно съ этимъ хуже всего развиты груди у люблинскихъ нѣмокъ, потомъ слѣдуютъ востонки, наиболѣе же развиты груди у русскихъ.—Держинскій, И. Э. Поляны Ново-Александрійскаго уѣз. Люблинской губерніи. Три гины уѣзда населены малополянцами, къ которымъ Закржевскій причисляетъ еще краковякъ, польскихъ горцевъ карпатскихъ, сандомирскихъ, желецкихъ горцевъ, припислинь, боровяковъ, людъ тарновскій, людъ ржешовскій и др. Эти люблинскіе малополяне сосѣдств. съ малороссами на востокъ, съ маурами на сѣверѣ. Большого вліянія малорусской культуры здѣсь однако не было; наоборотъ. мауры оставили значительныя слѣды. Мауры, принявшіеся къ ляхамъ-собственно или къ бѣлымъ хорватамъ, кореннымъ жителямъ, образовали этническую группу теперешнихъ малополянъ съ своеобразными физическими чертами. Давъ подробную антропологическую характеристику малополянъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что преобладающій типъ среди большинства славянства, занимающій цѣвтръ славянства, постепенно измѣняется къ окраинамъ, пріобрѣтаетъ черты сосѣднихъ народностей. Въ составъ населенія Ново-Александрійскаго у. вошли, по всей вѣроятности: 1) высокіе брахицефалы темнаго типа (м. б. представители славянъ кельтской расы), 2) высокіе брахицефалы свѣтлаго типа (не представители ли финно-тюркскихъ племенъ?), 3) высокіе долихоцефалы свѣтлаго типа (скандинавской расы) и 4) низкорослые брахицефалы (тоже, вѣр., финно-тюркскихъ племенъ). Преобладающее значеніе имѣетъ первый типъ,

1) См. "Этн. обзор." Кн. LVII.

такъ какъ, по всей глорности, распространяясь съ Дуная, а потомъ съ Карпатъ на сѣверъ и востокъ, онъ все болѣе вытѣснялъ или скорѣе растворялъ въ себѣ первоначально жившій на славянскихъ земляхъ длинноголовый типъ. Последний, покидая большую часть Европы, уступилъ ее въ борьбѣ за существованіе короткоголовому типу славяно-кельтской расы. — *Витускій, С.* О ростѣ населенія Кирилловскаго уѣзда Новгородской губерніи. На сѣверѣ Евр. Россіи жила когда-то, сталкивались и смѣшивались лопари, равные финскіе народцы, югра и ильменскіе славяне, покорившіе ихъ и объединившіе культурно. Пропорція смѣшенія была различна, и потому на сѣверѣ сейчасъ нѣсколько антропологическихъ типовъ смѣшаннаго населенія. Въ Кирилловскомъ у. авторъ выделяетъ высокорослый и малорослый типы. Высокорослое населеніе пришло въ Новгородскую губ. съ юга по р. Ловати (дается подробный маршрутъ его движенія до С. Двины и Онеги); этотъ типъ принадлежитъ ильменскимъ славянамъ, а не „чуди благогазой“, которыхъ нѣкоторые также считаютъ племенемъ высокорослымъ. Малорослый типъ принадлежитъ не славянокому племени; онъ рѣзко выраженъ въ глухихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ главнѣйшихъ путей сообщенія В. Новгорода; туда явородцевъ оттѣсняли славяне. — *Воробьевъ, В. В.* Нѣсколько данныхъ по антропологии великорусской женщины. Онъ ростомъ ниже великорусскихъ мужчинъ, болѣе круглоголовы, по степени ширины лица одинаковы съ мужчинами; онъ также болѣе свѣтловолосы, болѣе темноглазы; среди женщинъ болѣе сохранился чистый типъ (свѣтлый и темный), чѣмъ среди мужчинъ (болѣе смѣшанныхъ). — *Ивановскій А.* Опытъ антропологической классификаціи населенія Россіи. Работа А. А. Иванова предств.являетъ огромный интересъ не только для антрополога, но и для этнографа. Этнографія очень часто безсилна разрѣшить вопросъ объ историческихъ процессахъ сложенія того или другого этническаго типа. Съ болѣею положительностью это можно сказать объ этническихъ типахъ, обитающихъ въ Европ. и Аз. Россіи. А. А. Ивановскій своимъ „опытомъ антропологической классификаціи“ открылъ вѣрный путь къ рѣшенію вопроса. Мы сейчасъ судимъ о великоруссахъ по языку, по скуднымъ историческимъ и географическимъ указаніямъ, по антропометрическимъ безотносительнымъ характеристикамъ. Но вѣкъ языкъ или отдѣльные факты его перенимаются и чуждымъ племенемъ; геогр. названія мѣняются прихотливо: одни забываются, другія искажаются, третья вновь нарождаются; истор. свѣдѣнія, при отсутствіи письменности, и науки, гадательны. А. А. Ивановскій подошелъ къ этому вопросу во всеоружіи сравнительнаго метода, примененнаго къ антропологическимъ даннымъ. Разобравъ каждый изъ антропологическихъ признаковъ (цвѣтъ волосъ и глазъ, ростъ, головной указатель, лицевой указатель и т. д.) для всѣхъ народностей, живущихъ въ Россіи, авторъ даетъ таблицу своей классификаціи и объясненія къ ней. Въ таблицѣ выдѣлены группы различныхъ степеней сродства, а потомъ по этимъ степенямъ проведены сближенія между отдѣльными этническими группами. Самъ авторъ оговаривается, что чаще всего сближенія неполны, въ далекихъ степеняхъ; что классификація эта довольно условна, что достоверна она безусловно только тогда, когда „всѣ десять признаковъ“ совпадаютъ. Тѣмъ не менѣе получаются многіе интересные выводы какъ частные, такъ и общіе. Изъ частныхъ выводовъ укажемъ: свѣтлый типъ распространенъ среди населенія Россіи очень мало, подавляющее большинство — смѣшанный типъ и особенно брютетическій Въ восточной части Евр. Россіи ростъ населенія понижается гравитально съ зап. частью ея. Населенія Кавказа самое высокорослое во всей Россіи; ему уступаетъ населеніе Средней Азіи; ростъ населенія Сибири самый низкій; въ общемъ — чѣмъ свѣтлѣе типъ, тѣмъ выше ростъ. Во всей Россіи населеніе по преимуществу брахикефалическое. Изъ болѣе общихъ выводовъ укажемъ слѣдующіе: Славянская группа, т. е. группа племенъ съ преобладаніемъ слов. племени, является значително смѣшанной; сюда входятъ: всѣ в.-русссы, б.-русссы, м.-ро ссы (за исключеніемъ м.-русссовъ Кіевской губ. и кубанскихъ казаковъ), поляки, литовцы, въярие, казанскіе и касимовскіе татары и башкиры. Къ этой группѣ ближе, чѣмъ къ другимъ, стоятъ астрах.

калмыки и калмыки вообще. (Интересны также выводы и относительно всѣхъ этихъ племенъ въ отдаленности). Совершенно обособились отъ всѣхъ народовъ евреи, образовавъ еврейскую антропологическую группу. Армянская группа состоитъ изъ армянъ разн. мѣстъ Кавказа, къ нимъ приближаются калбардинцы, айсоры, люли, крымскіе татары. Въ осетинскую группу, кромѣ осетинъ, входятъ малороссы-казави. Особое пона мѣсто занимаютъ кумыки. Также обособились левгимы-кюринцы. Вопросъ о происхожденіи малочисленнаго племени удинъ остается открытымъ. Курды, персы, азербейджанскіе татары, мезлеганды и иштигардцы составляютъ группу курдо-персидско-азербейджанскую. Въ группу среднеазиатскую входятъ киргизы, таравчи, аваянцы, дунгане, сарты, сибо-шибинцы, китайцы. Одипоко стоятъ каракиргизы; одиноки и туркмены. Въ монгольскую группу входятъ: арбусумуаы, калмыки-чахары, турфанскіе калмыки, кульджинскіе и тарбагатайскіе торгоуты, халхасцы, самовды, телегеты, бураты (не всѣ) и тунгусы. Въ якутскую группу входятъ: якуты, къ нимъ близки сѣв. тунгусы и астрах. калмыки. Бураты стоятъ одиноко, тоже и остяки. Вся эта статья А. А. Ивановскаго является краткимъ изложеньемъ недавно вышедшей его диссертациі „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“. М. 1904. 4°. VI+287 стр. (въ Трудѣхъ Антропологическаго Отдѣла Имп. Об-ва Люб. Естествознанія, томъ XXII).—*Косоротовъ, Д.* О ритуальныхъ поврежденіяхъ у скопцовъ. (По даннымъ одного скопческаго дѣла). Автору и прив.-доц. Масловскому, въ качествѣ экспертовъ по судебному дѣлу, пришлось освидѣтельствовать около 100 человекъ, изъ нихъ 52 (24 муж. и 28 жен.) съ скопческими поврежденіями. По происхожденію сектанты оказались преимущественно финнами, по вѣроисповѣданію—лютеранами (русскихъ православныхъ было только 5). Главари были однако русскіе—отецъ и сынъ Овчинниковы. Ритуальныя скопческія поврежденія являются въ двухъ видахъ—„малой“ и „большой печати“; для первой терминъ—„посадить на пѣгаго коня“, для второй—„посадить на бѣлаго коня“. Выразеніе „чистота“, „убѣленіе“ относится къ тому же ритуалу. Характерна пѣсня: (въ записи): „О Господи благослови царску песенку намъ спѣть намъ святого Духа вѣстрѣть Просимъ милости поди добро пожаловать кати глаголаеть Господь Самъ сынъ Покровомъ сойду къ вамъ съ небесною съ высотой жива-гласною трубою Живагласная труба приняла много труда Изъ малинова куста летить птица не пуста у ней водоты уста Изъ крутова бережка быстра рѣчка протѣла насъ матушка съберегла на свои ручки взяла и глаголы-вала сама быть ты дѣтѣко смѣла хочу сажать на коня На коня тебя посажу путь дорожку провою да блаженнаго рая судъ и воля свѣтъ твоя Богу слава честь державя во вѣки вѣкомъ Аминь.“ Отрывокъ изъ поученія: „Любезная душа стремишься всегда на прекрасную свадьбу агнца и на небесный пиръ... купи себя вѣчное счастье, вымѣняй *былаю коня*; тотъ конь привезетъ тебя къ чести, садись на него скорѣе, поѣжай“ (Переводъ съ финской записи). Далѣе приводятся медицинскія свѣдѣнія о ритуальныхъ поврежденіяхъ. Приведена и одна „радѣльная“ пѣсня, въ которой упоминается о печати (она спросится на Страшномъ Судѣ), объ отреченіи отъ *слабой плоти*, о необходимости *узаконить* себя. (Запись русская, по многія слова искажены финскимъ произношеніемъ). Члены скопческой общины („дѣтя Божи“) держатся сплоченно, ведутъ воздержную жизнь, весьма трудолюбивы и добросовѣстны другъ съ другомъ. Половые стремленія у нихъ однако не совсѣмъ угасаютъ. Главари своихъ скопцовъ обожаютъ. Нѣкоторые фанатики, по насмѣдованію въ психіатрической больницѣ, оказались душевно-болными.—*Адлеръ, В.* Дули и стрѣлы. Сѣверной Азіи. (Сокращенное изложенье двухъ работъ того же автора на нѣмецкомъ языкѣ: 1) *Der nordasiatische Pfeil.* и 2) *Die Boden Nordasiens* (объ въ *Internat Archiv für Ethnograph.* 1901, 1902). Авторъ считаетъ сѣверно-азиатскій лукъ „сложнымъ“; возможно, что онъ произошелъ изъ „уснаеннаго“, родина котораго въ этомъ случаѣ была или въ сѣв.-вост. Азіи или въ сѣв.-зап. Америкѣ.—*А. А. Ивановскій, Д. А. Коропчевскій* (пекрологъ).—Критика и библиографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русскій Архивъ. 1904. 1—5. *Θ. А. Гиларовъ*. Воспоминанія (Любопытныя по описанію быта духовенства, начиная съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія).— 3. Грамота царя Алексѣя Михайловича мѣскому воеводѣ боярину Василію Борисовичу Шереметеву (1659 г.).— 4. *Θ. М. Уманецъ*. Князь Константинъ—Василій Острожскій.— *А. А. Титовъ*. Острожскіе архіереи былаго времени (XVIII в.). Изложеніе изслѣдованія *Н. Чернавскаго*, помѣщеннаго въ Трудахъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи (Вып. VII и X, Оренбургъ 1903 г.).— 5. *А. В. Балозъ*. Понедѣльникъ и понедѣльничанье. Историко-этнографическій очеркъ. Чествованіе понедѣльника авторъ объясняетъ тремя причинами: 1) князь Владимиръ по понедѣльникамъ подвергалъ наказанію людей, не явившихся къ богослуженію въ воскресные дни; 2) церковью понедѣльникъ посвященъ безплотнымъ силамъ; 3) влиянію западныхъ астрологическихъ сочиненій, въ которыхъ понедѣльникъ являлся днемъ тяжелымъ, какъ посвященный лунѣ (*die lunae*), приписывшей несчастье людямъ (ссылка на статью *Н. Петрова*, вородныхъ праздникахъ, въ т. IV Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за 1871 г.).— 9. *М. Успенскій*. Японія и Корея по сочиненіямъ XVIII столѣтія.

Русскія Вѣдомости, 1904, 146, 148, 177, 180 и 184 (см 108), *Танъ*, Русскіе въ Канадѣ (*прод. и оконч.*).— 156. *Sh.*, „Сіонъ-Сити“ и его пророкъ. Авторъ посвящаетъ статью подвигамъ извѣстнаго Джона—Александра Дауи или пророка Іліа, пророчествующаго среди англичанъ и американцевъ, которыхъ грубо эксплуатируетъ для обогащенія своей казны.— 167. *Хажановъ А.* Памяти Умикова. Покойный грузинскій писатель былъ любителемъ древней грузинской письменности, памятники которой издавалъ и комментировалъ.— 183, 210, 241, *Анучинъ Д.* Къ характеристикѣ японцевъ. Какъ бы ни были различны тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась японская нація, они слились въ теченіе вѣковъ въ одно этническое цѣлое и притомъ, повидимому, болѣе однородное по языку, обычаѣмъ, традиціямъ, чѣмъ это можно сказать о другихъ націяхъ Азіи и Европы. На этой однородности настаиваютъ многіе наблюдатели, основательно ознакомившіеся съ населеніемъ Японіи. Персиваль Дауэлъ приписалъ даже японцамъ „отсутствіе индивидуальности“ (*lack of personality*),— именно въ ихъ психикѣ и во внѣшнемъ *habitus*”. Тень-Кате замѣчаетъ, что, проѣзжая по Японіи, путешественникъ всюду видитъ одно и то же. „Тѣ же некрасивыя, гримасничающія физиономіи и коротко остриженные волосы у мужчинъ, тѣ же улыбающіяся лица съ кокетливыми прическами у женщинъ; тотъ же костюмъ и та же обувь, та же походка, тѣ же манеры, тѣ же приемы разговора. Среди сотни китайцевъ, японцевъ, арабовъ и европейцевъ одного и того же социальнаго класса можно, песомнѣнно, и по отношенію къ психикѣ, и къ внѣшнему виду встрѣтить большія индивидуальныя различія, чѣмъ у японцевъ. Жилища и домашняя обстановка, утварь и прочія принадлежности быта представляютъ то же самое“. Разумѣется, есть различія, стоящія въ связи съ общественнымъ положеніемъ, степенью достатка, образованіемъ, наконецъ, съ антропологическими, расовыми и индивидуальными особенностями, но послѣднія, по Тень-Кате, менѣе выражены у японцевъ, чѣмъ у какого-либо другого народа. Необходимо, впрочемъ, оговорить, что другіе наблюдатели не раздѣляютъ такого взгляда, и, напримѣръ, д-ръ Бельцъ замѣчаетъ, что различіе физиономій у японцевъ не меньше, чѣмъ у европейцевъ, да и различіе въ костюмѣ, особенно въ настоящее время, когда начинаютъ распространяться и европейскія моды, не только не уступаетъ, но даже превосходитъ встрѣчаемое въ Европѣ. Извѣстная доля правды, однако, въ утвержденіи Тень-Кате, повидимому, есть; областныя и мѣстныя различія выражены въ Японіи во всякомъ случаѣ слабѣе, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ.

Для характеристики народа важны въ особенности его психическія качества. Прежде всего важно указать тѣ характерныя черты японцевъ, которыя обратили на себя вниманіе уже первыхъ европейцевъ, вступившихъ съ ними въ сношеніе. Древнѣйшія извѣстія объ Японіи, основанныя не на слухахъ только, добытыя не изъ вторыхъ рукъ, а изъ личнаго знакомства съ народомъ, отно-

саяся къ XVI вѣку. Первыми европейцами, появившимися въ Япоіію, были португальскіе матросы Мевдець Пинто съ товарищами. Японцы, получивъ отъ нихъ ружье, черезъ полгода сами сдѣлали 600 такихъ ружей. Вѣсть съ подражательностью развиваются заимствованія ихъ у разныхъ народовъ вплоть до нашего времени. Въ 1870-хъ годахъ подражательность достигла апогея, но потомъ появилась реакція.

Вообще подражательность японцевъ и усвоеніе ими иностраннаго сдерживались факторами, проходившими черезъ всю исторію развитія японской культуры. Однимъ изъ факторовъ была живучесть исконныхъ національных началъ, которыя, хотя и ватушевывались временами вліяніемъ иной культуры, но не подавлялись имъ и вызывали рано или поздно реакцію. Другимъ факторомъ былъ складъ японской психики, ума и чувства, что будетъ пояснено въ дальнѣйшемъ изложеніи. Реакція національных началъ сказалась, напр., въ томъ, что, несмотря на сильное вліяніе китайской культуры, японцы не усвоили себѣ китайскаго взгляда на военную службу, какъ на низшее занятіе, а, напротивъ того, признавали ее благороднѣйшимъ дѣломъ, и военное сословіе—самуран—играло въ японскомъ обществѣ всегда выдающуюся роль. Соціальный строй Япоііи не былъ передѣланъ по китайскому образцу, а выработалъ собственные системы: феодализма съ его владѣтельными князьями (дайміо) и сіюгуната—съ фактическимъ управленіемъ сіюгуна при номинальномъ верховномъ владычествѣ священнаго императора, сына Неба, микадо. Своеобразные рыцарскіе нравы, знаменитое хакари или сеппуку (самоубійство разрывомъ живота),—все это было самобытнымъ японскимъ. Сильное развитіе національной гордости и патріотизма составило также характерную черту японцевъ, резко отличающую ихъ отъ китайцевъ. Это національное чувство вызывало сильное противоудѣйствіе всякій разъ, когда усиленіе иностраннаго вліянія угрожало національнымъ основамъ. Реакція послѣдовала и въ новѣйшее время, съ 80-хъ годовъ. Она выразилась въ томъ, что съ 1880 года во всѣхъ начальныхъ и среднихъ школахъ было снова введено преподаваніе морали Конфуція, признанной устарѣвшею тринадцать лѣтъ тому назадъ. Европейское знаніе продолжало усваиваться, но на европейцевъ стали смотрѣть какъ на соперниковъ, которыми можно пользоваться, но которые сами по себѣ не заслуживаютъ уваженія, тѣмъ болѣе что японцы въ состояніи усвоить всѣ ихъ знанія и даже достигать еще болѣешихъ успѣховъ.

Началось сильное движеніе націоналистическое. Основалась большая партія,—Ниппонъ-шуги-то („японская партія“) съ участіемъ въ ней многихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей—въ цѣляхъ поддержанія началъ націонализма противъ европеизма. Торговая палата въ Токио высказалась противъ введенія европейскаго торговаго законодательства, японскій парламентъ заявилъ себя противъ метрической системы, яко бы несомнѣваемой съ честью націмъ. Учителя въ народныхъ и среднихъ школахъ, по свидѣтельству бывшаго президента совѣта министровъ графа Окумы, являются поборниками самаго ярого шовинизма; неудивительно поэтому, что школьники горятся тѣмъ, если имъ удастся гдѣ-нибудь на улицѣ навести оскорбленіе иностранцу. Токискій университетъ, по словамъ Вѣлсера, сталъ въ послѣдніе годы школой крайняго націонализма, на что указалъ въ одной изъ своихъ рѣчей даже маркизъ Ито. „Эта реакціонная тенденція,—замѣчаетъ онъ, направленная противъ иностранцевъ, особенно нехотѣна въ настоящее время, когда нація готовится вступить на путь распространенія своей дѣятельности въ сосѣднихъ странахъ“. „Для меня глубоко прискорбно,—говорилъ тотъ же Ито въ концѣ 1899 года,—видѣть въ Токио, на улицахъ, дамъ-иностранокъ, подвергающихся грубымъ толчкамъ на тротуарахъ со стороны невоспитанныхъ молодыхъ людей (студентовъ), которые считаютъ, повидимому, дѣломъ чести такое непристойное поведеніе относительно иностранцевъ“. Но голоса благоразумныхъ людей не въ состояніи остановить стихійнаго проявленія яраго шовинизма, воспитаннаго вѣками. Еще въ XIV вѣкѣ одинъ изъ японскихъ государственныхъ людей и ученыхъ, Цикафуса, восклицалъ: „Великая Ямато—божественная страна! Только одноѣ

нашей странѣ положено было основаніе божественнымъ предкомъ. Единственная она была передана богиней солнца длинному ряду ея потомковъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ чужеземныхъ странахъ“. Тѣ же идеи повторяются и въ настоящее время во всѣхъ японскихъ школахъ. Императорскій рескриптъ 13-го октября 1890 г., установившій принципы моральнаго обученія, заключаетъ въ себѣ такое указаніе: „Наши предки положили прочныя основы государству, въ которомъ были глубоко вкоренены добродѣтели, и наши подданные единодушно своей лояльностью и сыновнею преданностью развили ихъ въ совершенствѣ въ теченіе вѣковъ. Такова сущность національной политики, и таковъ истинный принципъ нашей системы образованія“ (въ действительности же микадо былъ, какъ извѣстно, еще въ древнія времена игрошкой въ рукахъ соперничавшихъ знатныхъ фамилій, а впоследствии игралъ роль своего рода дадай-ламы, тогда какъ фактическая власть принадлежала сёгуну). „Наша священная книга,—говорится въ начальныхъ японскихъ учебникахъ морали,— есть наша исторія, святая и совершенная, образецъ нравственности для всѣхъ временъ“. „Слово нашихъ императоровъ, основанное на указахъ, оставленныхъ императорскими предками, той же природы, что небо и земля. Составляя законъ для всѣхъ поднебесныхъ и великое правило для всѣхъ вѣковъ, оно не подлежитъ обсужденію, какъ догматы, установленныя людьми“ (новидимому, намекъ на христіанство; извѣстно, что въ теченіе ряда вѣковъ „слово“ микадо ничего не значило, не могло даже раздаваться, и все подчинялось власти сёгуновъ). „Нашъ великій Ниппонъ, управляемый мудрыми императоромъ, стоитъ выше всѣхъ странъ міра. Въ чужеземныхъ странахъ являлись пророки, чтобы проповѣдовать людямъ нравственность, но люди оставляли жестокихъ, подобными дикимъ звѣрямъ. Въ Японіи не было пророковъ; народъ въ ней добръ по природѣ, ибо наша почва и нашъ климатъ предрасполагаютъ людей къ добротѣ“ (!). „Японецъ руководствуется любовью къ добродѣтели, тогда какъ низкій европеецъ ищетъ только эгизическаго и чувственнаго удовольствія“. Въ средней школѣ проходитъ исторія Японіи, въ которой доказывается, что происхожденіе Японской имперіи совершенно отличное отъ другихъ государствъ. „Оно не обязано завоеванію; изъ всѣхъ странъ одна Японія не испытала поворной побѣды чужеземцевъ... Съ того времени, какъ великая богиня солнца Аматерасу послала съ неба на землю своего сына Ниниги-но-Микото, одинъ непрерывный рядъ императоровъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе управлялъ вашей страной... Наша имперія представляетъ изъ себя какъ бы великую семью, развившуюся въ націю... Отношеніе между императоромъ и его подданными есть въ одно и то же время отношеніе отца къ дѣтямъ и господина къ слугамъ. Императорская фамилія есть семья предковъ нашей націи, и ея члены народа составляютъ только ея развѣтленія“. Профессоръ токійскаго университета Инуи, ярый націоналистъ, развивалъ ту же идею въ публичной лекціи, прочитанной имъ передъ громаднымъ числомъ слушателей 5-го ноября 1898 г. „Во всѣхъ другихъ странахъ,—говорилъ профессоръ,—государь происходитъ изъ народа, въ Японіи же народъ имѣетъ честь происходить отъ императора, а императоръ является потомкомъ боговъ. Другія страны хотя и знаютъ сыновнее почтеніе и патріотизмъ, но это — не то почтеніе и не тотъ патріотизмъ, что мы видимъ въ Японіи!“...

Извѣстные японскіе писатели Ноте и Нитобе тоже доказываютъ, что любовь къ роднѣ, лояльность и вообще рыцарская доблесть должны считаться исключительно японскими качествами. „Японецъ,—замѣчаетъ Тень-Кате,—за послѣднія двадцать лѣтъ (особенно послѣ успѣшной для нихъ китайской войны) обубалъ манія величія, они считаютъ себя самымъ интеллигентнымъ, самымъ храбрымъ и самымъ могущественнымъ народомъ въ мірѣ, забывая, что всю свою культуру они обязаны либо китайцамъ, либо европейцамъ“.

Японская интеллигенція стала доказывать, что Японія, какъ передовое государство Азіи, способна открыть новый періодъ развитія для азіатскаго Востока и что ея нація обладаетъ такими духовными силами, съ помощью

которыхъ она можетъ обогнать въ цивилизаціи передовыя націи Запада и даже начать новую эру въ исторіи человечества...

Въ одной „руководящей“ статьѣ журнала *The Far East* (англійское изданіе японскаго журнала *Kokumin-no-Tomo*) за 1897 г. были высказаны такія мысли: „Цивилизація, возникшая на берегахъ Нила и Евфрата и развившаяся на берегахъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана, нынѣ распространяется на страны, окружающія Тихій океанъ. Такъ называемая западная цивилизація встрѣтила здѣсь другую расу и другую культуру, совершенно особенныя по ихъ прирѣдѣ и происхожденію... Развѣ есть другая раса въ свѣтѣ, столь промышленная и столь выносливая, какъ китайцы? Столь прогрессивная и столь сильная духомъ, какъ японцы? Китайцы встрѣчаются теперь во всѣхъ портахъ Тихаго океана и вездѣ составляютъ важный элементъ пришлаго населенія. „Для нихъ жизнь значитъ торговля и дѣятельность; они не могутъ дня оставаться безъ дѣла. Они въ состояніи жить при самой скудной пищѣ, совершенно недостаточной для всякой другой національности. Они въ состояніи работать за самое низкое вознагражденіе,—столь малое, что никакой другой народъ не можетъ съ ними въ этомъ конкурировать. Исключительныя законы американцевъ противъ азіатовъ наглядно доказываютъ, какъ боятся западныя націи китайскаго труда. Мы, японцы, не можемъ жить такъ бѣдно, какъ наши сосѣди, не можемъ и работать такъ упорно, какъ они, но мы обладаемъ стремленіемъ искать лучшаго. Если мы находимъ что-либо передовое или лучшее, чѣмъ у насъ, мы не колеблемся откинуть свое и усвоить чужое. Въ Европѣ намъ завидуютъ. Анти-японское настроеніе начинается проявляться съ разныхъ сторонъ и по разнымъ поводамъ. Но несомнѣнно, что міръ не предназначенъ быть ареной исключительно бѣлыхъ народовъ. Создатель,—если онъ былъ,—не сотворилъ другія расы только для того, чтобы быть вѣчными слугами или рабами бѣлыхъ. Важнѣйшая миссія для сыновъ страны Восходящаго Солнца—доказать, что міръ созданъ для всѣхъ, а не для ограниченнаго числа расъ и націй“.

Прое. Укита въ статьѣ „Объ изученіи исторіи съ восточной точки зрѣнія“ (въ томъ же журналѣ), указавъ на односторонность взглядовъ европейскихъ историковъ, по которымъ только арійскіе народы могутъ считаться историческими и исторія человечества есть въ сущности исторія бѣлой расы, развиваетъ мысль, что предметъ исторіи есть все человечество, что нѣтъ такого варварскаго народа, исторія котораго не могла бы интересовать ученаго историка, что противоположеніе Запада Востоку, христіанства—язычеству, цивилизаціи—варварству теологично и ненаучно, что терминъ „раса“ не въ состояніи ничего объяснить въ исторіи. „Если азіаты первые двинули впередъ цивилизацію и передали ее Европѣ, зтимъ они не были обязаны превосходству своей расы. Точно также, если европейцы высоко развили заимствованную ими съ Востока цивилизацію, то это не было слѣдствіемъ божественнаго предопредѣленія ихъ расы. Все это произошло подъ вліяніемъ обстоятельствъ и благоприятныхъ естественныхъ условий. Если новѣйшая Европа не въ силахъ создать общеввропейскаго союза, надъ нею будетъ преобладать тотъ же приговоръ исторіи, какъ и надъ Греціей,—она потерпитъ крупное фіаско въ великой миссіи, порученной ей Провидѣніемъ...“

„Какъ солнце восходитъ на востокъ и заходитъ на западъ, такъ и свѣтъ цивилизаціи нынѣ возвращается въ области его зарожденія. Западъ, унаследовавшій его отъ Востока три тысячи лѣтъ тому назадъ и снова въ средніе вѣка, нынѣ уплачиваетъ Востоку свой долгъ съ крупными процентами. Возвѣвъ трехъ открытій, сдѣланныхъ въ Китаѣ,—компаса, пороха и книгопечатанія,—Западъ посылаетъ теперь пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы. Заиниційскій алмазъ, индійскія шифры, арабскую науку, мануфактуру шелка и бумаги и другіе начатки искусства и промышленности, полученные съ Востока, Европа уплачиваетъ теперь безцѣнными продуктами новѣйшихъ знаній и искусствъ. Мы убѣждены, что въ будущемъ Востокъ начнетъ снова реагировать на Западъ и такъ подготовить новую эру культурнаго развитія, болѣе

полнаго, богатаго и благороднаго, чѣмъ какое когда-либо видѣло человѣчество... Новѣйшая исторія не есть конецъ, а скорѣе начало новаго періода,—періода челоѣчества, въ которомъ всѣ люди будутъ признаваться членами одной расы и въ сравненіи съ которыми вся древняя, средняя и новая исторія померкнетъ въ своемъ значеніи...“

Далѣе, следуя девизу „Азія для азіатовъ“, японская интеллигенція проповѣдуетъ борьбу съ европейскими колоніями въ Азіи.

Сопоставляя различные характеристики японцевъ, сдѣланные иностранцами, легко убѣдиться, что очень многое написано о нихъ оптимистически. Неблагопріятный, по интереснымъ отзывамъ о японцахъ даетъ д-ръ Тень-Кате. По его словамъ, у японцевъ слабо развита личная индивидуальность, сильно преобладаютъ стадныя чувства; простонародье не способно къ усиленному вниманію, медленно въ ассоціаціи идей. Они податливы къ внушенію и гипнозу. Идеализмъ и философское умозрѣніе не соответствуютъ ихъ складу ума. Нѣтъ глубокихъ религіозныхъ концепцій. Они непрактичны („недѣловые правы“); простосердечіе и правдивость у нихъ рѣдкость. Отзывы Тень-Кате вызвали рѣзкія возраженія со стороны д-ра Бельца. Онъ считаетъ изученіе народной психики дѣломъ труднымъ. Онъ различаетъ различные слои японскаго народа, по которымъ нельзя дать общей характеристики: есть тупые, безчестные, по много примитивъ и обратнаго характера. Ихъ хорошими качествами Бельцъ считаетъ храбрость, смѣлость, презрѣніе къ опасности, жизнерадостность, стремленіе къ прогрессу, отсутствіе скупости и жадности, веселый юморъ.

Приведенные два отзыва могутъ служить образчиками двухъ противорѣчивыхъ взглядовъ на японцевъ. Такое противорѣчіе не должно считаться удивительнымъ; если сопоставить характеристики различныхъ европейскихъ народовъ,—французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, русскихъ,—то можно найти среди нихъ не менѣе противорѣчивыя; одни наблюдатели подмѣчаютъ по преимуществу отрицательныя и несимпатичныя качества, другія выставляютъ особенно на видъ положительныя и благопріятныя. По отношенію же къ японцамъ такое противорѣчіе объясняется еще тѣмъ, что въ народѣ этомъ много парадоксальнаго до такой степени, что даже лучшіе знатоки его колеблются въ оставленіи опредѣленнаго о немъ мнѣнія; съ другой стороны, это—народъ особой расы, т. е. особаго физическаго и психическаго типа,—народъ, который по исторіи развитія своей многовѣковой культуры не имѣетъ ничего общаго съ европейскими народностями. Неудивительно поэтому, что пониманіе его духа должно представлять для европейца значительныя трудности.—203. *Кауфманъ, А.* Уголокъ бывшей дикой Башкиріи. Изъ лѣтнихъ впечатлѣній. Изображены неурядицы въ повсемѣльномъ устройствѣ новыхъ поселенцевъ на башкирскихъ земляхъ.—210 *Макс; А. Ф.* Ратцель (некрологъ).

С.-Петербургскія Вѣдомости 1904. 104. Проѣзженные въ Архангельской губерніи. (Докладъ *Орнатскаго* изъ „Русс. Вѣдом.“).—108. Экспедиція въ Монголію. Русское Геогр. О-во намѣревалось лѣтомъ 1904 г. снарядить статистико-экономическую экспедицію, а также и дополнительную для естественно-историч. исследованийъ (съ В. В. Сапожниковымъ во главѣ дополнительной).—127. Наша печаль. Свидѣнія о сектѣ іованнистовъ (изъ статьи *Шебуева* въ „Руси“). Секта проповѣдуетъ близкую кончину міру, т. е. уже пришелъ прор. Іованнъ (о. Іованнъ Кронштадскій). Секта распространяется въ Астраханской губ.—132. Въ Археологическомъ Обществѣ. Годичное засѣданіе 14-го мая. По порученію русскаго отдѣленія о-ва, въ отчетномъ году были произведены раскопки и исследованія кургановъ, въ Демянскомъ и Крестецкомъ уѣз. Новгор. губ., близъ Стар. Ладоги и обследованы нѣкот. гародища въ древней Суздальской области. При о-вѣ возникло 4-е отдѣленіе—нумизматическое. Награждены: 1) больш. золот. медалью В. В. Стасовъ за „Миніатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ жадгатайскихъ и персидскихъ“ и 2) серебр. медалью П. К. Симоны за „Опытъ сборника свѣдѣній по техникѣ и исторіи книгонереплетнаго искусства на Руси“. Затѣмъ сдѣлавалъ докладъ

Б. В. Формановского о раскопках близ г. Николаева. На мѣстѣ гор. Ольвин обнаруженъ склепъ II—III в. по Р. Х.—136. *Соколовскій, Л.,* д-ръ. Куцовлахи въ Македоніи. Долго эти интеллигентные влахи считали себя греками; теперь же, проникнувшись національнымъ самосознаніемъ, они доказываютъ, что многие герои греческой освободительной войны были влахами. Эта идея встрѣчаетъ поддержку въ Румыніи.—137. *Соколовскій, Л.* Правовое положеніе женщины въ Японіи (сѣлетонъ).—151. *Врадій, В. П.* Одна черта японскаго характера. (Японецъ будто бы „надменнѣе, пока его не проучишь“, а потомъ дѣлается „подобострастно-лѣстнымъ“). Авторъ основывается на личн. наблюденіяхъ. 152. *Ею же.* Характеръ корейцевъ. Они нетребовательны къ жизни, лѣзвы, сопливы, паки къ наркотикамъ, наивны, привязчивы, добры. Эта характеристика, какъ и предыдущая, основана на единичныхъ фактахъ, которые были извѣстны автору.—155. *Яковлева-Ланская, Н.* Талашкино. Авторъ даетъ очеркъ этого культурнаго уголка (подъ Смоленскомъ), гдѣ подъ покровительствомъ кн. М. К. Тенишевой возрождается древне-русское искусство, коллекционируются русскія древности, изучается народный бытъ, который при этомъ поддерживается въ его разнѣжныхъ и живучихъ элементахъ.—188. *П.* Вичъ инородцевъ Вост. Сибири (введена винная монополія).—200. Описаніе Манчжуріи (Геологія и флора въ изданіи Русс. Геогр. О-ва.).—220. *Заливанскій, М. Фридрихъ Ратцель.* 236. *Катановъ, Н.* „Asien“. Organ der Deutsch-Asiatischen Gesellschaft und der Münchener Orientalischen Gesellschaft. Berlin. 1902—1904. Авторъ знакомитъ съ содержаніемъ этого журнала. За три года напечатано до 150 статей. Среди нихъ отмѣтимъ: Аракелянъ—„Бабианъ въ Персіи“, Находъ—„Воспоминанія объ японской оцѣнкѣ западной науки и западнаго письма 30 лѣтъ тому назадъ“, Сорре—„Нѣмецкія раскопки въ Азій“, Варбургъ—„Еврейскія земледѣльческія колоніи“, Виртъ—„Эпохи азіатской исторіи“, Цепелинъ—„Изъ Центральной Азій“, „Къ изслѣдованію средней Азій“, Экспедиція ш.-к. Козлова въ Тибетъ“, Цеммереръ—„Арменія“, Вильчеръ—„Скионы и персы“, Виртъ—„Развитіе Кореи“, Крамеръ—„Отношенія Россіи къ Монголіи“, Гротъ—„Къ литературѣ о Персіи“, Геннингъ—„Записки русскаго посольства 1693—1694 г. г. при пекинскомъ дворѣ“, Клейстъ—„Населеніе Индокитая и французская колонизація“, Вегенеръ—„Тибетъ, Джаса и пути къ нимъ“.—247. *К-инъ, А.* Переселенцы въ Ферганской области.—253. *Н.* Изъ Удинскаго округа (руско-сойотскія осложненія).—254. *Рудневъ, Андрей.* Троицкосавско-Кяхтинское отдѣленіе Русскаго Географическаго Общества. (За 10 лѣтъ существованія).—261. Сектанты въ Тавридѣ (изъ газ. „Салгиръ“). Даны общія свѣдѣнія о раскольникахъ (бѣглопоповщинахъ, австрійцахъ безпоповщинахъ, штундистахъ, штундобаптистахъ, молоканахъ, прыгунахъ (смѣсь молоканства, хлыстовщины и „жидовства“). Мѣстные прыгуны поддерживаютъ общеніе съ прыгунами амурскими, отъ которыхъ они иногда получаютъ и духовныя пѣсни.—265. *К. К. Случевскій.* (Некрологъ + 25 сент.). (Изъ „Нов. Врем.“). Повту принадлежать, между прочимъ, очерки 1886—1888 гг. подъ заглавіемъ „По сѣверу Россіи“ и „Балтійская сторона“.—306. Религіозное движеніе на Алтаѣ. (Сообщеніе Д. А. Клименца, 5 ноября 1904 г. въ Русс. Геогр. о-вѣ. Изъ лѣтней поѣздки). Среди алтайскихъ калмыковъ началось броженіе, вызвавшее подозрѣнія у русскои администраціи. Оказывается, что калмыкъ Чета Чолпановъ, бѣдинъ, исходившій Алтай и Монголію, объявилъ войну шаманизму. Онъ проповѣдовалъ молитву съ колѣнопреклоненіемъ и съ безкровными жертвами. 14-лѣтняя краснорѣчивая дѣвочка помогала ему убѣждать калмыцкій народъ, что если онъ не послѣдуетъ за проповѣдникомъ, то наступятъ грозныя времена. Къ нему жозами стали возить разные предметы шаманства. Къ Четѣ Чолпанову стекались поклонники на молитву. Начальство рѣшило прекратить эти сборища. Ихъ переловили и вѣзѣтъ съ Чолпановымъ отправили въ Бійскъ. Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна. Свое сообщеніе г. Клименецъ иллюстрировалъ фотопортретами, костюмами и предметами религіознаго вѣльта калмыковъ.—309. Наша печать. О преступности у эстовъ и латышей (свѣдѣнія проф. В. Θ. Чижъ и А. Кассовскаго).—

310. *Р. И. Б.*, Китайцы-колонисты (Сингапурскіе типы). Изъ путевыхъ замѣтокъ Андре Зигерда.

Чтенія въ И. О. Ист. и Др. Росс. 1904. 1. *А. А. Шахматовъ*. О такъ называемой Ростовской лѣтописи.—Лѣтописный сводъ, носящій ошибочное названіе Ростовской лѣтописи извѣстенъ только по списку XVIII вѣка. Моск. Главн. Архива Иностранныхъ Дѣлъ; время и мѣсто составленія этого свода неизвѣстны (ничего ростовскаго въ немъ нельзя замѣтить). Въ основу его положенъ московскій лѣтописный сводъ, доведенный до—1479 года (значить, болѣе древній, чѣмъ всѣ до сихъ поръ обнаруженные московскіе лѣтописные своды); его сводчики дополняли систематически по Новгородскому своду, составленному въ 1542—1548 гг. Къ изслѣдованію приложенъ тщательно изданный текстъ „Ростовскаго“ лѣтописца.—*Н. Олшобинъ*. Бытовые черты XVIII вѣка. (Выписки изъ дѣлъ Сибирскаго приказа). Наиболее любопытны: челобитье татаръ о разрѣшеніи продавать дѣтей по случаю голода, отзывы служилыхъ людей о картахъ (игральныхъ), вызовъ самоѣдскихъ шамановъ въ Москву, „видѣніе“ крестьянина (направленное противъ новшествъ Петра Великаго).—2—3. *Е. Е. Голубинскій*. Исторія русской церкви. Т. I. Періодъ первый Кіевскій или домонгольскій. Вторая половина тома. Трудъ акад. Голубинскаго издается вторымъ изданіемъ (1-е изд.—1881 г.). Для этнографа особенно важна здѣсь VIII глава о вѣрѣ, нравственности и религіозности народа въ изучаемый періодъ.

Новости этнографической литературы.

- Абрамовъ, М. „Царь-Максимилианъ“. (Святочная кумедія). Спб. 1904. 33 стр. (Извѣстія Отд. Р. Я. и Сл. Имп. Ак. Н., IX, 3).
- Арепьевъ, Н. В. Первый областной археологическій съѣздъ въ Россіи. Спб. 1904. Ц. 50 к.
- Астанъ, В. Г. Исторія японской литературы. Перев. съ англ. Владивостокъ. 1904. Ц. 2 р. 50 к.
- Бенонъ, Алиса. Женщина въ Японіи. Перев. съ 10-го америк. изд. Спб. 1904. Ц. 1 р. 30 коп.
- Бессаробя, М. Матеріалы для этнографіи Садлецкой губерніи. Спб. 1904.
- Брокгаузъ-Ефронъ. Японія и ея обитатели. Корея и корейцы. Изд. ред. „Вѣстникъ и Библіот. самообраз“. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Буличъ, Н. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. Часть I. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 3 р.
- Бѣлоконскій, М. П. Какъ живутъ японцы. Ростовъ на Дону. 1904.
- Бѣлоконскій, М. П. Корея. Ростовъ на Дону. 1904.
- Василеико, Н. П. О. М. Бодянский и его заслуги для изученія Малороссіи. Кіевъ 1904. 226 стр.
- Вермишевъ, Х. А. Матеріалы для исторіи грузино-армянскихъ отношеній. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Весновскій, В. Путеводитель по Уралу. Ек-бургъ. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Виноградовъ, Н. О народномъ говорѣ Шуйскаго волости Костромскаго уѣзда. Ч. I. Фонетика. Спб. 1904. 80 II+100 стр. (Изъ „Извѣстій отд. Р. Я.“ т. LXXVII).
- Гамилъгонъ, А. Корея. Перев. съ англ. Спб. Изд. А. Суворина. 1904 г.
- Гаринъ, Н. 1) По Корей, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову. Карандашемъ съ натуры. Спб. 1904 стр. 384. Ц. 1 р; 2) Корейскія сказки. Стр. 193. Ц. 60 к. Изд. т-ва „Знаніе“.
- Гельмольтъ, Г. Исторія человечества. Всемирная исторія. Составлена профессорамъ-специалистамъ. Т. II. Составленъ М. Брандтомъ, проф. д-ромъ К. Вейле, проф. Э. Шиндтомъ и д-ромъ Г. Шурцемъ. Пер. Б. Ф. Адлера и Л. Я. Штернберга подъ ред. акад. В. В. Радлова. Изд. т-ва. „Просвѣщеніе“. Вып. 1-й. Ц. 50 к.
- Гениель, Германъ. Боги Японіи. Изданіе Сойкина. 1904. 52 стр.
- Глаголевъ, С. Религія въ Японіи и Корей. Харьковъ. 1904 Ц. 30 к.
- Голубевъ, П. А. Историко-статистическія таблицы по Пермской губ. Пермь. 1904. Стр. XX+156. Ц. 1 р.
- Григорьевъ, А. Д. Архангельскія былины и историческія пѣсни, собранныя въ 1899—1901 гг., съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. I. Часть 1-я: Поморье. Часть 2-я: Пинега. Изд. Имп. Акад. Наукъ. М. 1904. 89. больш. LX+708 стр. Ц. 3 р. 50 к.
- Григорьевъ В. Ю. Перебѣны въ условіяхъ экономической жизни населенія Сибири (Енисейскій край). Красноярскъ. 1904. Стр. 104.
- Гуковский, Н. П. Городъ Ковна. Краткій историко-статистическій очеркъ. Ковна. 1904 г. Стр. 120.

Гумайонъ-Намъ. Басни и притчи Востока, -- въ переводѣ С. М. С.-Петербургъ. 1904 г. Изданіе редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы“. Стр. 184. Дальній Востокъ. В. І. Саратовъ. 1904.

Дорошенко, Д. Указатель источниковъ для ознакомленія съ южною Русью. Спб. 1904. Стр. 57, Ц. 40 к.

Дудоровъ, П. Въ страпъ маріонетокъ. Восп. объ Японіи. Спб. 1904.

Записки Отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. V. Выпускъ 2-й. Подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ С. Ѳ. Платонова. 1904.—Т. VI. 1903.

Ивановскій, А. А. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи 40. VI+287 стр. М. 1904. Ц. 3 р.

Истоинъ, В. А. Всеобщая исторія. Вып. I. Чтенія изъ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. М. 1904. 116+VIII стр. Ц. 50 к.

Юлесь, А. Мѣсто человѣка во вселенной. Пер. съ англ. Л. Дакіера. Изд. О. Поповой. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Катенина-Сѣткова, А. П. Собраніе народныхъ разсказовъ. Спб. 1904 Ц. 75 к. Новаленскій, М. Н. Японія. Очерки японской культуры. М. 1904.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированные чтенія по культурной исторіи. Вып. IV. Ассирійскій народъ и его боги покровители. Изд. 2-е. М. 1904. Ц. 30 к.

Кноррингъ, В. Черезъ Америку и Японію. Спб. 1904.

Крецимеръ, М. Отличительныя черты еврейской націи. Двинскъ. 1904. Ц. 15 к.

Кривошеиновъ, Ив. Матеріалы для изученія Пермскаго края. Географическій очеркъ Пермской губерніи. II. 1904 г. 80. Стр. съ 33 по 70. („Сборникъ Перм. Земства“, 1904, № 2. Приложение къ составленной авторомъ картъ Пермской губерніи).

Крымскій, А. Филологія и Погодинская гипотеза. Даетъ ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волинскомъ происхожденіи малоруссовъ? I—IV. (Изд. „Кіев. Стар.“). Кіев. 1904. 80. XXXVI+113 стр.

Лемке, Мих. Н. М. Ядрвицевъ, Біограф. очеркъ. Съ 8-ю иллюстр. и съ введеніемъ И. И. Попова. Изд. ред. газ. „Восточн. Обзоръ. Спб.“ Стр. XIV+219. Ц. 1 р. 50 к.

Лисенко, С. И. Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губ. Вып. III. Полт. 1904.

Лобода, А. М. Русскія былинныя о сватовствѣ. Кіевъ 1904. Стр. II+293.

Лонгиновъ, А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ Х. в. Историко-юридическое изслѣдованіе. Одесск. 1904. Стр. 161.

Лоуэль, П. Душа Дальняго Востока. Пер. съ англ. Спб. 1904.

Мечниковъ, И. И. Этюды о природѣ человѣка. Изд. ред. журн. Научное Слово. Стр. 218. Ц. 2 р. 50 к.

Михайловъ, А. В. Къ вопросу о литературномъ наслѣдіи свв. Кирилла и Меодія въ глаголическихъ хорватскихъ миссалахъ и бривіаріяхъ. Варшава. 1904. Стр. 145.

Модестовъ, В. И. (проф.). Введеніе въ римскую исторію. Вопросъ до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ доримскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Часть II. Этруски и Мессаты. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Носиловъ, Н. Д. У вогуловъ. Очерки и наброски. Съ 41-мъ рис. въ текстѣ Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904, 255 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Оичуновъ, Н. Печорскія былинны. Зап. геогр. Общ. по отд. этногр. Спб. Стр. XLV+424.

Остроумовъ, И. Г. Вогулы-манси. Историко-этнографическій очеркъ. Съ приложеніемъ: 1) словаря вогульскихъ словъ и 2) списка русской литературы о вогулахъ. Пермь. 1904. 80. 50 стр.

Пермскій. Научно-Промышленный Музей. Выпускъ I. Матеріалы для изученія Пермскаго края II. 80. II+247 стр. Ц. 1 р.

Пилипенко, Г. М. На Дальній Востокъ. Спб. 1904.

Погодинъ, А. Л. проф. Боги и герои Эллады. съ 15 рис. Ц. 1 р.

Приваловъ, Н. И. Гудокъ, древне-русскій народный музыкальный инструментъ, въ связи съ смычковыми инструментами другихъ странъ („Зап. Отд. русс. и слав. арх. И. Р. Арх. О. т. V“). Спб. 1904.

Пругавинъ, А. С. Старообрядчество во второй половинѣ XIX. вѣка. Очерки изъ новѣйшей исторіи раскола. Изд. Сытина. М. 1904. 8°. 280 стр. Ц. р.

Ратцель, Ф. Земля и жизнь. Перев. Г. Клуге, подъ ред. проф. Кротова. Съ рис., табл. и картами въ краскахъ. Т. I, вып. 1—7. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 1904. Ц. по 50 к. вып.

Реклю, Э. и О. Срединная имперія. Перев. съ франц. О. Косаговской. Изд. Гершуняна и К°. Спб. 1904. Ц. 90 к.

Рунинъ, С. Въ Манчжуріи. Спб. 1904.

Саратъ Чандра Дасъ. Путешествіе въ Тибетъ. Перев. съ англ. под. ред. В. Котовича. Спб. 1904. Ц. 4 р. (Книга этого ученаго иядуса интересна для знакомства съ населеніемъ, бытомъ, культомъ и т. д.).

Соколовская, Тира. Микенская керамика. Форма и орнаментъ сосудовъ микенскаго типа. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Стетсонъ, Шарлотта. Экономическое рабство женщины (Women und econo-mies). Исслѣдованіе экономическихъ взаимоотношеній мужчинъ и женщинъ, какъ фактора въ социальной эволюціи. Перев. съ англ. М. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 23-й. Саратовъ. 1903. Ц. 3 р.

Уваровъ П. С. Типы и нравы Сахалина. М. Изд. Д. И. Есинова. Стр. 344. Ц. 1 р. 25 к.

Ядыкъ, Л. Исторія угорской Руси. Съ двумя картами. Варшава. 1904.

Яцимирскій, А. И. Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Изданіе Императорской академіи наукъ, съ 14-ю снимками. С.-Петербургъ. 1904. Стр. 501.

Abboff, G. F. Macedonian Folklore. London, Cambridge. 1903.

Baring-Gould, S. A. Book of North-Wales. London, Methuen, 1903.

Belval, Chailan de. Au Tonkin. 1884—85. 1904. 8.

Bernard, F. A travers Sumatra de Batavia à Atjeh. 1904. 12.

Bishop, Isabella. Among the Tibetans. With illustrations.

Бобчевъ. Старобългарски правни паметници (помогало при изучаване исторіи-та на старобългарското право). Ч. I. София 1903. VII+176 стр. Ц. 2. 50 лева.

Bonvalot, G. L'Asie inconnue. A travers le Thibet et la Chine. 1904. 8.

Brinton, D. G. The basis of social relations. A study in ethnic Psychology. Lond. a. N. I. Putnam 1902.

Burgt, F. M. van der. Dictionnaire Français—Kirundi. Bois le Duc. (Hol-lande) 1904. Много этногр. данныхъ и рисунковъ, относящ. къ быту варудовъ.

Caland, W. Over de „Wenchoffers“. Bijdrage tot de Kennis van den Veda. Vol. I. Amsterdam, 1902. 8.

Chamberlain, A. F. Primitive Woman as Poet. отт. изъ Journ. of American. folk-lore. 19 3. X—XII.

Chamberlain, A. F. The Contribution of the American Indians to Civiliza-tion. отт. изъ Proceed. of the American Antiquarian Society. 1903. X.

Chavannes, Ed. Documents sur les Tou-Kue (Toures) occidentaux. CHU. 1903. 378 стр. Ц. 3 р. (Изд. Ак. Наукъ).

Cwije, J. Niederlassungen im serbischen Lande. Leipzig. 1903.

Dietrich, A. Eine Mithras Liturgie. Leipzig. 8.

Dorsey, G. A. The Arapaho Son Dance. Chicago, 1903.

Droeber, W. Kartographie bei den Naturvölkern, Erlangen, 1903. 6рш.

Durham, Mory, E. Through the Lands of the Serb.

Dussaud, R. Notes de mythologie Syrienne. Paris. 1903. 8. 6рш.

Dvorak, R. Chinas Religionen. Münster Aschendorff. 1903. 8. Darstell. aus d. Gebiete d. nichtchristlichen Religionen. XV.

Elser, R. Soziologie. Die Lehre von der Entstehung u. Entwicklung d. menschlichen Gesellschaft. Leipzig. Weber, 1903.

Engström, Th. Öland, dess historia, land och folk. Kalmar. 1903. (о. Эландъ).

Gillebous, A. S. N. Africa from South to North. (Особенно хорошо описана область Замбезе).

Гнатюк, Владимир. (зібрав.) Знадоби до галицько-руської демонології („Етн. Збірник“, Наук. Тов. ім. Шевч., т. XV) Льв. 1904. 8° 2+272 стр.

Gravier, Gabriel. Madagascar, les Malgaches, origines de la colonisation française, la conquête.

Gunkel, H. Israel u. Babylonien. Der Einfluss Babylonien auf d. israelitische Religion. Göttingen, 1903. 8. брош.

Günther, S. Ziele, Richtungen u. Methoden d. modernen Völkerkunde. Stuttgart, Enke, 1904.

Halbass, W. Eine Wanderung durch die deutschen Sprachinseln in Piemont. Neuhaldensleben. 1903.

Hamilton, A. Korea, das Land des Morgenröthe. Leipzig, Spamer, 1904. перев. съ англ.

Hertz, F. Moderne Rassentheorien. Wien, Stern, 1904.

Hogarth, D. G. The Penetration of Arabia.

Jegerlehner, J. Das Val d'Anniviers (Eivischthal) Führer durch Landschaft, Geschichte, Volk u. Sage eines Walliser Hochtales. Bern. 1904.

La Nézière, J. de. L'Extrême Orient en images. Corée, Mandchourie, Japon. Album—4. 1904.

Lefèvre, A. Germains et Slaves. Paris. 1903.

Лесевич, Владимир (зібрав), Оповідання Р. Ф. Чмихала. (Етнографічний збірник. Взд. Етн. Комісія Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XIV). Льв. 1904 8°. IV+340 стр.

Louis de la Vallée Poussin. Mulamadhyamakakarikas (Madhyamikasutras) de Nagarjuna avec la Prasannapada Commentaire de Candrakirti. СПб. 1903. 112 стр. II. 1 p. (Bibliotheca Buddhica IV).

Lumholtz, C. Unknown Mexico. London, 1903. 8. 2. v.

Lynch, G. Corée, Chine et Mandchourie. Les convoitises russes et japonaises. Tr. de l'anglais. 1904. 12.

Marchi, A. de. Il Culto privato di Roma Antica. II. Milan, 1903. 4.

Martonne, E. de. Recherches sur la distribution de la population en Valachie. Paris, Colin. 1903.

Mazzarella, G. Studi di Etnologia giuridica. v. I, 2. Catania.

Meyer, Christian. Die Ehre im Lichte vergangener Zeit. München. 1904.

Moret, A. Le rituel du culte divin journalier en Egypte. Paris. 1902. 8.

Negleln, J. v. Das Pferd im arischen Alterthum. Königsberg, 1903.

Pinet, E. Le culte de St. Geneviève à travers les siècles. Paris, 1903. 8.

Pfungst, Arthur. Aus der indischen Kulturwelt. (Очерки по инд. философии, религии, кастовому устройству, фольклору, легендам и т. д.).

Reich, H. Der Minus. Ein literar-entwicklungsgeschichtlicher Versuch. B. I. Berlin, 1903.

Report of the Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits. V. Sociology, Magic a. Religion of the Western Islanders. Cambridge, 1904.

Reuschel, K. Volkskundliche Streifzüge. Leipzig. 1903. 8.

Ribbe, Karl. Zwei Jahre unter den Kannibalen der Solomo-Inseln.

Richter, P. Bilder aus Ost-asien. I Japan, II Mandchurei u. Korea. III. Kiatschou. Güterloh, Bertelsmann. 1904.

Rijks, Ethnographisch Museum te Leiden. Verslag van den Directeur's Gravenhage, 1904.

Robertson, J. M. Pagan Christs. Studies in comparative hierology. London, Watts, 1903, 8.

- Rouse, W. H. Greek Votive Offerings. Cambridge. 8.
 Sandbery, Graham. The Exploration of Tibet.
 Schinz, H. Schweizerische Africareisende u. d. Antheil d. Schweiz an d. Erschliessung u. Erforschung Afrikas überhaupt. 6ром. 1904.
 Schirmelsen, K. Die Entstehung d. germanischen Göttergestalten. Brünn, Winiker, 1904.
 Sergi, G. Gli Aarii in Europa e lu Asia. Torino, Bocca, 1903.
 Speyer, J. S. Avadanaçataka a century of edifying tales, belonging to the hinayana. II. 1903. II. 1 p. (Bibliotheka Buddhica).
 Stevens, Willaw. The Slave in history, his sorrows and his Emancipation.
 Stratz, C. H. Was sind Juden? Eine ethnographisch-anthropologische Sludie. Wien. Leipzig, 1903. 6ромюра.
 Wiltser, L. Die Germanen. Beiträge z. Völkerkunde. Eisenach n. Leipz. 1904.
 Wyon, Reginald. The Balkans from Within.
-

Х Р О Н И К А.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. и состоящей при немъ Музыкально-Этнографической Комиссіи за 1903—1904 годъ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла, согласно выборамъ 23 ноября 1903 года, составляли: Предсѣдатель — поч. чл. *В. Θ. Миллеръ*, Товарищъ Предсѣдателя — непр. чл. *Н. А. Янчукъ*, Секретарь — непр. чл. *В. В. Бодановъ*, Библіотекаръ — дѣйств. чл. *А. А. Борзовъ*, Помощникъ библіотекаря — дѣйств. чл. *Е. Н. Елеонская*.

Этнографическій Отдѣлъ въ отчетномъ году имѣлъ 14 засѣданій, изъ нихъ 3 публичныхъ, соединенныхъ съ музыкальной комиссіей, и 11 закрытыхъ. На этихъ засѣданіяхъ сдѣлано было 23 сообщенія:

I. В. Θ. Миллеръ: 1) Историческія пѣсни изъ Сибири. 2) Неизданныя историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ.

II. Н. А. Янчукъ: Вл. Θ. Одоевскій и его отношеніе къ русской музыкѣ — церковной и народной. (Съ демонстраціями на экранѣ).

III. Д. И. Аракчиѣвъ: Сравнительный обзоръ грузинско-имеретинской музыки. (Гурійская вѣтъ). (Съ демонстраціями фотографій на экранѣ и иллюстраціями мелодій solo, хоромъ и фонографомъ).

IV. Н. Л. Бродскій: Слѣды профессиональных сказочниковъ въ русскихъ сказкахъ.

V. А. М. Завадскій: Народцы Андійскаго Койсу. (Доложилъ В. Θ. Миллеръ).

VI. И. Н. Глушковъ: Украшенія у туркменскихъ женщинъ.

VII. В. Копыловъ: Очеркъ быта и религіи сѣверобайкальскихъ бурятъ. (Доложилъ А. Н. Максимовъ).

VIII. С. К. Кузнецовъ: 1) Болѣзнь и смерть черемиса. 2) Поминки умершаго въ 7-й и 40-й день. 3) Поминки у черемисъ на Страстной недѣлѣ и въ Троицу. 4) Загробныя вѣрованія черемисъ. 5) Общинные порядки у вотяковъ.

IX. Е. Э. Линева: 1) Задачи музыкантовъ-этнографовъ. (Съ демонстраціями мотивовъ solo, хоромъ и фонографомъ). 2) Малорусскія народные пѣсни и ихъ собиратели. По поводу лѣтней поѣздки въ Малороссію. (Съ музык. иллюстраціями).

X. А. В. Марковъ: 1) Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ. 2) По сѣверу Россіи. Впечатлѣнія изъ этнографическихъ экскурсій. (Съ

иллюстраціями фотографій на экранѣ и мелодій solo, хоромъ, фонографомъ).

XI. *Б. В. Рудинъ*: Народная свадьба, наговоры и пѣсни въ Кинешемскомъ и Костромскомъ уѣздахъ.

XII. *В. И. Рязановъ*: Къ вопросу о новѣйшихъ наслѣдіяхъ въ русской народной пѣснѣ. (Доложилъ Н. А. Янчукъ).

XIII. *Н. Н. Соколовъ*: Изъ лѣтнихъ діалектологическихъ изысканій.

XIV. *С. К. Шамбинаго*: Къ литературной исторіи старинъ о Волгѣ.

XV. *А. К. Шемшединовъ*: Изъ кумыцкихъ сказаній.

XVI. *А. С. Якубъ*: Къ былинѣ о Суханѣ.

Отдѣлъ продолжалъ выпускать свое періодическое изданіе «Этнографическое обозрѣніе» подъ редакціей Вс. Ѳ. Миллера и Н. А. Янчука. Съ 1904 года журналъ вступилъ въ 16-й годъ изданія.

Музыкально-Этнографическая Комиссія, состоящая при Отдѣлѣ, имѣла въ отчетномъ году слѣдующее бюро: Предсѣдатель Комиссіи *Н. А. Янчукъ*, Товарищъ Предсѣдателя *А. Т. Гречаниновъ*, Секретарь *Е. Э. Линева*, казначей *А. В. Марковъ*, бібліотекаръ *В. В. Пасхаливъ*.

Комиссія имѣла 10 засѣданій, въ томъ числѣ 7 закрытыхъ и 3 публичныхъ (соединенныхъ съ засѣданіями Отдѣла). Одно изъ публичныхъ засѣданій было посвящено памяти кн. В. Ѳ. Одоевскаго по случаю столѣтія со дня его рожденія.

Сдѣлано было 13 сообщеній; изъ нихъ пять названы выше: Д. И. Аракчіева, А. В. Маркова (второе), Е. Э. Линева (оба) и Н. А. Янчука. Остальныя—на слѣдующія темы:

1. *Д. И. Аракчіевъ*: О духовномъ пѣніи грузинъ (предварительный отчетъ).

2. *Е. Э. Линева*: Опытъ фонографическихъ записей въ Полтавской губерніи.

3. *А. И. Листопадовъ*: Народная пѣсня на Дону.

4. *А. Л. Масловъ*: а) О духовныхъ стихахъ и каликахъ. б) О задачахъ музыкальной этнографіи. в) О фотофонографѣ.

5. *В. В. Пасхаловъ*: а) Князь Одоевскій о собраніи русскихъ пѣсенъ Праца, б) О гармонизаціи одной русской пѣсни у Ю. Арнольда.

25-го февраля 1904 года отъ имени Комиссіи въ пользу фонда на ея изданія почетнымъ членомъ Общества, академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ, была прочитана платная публичная лекція на тему: «Русская народная пѣсня и ея значеніе для науки». (Лекція сопровождалась демонстраціями народныхъ мелодій.)

Комиссіей въ послѣднее время обращено было особенное вниманіе на духовные стихи, менѣе всего изучавшіеся съ музыкальной стороны. Кромѣ фонографическихъ записей, сдѣланныхъ членами Комиссіи во время лѣтнихъ экскурсій, записи производились также въ закрытыхъ засѣданіяхъ Комиссіи отъ хорошихъ исполнителей при помощи графофона. Получена фонографическая коллекція изъ 70 фонограммъ отъ А. М. Завадскаго съ Кавказа.

Въ текущемъ году Высочайше дарованы средства въ суммѣ 2000 р., отпущенныя изъ Государственнаго Казначейства въ единовременное пособие Муз.-Этнографической Комиссіи на изданіе «Трудовъ». Комиссія считаетъ обеспеченнымъ выходъ въ свѣтъ двухъ томовъ «Трудовъ». 1-й томъ уже печатается, 2-й готовится. Кромѣ того, законченъ печатаніемъ «Школьный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень» въ качествѣ пособия при обученіи пѣнію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; пособие это разсчитано также на то, чтобы содѣйствовать сохраненію въ народѣ лучшихъ народныхъ старинныхъ пѣсень и любви къ нимъ въ образованномъ обществѣ.

На средства члена Комиссіи П. Д. Самарина готовятся къ изданію нѣкоторые изъ трудовъ покойнаго члена О-ва Ю. П. Мельгунова, а именно: 1. «Учебникъ ритмики», составленный имъ и издаваемый подъ ред. ак. Ѳ. Е. Корша, 2) «Общая теорія ритмики Руд. Вестфала въ переводѣ Ю. П. Мельгунова и съ его добавленіями».

Музыкально-Этнографическая Комиссія ходатайствовала передъ Отдѣломъ о представленіи къ награжденію золотой медалью *Е. Э. Линево* за ея выдающіеся труды въ области русской музыкальной этнографіи и серебряною медалью *А. М. Листопадова* за изслѣдованіе доескихъ пѣсень. Означенныя награды были присуждены Обществомъ въ засѣданіи 11-го октября. Комиссіей была представлена въ Отдѣлѣ слѣдующая мотивировка по поводу этихъ наградъ:

Въ послѣдніе годы одной изъ важнѣйшихъ задачъ Этнографическаго Отдѣла было изслѣдованіе русской пѣсни и народной музыки. Для этой цѣли Отдѣломъ учреждена и специальная Музыкально-Этнографическая Комиссія. Несомнѣнно, что это явленіе стоитъ въ связи съ общимъ оживленіемъ въ наукѣ интереса къ народному творчеству не только въ области словесности, но и вообще художественныхъ проявленій народнаго духа. Этотъ интересъ къ народному творчеству въ настоящее время вступилъ въ нѣны фазы, чѣмъ прежде: на мѣсто простого любопытства, курьеза или сентиментальной идеализаціи выступаютъ на первый планъ требованія точнаго знанія. Научная оцѣнка того, что было сдѣлано раньше разными собирателями и изслѣдователями, привела къ прискорбному выводу о недостаточности достовѣрныхъ данныхъ, собранныхъ съ знаніемъ дѣла, а въ связи съ этимъ явилось неизбежнымъ недоувѣріе и къ тѣмъ выводамъ и обобщеніямъ, какіе дѣлались на основаніи неточныхъ данныхъ. Въ области народной словесности такіе вопросы, какъ, напр. исчезновеніе былинныхъ пѣвцовъ, полное оскудѣніе былевоего эпоса, вырожденіе и вымирание народной пѣсни вообще, считались уже почти безповоротно рѣшенными, и самое дѣло дальнѣйшаго изслѣдованія ставилось чуть ли не на степень ненужнаго пустого занятія. Къ счастью, однако, подобныя утвержденія оказались далеко не основательными, и въ этомъ дѣлѣ немалая заслуга принадлежитъ нашему Этнографическому Отдѣлу. Изъ его среды въ послѣдніе годы выступаетъ нѣсколько лицъ, которыя своими энергичными изслѣдованіями содѣйствуютъ опроверженію ложно-установившихся мнѣній и обогащаютъ

науку новыми цѣнными данными въ области народнаго поэтическаго творчества. Исслѣдованія на берегахъ Бѣлаго моря, произведенныя членами Отдѣла А. В. Марковымъ и А. Д. Григорьевымъ, доказали живучесть былинной традиции до настоящаго времени. Поѣздки другихъ членовъ въ разныя области Россіи дали ясныя доказательства, что и другіе виды народной поэзіи далеко не исчезли и не выродились, а только ждутъ серьезныхъ изслѣдователей. При этомъ Отдѣлъ въ лицѣ своихъ отдѣльных членовъ обратилъ особенно серьезное вниманіе на ту сторону пѣснотворчества, которая прежде пренебрегалась, именно—музыкальную. Цѣлый рядъ поѣздокъ членовъ Отдѣла А. Л. Маслова, И. С. Тезавровскаго, Д. И. Аракчіева и др. дали въ результатѣ цѣнный музыкальный матеріалъ, который въ настоящее время готовится къ выходу въ свѣтъ и дастъ несомнѣнное свидѣтельство о богатомъ музыкальномъ запасѣ, хранящемся въ нѣдрахъ народа. Исслѣдователи, подобные вышеназванному, несомнѣнно, должны заслуживать наше уваженіе и имѣютъ полное право на нравственную поддержку со стороны Общества. Нѣкоторымъ изъ нихъ Общество уже оказало свое вниманіе, присудивъ тѣ или другія награды за ихъ научные труды. Теперь настала очередь отбѣтить выдающіяся заслуги другихъ нашихъ сочленовъ на томъ же поприщѣ, именно Е. Э. Линевой и А. М. Листопадова. Г-жа Линева, давно уже посвятившая себя дѣлу изученія русской музыки и народной пѣсни, способствовавшая ея популяризациі у насъ и среди иностранцевъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ совершила цѣлый рядъ отдаленныхъ экскурсій, главнымъ образомъ на свои средства, для научныхъ наблюденій въ той же области и для собиранія новыхъ достовѣрныхъ матеріаловъ. При этомъ особенно достойно вниманія, что г-жа Линева впервые примѣнила къ дѣлу точнаго записыванія напѣвовъ фонографъ, который устраняетъ всякія сомнѣнія въ вѣрности записей и даетъ въ высшей степени цѣнный научный матеріалъ. Результаты своихъ наблюденій г-жа Линева неоднократно излагала въ докладахъ Обществу и Отдѣлу. Наконецъ, на-дняхъ вышелъ въ свѣтъ 1-й выпускъ ея великорусскихъ матеріаловъ въ Извѣстіяхъ И. Академіи Наукъ. Всѣ эти труды даютъ ей право на золотую медаль Общества.

А. М. Листопадовъ, своими изслѣдованіями открывшій совершенно особый типъ русской пѣсни на Дону и собравшій обширный и цѣнный матеріалъ, заслуживаетъ награжденія серебряною медалью. Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что значительная часть матеріаловъ Е. Э. Линевой и А. М. Листопадова вмѣстѣ съ ихъ научными статьями печатаются въ Трудахъ Музыкально-Этнографической Комиссіи Этнографическаго Отдѣла.

Лѣтнія экскурсіи членовъ Этнографическаго Отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи были совершены съ значительнымъ научнымъ успѣхомъ. А именно:

1. Д. И. Аракчіевъ поѣхалъ въ Терскую область, къ грузинамъ-казакамъ, живущимъ въ станицахъ Александровской и Шел-

козаводской. Изъ первой станицы ему пришлось выѣхать на слѣдующій день обратно, «по независящимъ отъ него обстоятельствамъ». Во второй станицѣ онъ записалъ восемь грузинскихъ 2-х- и 3-хголосныхъ пѣсенъ и три ногайскихъ. Отсюда онъ направился въ Тиолисъ и по дорогѣ, въ вагонѣ, записалъ на бумагѣ одну армянскую пѣсню и инструментальную мелодію. Поѣздка изъ Тиолиса въ разныя деревни оказалась для г. Аракчіева неудачной, и только впоследствии, въ самомъ Тиолисѣ, ему удалось вознаградить себя. Въ Тиолисѣ онъ фонографировалъ слѣдующія мелодіи: 3 духовныхъ пѣснопѣнія (трехголосн.), 3 духовн. пѣсни со свѣтскими текстами (трехголосныхъ), 9 баяти, 1 тушинскую пѣсню, 1 пѣсню на дудкѣ казака стан. Михайловской Куб. обл., 1 гопакъ отъ него же, 1 грузино-мингрельскую пѣсню (на бумагѣ), 35 пѣснопѣній на литургію св. Іоанна Златоустаго (трехголосныя). По окончаніи этихъ записей Д. И. Аракчіевъ выѣхалъ въ Армавиръ Куб. обл. По дорогѣ ему пришлось еще записать отъ студента-болгарина двѣ болгарскія пѣсни и въ самомъ Армавирѣ одну плясовую груз. мелодію на пандури и одну пѣсню армавирскихъ армянокъ. Последнія тоже пришлось записать на бумагѣ. Въ общемъ ушло на запись 42 фонограммы, т.-е. все, что было взято изъ Москвы, и только недостатокъ въ послѣднихъ заставилъ прекратить работу. Такимъ образомъ всего записано 67 вокальныхъ пѣсенъ и 4 инструментальныхъ, всего 71 номеръ. Изъ вокальныхъ пѣсенъ особенно цѣнны въ научномъ отношеніи пѣсни грузинъ-казаконъ, которые, будучи оторваны отъ родного края, болѣе 150 лѣтъ сохраняли ихъ, и затѣмъ старинныя баяти, которыя теперь рѣдко кто поетъ. Духовныя пѣснопѣнія, разумеется, сами по себѣ представляютъ тоже большую цѣнность.

2. *А. Д. Григорьевъ* въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи занимался изученіемъ мѣстнаго народнаго говора.

3. *Е. Н. Елеонская* ѣздила въ Козельскій у. Калужской губерніи, откуда ею вывезены коллекціи народной посуды, фотографическихъ снимковъ и принадлежности мѣстнаго костюма.

4. *С. К. Кузнецовъ* совершилъ поѣздку къ черемисамъ и вотякамъ Казанской и Вятской губ. Цѣль поѣздки заключалась въ пополненіи прежнихъ наблюденій, въ собираніи произведеній народнаго творчества инородцевъ и ихъ костюмовъ. С. К. Кузнецовъ изслѣдовалъ районъ вотскихъ и черемисскихъ поселеній въ предѣлахъ малмыжскаго, уржумскаго и яранскаго уѣздовъ Вятской губ., мамадышскаго и царевкокшайскаго уѣздовъ Казанской губ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ записывались пѣсни и преданія, изучались вѣрованія инородцевъ и собирались костюмы. Между прочимъ, впервые удалось записать черемисскія сказки. Отдѣлъ пѣсенъ настолько богатъ, что является полная возможность дать характеристику народной поэзіи черемисъ. Записанныя преданія касаются главнымъ образомъ отношеній черемисъ къ русскимъ и вотякамъ; можно отмѣтить здѣсь, что нѣкоторые моменты историческаго прошлаго обоихъ племенъ довольно ярко обрисовываются въ этихъ преданіяхъ. Параллельно съ собираніемъ преданій осматривались мѣста

битвъ черемисъ съ вотяками въ Уржумскомъ уѣздѣ: такъ наз. «Мертвое поле» (= *Шоарà нур*) и Ядыгаровъ городокъ (= *Ядыгар ола*). или вотяковъ съ татарами (близъ с. Цыпья). Руководствуясь указаніями документовъ ХVІІ в., С. К. Кузнецовъ отыскалъ потомковъ черемисскихъ князей въ предѣлахъ Марисолинскаго прихода Кузнецовской волости, Уржумскаго уѣзда; потомокъ этихъ князей до сихъ поръ называется «князенкомъ» или «царѣнкомъ», а вся ближайшая мѣстность, населенная черемисами, наз. *онѣ-марі* — «княжескіе черемисы». Любопытно, что циклъ языческихъ праздниковъ, начинаемый весеннимъ «праздникомъ сохи» (*анà* = *пайрàm*), начинается обыкновенно въ этой мѣстности, при огромномъ всякій разъ стеченіи народа.

Область религиозныхъ вѣрованій черемисъ и вотяковъ изслѣдовалась наиболѣе подробно. На этотъ разъ собранъ обширный матеріалъ о кереметахъ и изслѣдовано обиталище древнѣйшаго и наиболѣе могущественнаго черемисскаго Керемета-*Чумбулата*, а у вотяковъ — бога *Астайи*, играющаго ту же роль. До поѣздки своей С. К. Кузнецовъ разсчитывалъ встрѣтить только жалкіе остатки язычества у вотяковъ и черемисъ, но оказывается, что язычество далеко еще отъ умиранія, напротивъ, по мѣстамъ оно значительно окрѣпло. Священные роцѣ черемисъ (*кюс-ото*) и вотяковъ (*бадзым луд*) строго охраняются: онѣ снабжены теперь прочною изгородью, а ворота запираются на замокъ отъ посягательства невѣрующихъ. Всѣ приспособленія для жертвоприношеній, которые прежде дѣлались на время, теперь устроены прочно и на долгій срокъ; роцѣ часто осматриваются, чтобы предупредить всякое святотатство. Съ другой стороны, С. К. Кузнецову пришлось констатировать крайне своеобразное отношеніе со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей къ язычеству. Тѣмъ и другимъ властямъ въ большинствѣ чуждо знаніе быта, вѣрованій и особенно языка инородцевъ; все ограничивается въ этомъ вопросѣ чисто формальными, карательными мѣрами: духовенство, завидя дымъ жертвенныхъ костровъ, устраиваетъ немедленно крестный ходъ, урядники и стражники составляютъ протоколы, чтобы привлечь участниковъ моленія къ ответственности по 29 ст. уст. о наказ., налаг. миров. судьями. Во всемъ обследованномъ районѣ С. К. Кузнецовъ нашелъ всего 12 священниковъ, свободно владѣющихъ инородческимъ языкомъ (изъ нихъ 9 человекъ — инородцы по происхожденію); этого слишкомъ мало на громадный районъ съ населеніемъ до полу-милліона душъ. Свѣтскія власти еще безсильнѣе въ борьбѣ съ язычествомъ и примѣняютъ всего охотнѣе карательныя мѣры. Инородческій міръ раскололся на двѣ половины: одна тянется къ русскимъ и охладѣла къ язычеству совершенно, другая ревниво оберегаетъ свои старыя вѣрованія и уже стремится, хотя бы отчасти, привести ихъ въ систему, о чемъ заботятся нѣкоторые ревнителѣ. Молодое инородческое поколѣніе, прошедшее школу, очутилось въ безвыходномъ положеніи: родители настаиваютъ на соблюденіи языческихъ обрядовъ, а молодежь готова бы доказать старикамъ превосходство христіанства, но ей недоступны тѣ многочисленные переводы на инородческіе языки, которые тысячами экземпляровъ выпускаетъ Брат-

ство святителя Гурія въ Казани. Положеніе этой молодежи поистинѣ жалко, и оно уже сказалось въ народной черемисской пѣснѣ. Помимо гоненія на языческіе обряды, различныя строгости направлены противъ народныхъ увеселеній. Какъ это ни странно, въ Вятской губ. пѣсня и хоробы исчезли съ улицы, откуда молодежь разгоняютъ (на основ. 29 ст. устава онаказ.) урядники и стражники. Теперь молодежь для пѣнія и плясокъ собирается на гумнахъ и въ огородахъ или въ наглухо огороженномъ дворѣ. У русскаго населенія теперь не увидите обряда «козомолья» (на Троицкой недѣлѣ), а ноябрьскія «кузьминки» если и совершаются кое-гдѣ, то подъ страхомъ полицейскаго протокола. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ инородческій міръ сдѣлался болѣе замкнутымъ; попасть въ него этнографу, если онъ не знаетъ языка, крайне трудно. Такое печальное явленіе наблюдается со времени знаменитаго мултанскаго процесса.

Этотъ процессъ ярко раскрылъ наше невѣжество относительно быта и вѣрованій инородцевъ—съ одной стороны; съ другой стороны—онъ породилъ особый классъ любителей отыскивать у нашихъ поволжскихъ инородцевъ что-нибудь запретное, таинственное, напримѣръ—слѣды каннибализма. Въ одномъ уржумскомъ уѣздѣ, благодаря этому, съ наибольшимъ годъ тому назадъ едва было не разыгрались два дѣла, аналогичныхъ мултанскому: одно по обвиненію черемисина дер. *Марі-солд* въ попыткѣ принести въ жертву своего племянника (окончилось увольненіемъ исправника), другое—по обвиненію черемиски с. *Сермуръ* въ продажѣ своей дочери для жертвоприношенія за 100 р. (окончилось внушеніемъ кому слѣдуетъ). Благодаря всему вышеуказанному, дѣлая пропасть отдѣляетъ теперь коснѣющихъ въ язычествѣ инородцевъ отъ всякаго разумнаго на нихъ воздѣйствія. Безъ знанія языка подобное воздѣйствіе невозможно, а всякое любопытство со стороны возбуждаетъ полное недовѣріе инородцевъ. Прежде черемисинъ просто молился объ избавленіи себя отъ стихійныхъ бѣдствій, голода и лютаго звѣря; теперь, заперевъ ограду жертвенной рощи и поставивъ вдоль нея караулъ, черемисы коленопреклоненно просятъ великаго бога (*Кууъ Юмо*), чтобы онъ спасъ и избавилъ ихъ «отъ мошенника исправника, отъ мошенника попа, отъ мошенника урядника и стражника...» Далѣе идти некуда... Параллельно съ усиленіемъ язычества древняго, съ его кровавыми жертвами и вѣковыми рощами, ширится и крѣпнеть секта «большой свѣчи» (*кууъ сортà*), зародившаяся въ 1881 г. въ Яранскомъ уѣздѣ. Секта эта отвергаетъ кровавыя жертвы, признаетъ одного верховнаго бога и допускаетъ только жертву безкровную—восковую свѣчу и зерновой хлѣбъ; очищающимъ элементомъ она считаетъ не огонь, а воду, но сохраняетъ вѣру во вѣшательство шайтана въ человѣческія дѣйствія, котораго и изгоняютъ съ моленія деревяннымъ мечомъ. Протекло слишкомъ 20 лѣтъ со времени основанія секты, и никто не позаботился изучить ее. Ссылка въ Сибирь основателей секты не привела ни къ чему: теперь секта охватила по всѣмъ радіусамъ смежныя уѣзды: царевкокшайскій, уржумскій и яранскій. Духовенство наше, по незнанію языка, не только не сумѣло

воспользоваться этимъ движеніемъ среди язычествующихъ въ свою пользу, но и не сдѣлало ровно ничего для изученія секты, такъ что теперь совершенно безсильно бороться съ нею. Сектанты есть во всѣхъ почти селахъ западной части Уржумскаго уѣзда, но они мало замѣтны, такъ какъ молятся по домамъ, плотно закрывая ставни и никого къ себѣ не выпуская. Въ то же время мусульманская пропаганда дѣлаетъ свое дѣло на югѣ Уржумскаго уѣзда.

Во всемъ остальномъ инородческая жизнь носить старую окраску. Правы остались прежніе: снохачество процвѣтаетъ, половая свобода сохранилась попрежнему, суевѣрій среди язычествующихъ сколько угодно; во внѣшности замѣтнѣе становится русское вліяніе, сказавшееся на костюмѣ. Молодое поколѣніе, прошедшее школу и порвавшее всякую связь со стариной, чувствуетъ себя крайне одинокимъ и стремится подалѣе уйти отъ родной среды.

Жреческая организація черемисъ, сторонниковъ кровавыхъ жертвоприношеній, попрежнему живетъ на выборномъ началѣ, съ верховнымъ жрецомъ въ главѣ. Знаменитый сновидецъ, занимавшій этотъ постъ 20 лѣтъ и давшій нѣкогда нашему сочлену свою рекомендательную тамгу, открывавшую ему всюду доступъ, недавно умеръ. Преемникъ его, хотя и пользуется сильнымъ вліяніемъ, но далеко не имѣетъ того обаянія, которымъ славился его предшественникъ. Несчастный верховный жрецъ этотъ, организовавъ одно за другимъ большія моленія черемисъ, не выходитъ изъ штрафовъ: послѣдній, къ которому онъ присужденъ, достигаетъ 100 р., но это не столько отражается на его достаткахъ (такъ какъ онъ человѣкъ богатый) сколько озлобляетъ его противъ гоненій.

Собранная С. К. Кузнецовымъ коллекція костюмовъ заключаетъ много древнихъ экземпляровъ; между прочимъ, есть головные уборы, украшенные монетами Ивана Грознаго, Михаила Федоровича, Алексѣя Михайловича и Петра Великаго. Образцы древнѣйшаго шитья любопытны по богатству тоновъ цвѣтного шелка и по звѣриному орнаменту. Всего приобрѣтено свыше 300 нумеровъ: костюмовъ, рубашекъ, фартуковъ, платковъ обыкновенныхъ и свадебныхъ, поясовъ, полотенецъ и головныхъ уборовъ, не считая различныхъ подвѣсочныхъ украшеній.

Сверхъ того, С. К. Кузнецовъ собралъ значительный матеріалъ для изученія быта вотяковъ, особенно ихъ родственныхъ отношеній, погребальныхъ и свадебныхъ обрядовъ, а также не упускалъ случая дополнить давно задуманный имъ словарь черемисскаго языка.

Б. А. Л. Масловъ ѣздилъ за границу для изученія музыкально-этнографическихъ инструментовъ, хранящихся въ западно-европейскихъ музеяхъ.

Б. А. В. Марковъ записалъ тексты отъ крестьянина Смоленской губ., Юхнов. уѣзда, 6 духовныхъ стиховъ: Федоръ Тыринъ, Голубинная книга, Егорій Храбрый, Страшный судъ, Михайло Архангелъ и Василій Бессарійскій. Напѣвы трехъ изъ нихъ записаны В. В. Пасхаловымъ. Кромѣ того, отъ крестьянина Рязанской губ. А. В. Марковымъ запи-

саны 2 сказки (про царя Соломона и невѣрную жену и про Сибгурочку) и 1 святочная обрядовая пѣсня.

7. *Б. В. Рудинъ* въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ былъ въ Костромскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ. Кромѣ того, ему пришлось быть провожатымъ нынѣ покойнаго В. И. Сизова въ его археологической поѣздкѣ въ с. Домино Буйскаго уѣзда. Въ общемъ имъ сдѣланы слѣдующія записи: 14 духовныхъ стиховъ, 1 истор. пѣсня, 6 наговоровъ, 20 причетовъ или причитаній, 10 свадебныхъ пѣсень, 15 хороводныхъ, 18 святочныхъ игорныхъ, 16 общаго бытового характера.

8. *Н. Н. Соколовъ* ѣздилъ въ Тверскую губернію, гдѣ изучалъ мѣстные говоры сѣв.-великорус. нарѣчія и опредѣлялъ границы ихъ распространенія. Имъ представленъ слѣдующій отчетъ:

Цѣлью моей поѣздки было опредѣленіе характера и распространенія говоровъ сѣв.-великорус. нарѣчія въ предѣлахъ четырехъ уѣздовъ Тверской губ. — Старицкаго, Zubцовскаго, Ржевскаго и Осташковскаго.

Поѣздку свою я началъ отъ Твери. Будучи знакомъ предварительно съ нѣкоторыми говорами этого района по неизданнымъ еще отвѣтамъ на программы, любезно присланнымъ мнѣ П. отд. Имп. Академіи Наукъ, я назначилъ себѣ для объѣзда: зап. часть Старицкаго уѣзда, юж. ч. Zubц. у., зап. ч. Ржев. у. до границы тамошней Бѣлоруссіи и весь Осташковскій уѣздъ, кромѣ крайней западной Новинской вол. Предварительно я былъ въ Торжкѣ и познакомился съ говоромъ его южныхъ окрестностей, особенно с. Загорья Сукромлинской вол. Въ Старицкомъ уѣздѣ я совершилъ круговую поѣздку отъ города на Страшевичи, Рясню, Хорошово Киселевск. вол., Луковниково и Боярники Рясинской вол., Денежное Павликовск. вол., Мологино и ст. Панино Новоторжск. вѣтви Ник. ж. д. Въ Zubцовск. у. я шелъ на югъ на Коробино и Щекодино, а въ другой разъ былъ въ окрестностяхъ ст. Осуга, Новоторж. ж. д., на сѣверъ же добѣжалъ до с. Столыпина. Въ Ржевск. у. я посѣтилъ сначала сѣв. окрестности города на разст. 7—8 верстъ, а затѣмъ совершилъ переѣздъ въ Осташковъ по большому почтовому тракту, оставившаяся на почтовыхъ ст. Бахмутово, Сытьково и Ельцы. Въ Осташковскомъ уѣздѣ я былъ на слѣд. ст. того же тракта: Коша, Селижаровъ посадъ и Зсхновъ, откуда пѣшкомъ прошелъ до города. Около города я посѣтилъ еще нѣкоторыя селенія Ёмшинской волости. Затѣмъ совершилъ поѣздку на пароходѣ черезъ озеро Селигеръ до ст. Полново (въ Демьянск. у. Новгород. губ.) и по дорогѣ оттуда остановился въ с. Кравотыни. Отсюда прошелъ черезъ ближайшія селенія на Нилову пустынь и, переправившись здѣсь черезъ озеро, на почт. ст. Звягино, оттуда пробѣжалъ на Князево и погостъ Стерть. Здѣсь посѣтилъ селенія по верховьямъ Волги до д. Волговерховье включительно и оттуда черезъ паромную ст. Свапушу на пароходѣ вернулся въ городъ. Наконецъ изъ Осташкова я совершилъ поѣздку на Вышній-Волочекъ по тракту, нѣсколько отступающему отъ почтоваго, и посѣтилъ при этомъ нѣкоторыя селенія восточной части уѣзда, а именно: Крапивню, Жданово, Ёли (Еля), Ивановъ дворъ и Пухтину горку. Въ эту же поѣздку мнѣ пришлось оста-

навливаться въ двухъ селеніяхъ Вышневолоцкаго уѣзда. Изъ Вышняго Волочка я проѣхалъ прямо на Москву.

Въ результатѣ этой поѣздки мнѣ удалось установить слѣдующіе типы говоровъ въ предѣлахъ указанныхъ четырехъ уѣздовъ:

1) Переходные говоры, имѣющіе сѣв.-великорус. основу и получившіе затѣмъ различныя наслоенія южно-великорус. характера, въ томъ числѣ и аканье.

2) Смѣшанные говоры, имѣющіе, повидимому, южн.-вел.-рус. основу съ различными наслоеніями сѣв.-великорус. характера.

3) Смѣшанные говоры, имѣющіе бѣлорусскую основу, съ различными наслоеніями также сѣв.-великорус. характера.

Окающихъ говоровъ въ этихъ уѣздахъ вовсе нѣтъ.

Въ говорахъ 1-й группы я различаю 2 типа, которые, можетъ быть, являются различными стадіями одного и того же развитія: а) говоры, которые можно назвать переходными лишь въ томъ смыслѣ, какъ и говоры въ районѣ Москвы, и б) говоры, основа которыхъ до сихъ поръ выступаетъ ясно, какъ типичная сѣв.-великорусская.

Мое изученіе было направлено главнымъ образомъ на говоры 1-ой группы и, въ частности, на говоры 2-го ея подраздѣленія. Здѣсь я старался опредѣлять совокупность чертъ, которыя съ достаточной ясностью обнаруживаютъ сѣв.-великорус. основу, и затѣмъ прослѣдить распространеніе и отношенія различныхъ сѣв.-великорус. чертъ между собою.

Что касается распространенія различныхъ типовъ говоровъ въ изслѣдованной мною мѣстности, то мнѣ удалось установить слѣдующее.

Въ Старицкомъ у. граница 2-хъ типовъ говоровъ 1-й группы проходить съ сѣв.-вос. на юго.-зап., при чемъ на сѣв. и югѣ она приблизительно совпадаетъ съ линіей жел. дороги, а въ центрѣ значительно отступаетъ отъ нея на западъ. Такимъ образомъ къ говорамъ б) здѣсь можно отнести: почти всю Страшевскую вол., Киселевскую вол. Говоры ю.-зап. части Старицкаго уѣзда можно считать приблизительно однородными и принадлежащими къ типу а).

Въ Zubцовскомъ уѣздѣ говоры типа в) собственно нѣтъ, но есть говоры, приближающіеся по консервативности къ этому типу. Таковы говоры села Столыпина и окрестностей, опис. въ прогр. Рахманиной. Они занимаютъ небольшое пространство на Волгѣ въ зап. ч. уѣзда, которая составляетъ какъ бы географическое продолженіе лѣсной и болотистой Мологинской вол. Старицкаго уѣзда.

Въ Zubцовскомъ у. надо отмѣтить границу говоровъ съ ю.-в.-русс. основой. Они врѣзаются въ Zubц. у. изъ Ржевскаго у. Центромъ ихъ является самый городъ. На югъ отъ города ихъ, повидимому, нѣтъ вовсе. На сѣверъ они идутъ не далѣе 7—8 верстъ и дорога на Ржевъ является приближительно границей ихъ распространенія въ Zubц. уѣз.

Въ Ржевск. у. они идутъ на сѣв.-зап. и, можетъ быть, на западъ отъ города. Къ другимъ чертамъ ихъ здѣсь присоединяется загадочное дзеканье, границей котораго на сѣверѣ я отмѣтилъ районъ Елецкой вол. Граница же говоровъ этого типа проходить значительно ближе, гдѣ-то

недалеко отъ ст. Сытькова. Есть такіе говоры и на югъ отъ Ржева, но здѣсь слѣдить за ними мнѣ не удалось.

Остальная часть Ржевск. у. славится своимъ цоканьемъ; но большую часть этого района занимаютъ смѣшанные бѣлорусскіе говоры, опис. у Шейна. Границу ихъ въ настоящее время можно провести приблизительно по меридіану и ст. Тереховки Виндавской ж. д. Говоры цоканіи не-бѣлорусскіе въ Ржевскомъ уѣздѣ можно, повидимому, всѣ отнести къ типу в) 1-й группы. Впрочемъ, я думаю такъ лишь на основаніи показаній небольшого числа лицъ изъ этихъ мѣстностей.

Эти говоры продолжаются и въ Осташк. у., въ которомъ вообще нѣтъ говоровъ иного типа. Здѣсь мнѣ пришлось устанавливать различныя подраздѣленія болѣе мелкаго характера, между прочимъ нѣсколько особеннымъ является говоръ Новинской (зап.) вол. этого уѣзда, лежащей на границѣ съ Смоленской и Псковск. губ.

На сѣверъ и сѣв.-зап. отъ Осташк. у. появляются уже окающіе говоры. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстенъ окающій говоръ Ильиногорской вол. Демьянскаго у. Новгород. губ. и отдѣльные случаи оканья по дорогѣ въ Вышній-Волочекъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ.

Относительно бѣлорусскихъ говоровъ замѣчу еще, что, кромѣ 4—5 волостей Ржевскаго у., они встрѣчаются еще, вѣроятно, спорадически на крайнемъ югѣ Зубц. у., на границѣ съ Сычевскимъ у. Смоленск. губ. Типъ ихъ смоленскій, какъ и типъ того основного говора, на почвѣ котораго образовался цоканющій говоръ с. Бобровки и окрестностей ея, опис. у Шейна. Впрочемъ, бѣлорусскихъ говоровъ я не имѣлъ возможности изслѣдовать на мѣстѣ и знаю о нихъ только по отдѣльнымъ разспросамъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою благодарность этнографическому отдѣлу О. Л. Е., А. и Э., тверскому губернатору и всѣмъ лицамъ, такъ или иначе способствовавшимъ успѣху моей поѣздки.

Н. Соколовъ.

9. *Д. Н. Ушаковъ* былъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи, гдѣ занимался наблюденіями надъ особенностями народныхъ говоровъ селеній Ильинской, Митинской и Озерецкой волостей.

А. Н. Пыпинъ.

(некрологъ.)

26 ноября 1904 года русская наука и русское просвѣщенное общество понесли незамѣнимую потерю въ лицѣ скончавшагося академика и почетнаго члена Общества Люб. Естеств. Александра Николаевича Пыпина.

Недавно вся мыслящая Россія и многіе западно-европейскіе почитатели чествовали похвальное служеніе А. Н. наукъ въ области исторіи древней и новой русской литературы, исторіи русской этнографіи и исторіи русской общественности. За это время имъ написано болѣе

1100 статей и изслѣдованій, составляющихъ настолько опредѣленную массу знаний, настолько объединенную свѣтлымъ прогрессивнымъ міросозерцаніемъ покойнаго академика, что въ каждомъ отдѣльномъ его трудѣ непрѣмьно чувствуется общая нить анализа, общія историческія перспективы, даже, можно сказать, общее бодрое настроеніе съ вѣрой въ торжество прогрессивныхъ идей.

Юбилейная литература объ А. Н. еще свѣжа въ памяти. Поэтому не къ чему еще разъ распространяться о научныхъ заслугахъ покойнаго. Ограничимся лишь нѣкоторыми общими указаніями. Интересно, что при самой кропотливой работѣ надъ какимъ-либо памятникомъ письменности у А. Н. не исключались самые широкіе взмахи обобщеній и, наоборотъ, въ работахъ на широко-задуманные темы онъ примѣнялъ испытанные имъ приемы самаго тщательнаго анализа фактическаго матеріала. Оттого, возьмемъ ли мы рядъ изданныхъ имъ древнихъ памятниковъ или его крупныя работы по «исторіи русской литературы», «исторіи русской этнографіи», «исторіи славянскихъ литературъ» (совмѣстно съ В. Д. Спасовичемъ), по «общественному движенію при Александрѣ первомъ», работы о Бѣлинскомъ, Пушкинѣ, масонствѣ, — вездѣ одинаково чувствуется крупная научная сила и въ то же время живой, заинтересованный судьбами своего общества человѣкъ. Совмѣщеніе этихъ двухъ чертъ какъ нельзя болѣе подтверждается еще и ближайшимъ участіемъ его въ распространеніи въ Россіи классическихъ сочиненій Геттнера, Дрепера, Лекки, Тэна, Шерера, Гюйо и другихъ, вышедшихъ подъ его редакціей, и тоже его очень виднымъ участіемъ въ русской публицистикѣ: «Современникѣ» въ 60-хъ годахъ и «Вѣстникѣ Европы» до самаго послѣдняго времени.

Въ 1861 году А. Н-чу пришлось выйти изъ состава профессорвъ Сиб. университета, въ началѣ 70-хъ годовъ министръ нар. просв. не утвердилъ его избранія въ академики (исторично А. Н. былъ избранъ въ 1897 г.), — это непріятные, конечно, факты въ исторіи жизни почтеннаго ученаго, но они были прямымъ слѣдствіемъ его открытаго не идущаго на компромиссы характера.

Подробный перечень трудовъ А. Н. Пыпина данъ въ брошюрѣ Барскова, изданной Академіей наукъ. На страницахъ «Этнографическаго Обзорія» съ особой благодарностью къ покойному ученому слѣдуетъ вспомнить его «Исторію русской этнографіи», по поводу которой когда-то ¹⁾ П. Н. Милюковъ писалъ: «А. Н. Пыпинъ является однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ посредниковъ между русской наукой и русской читающей публикой». «Онъ твердо вѣрить, и съ нашей точки зрѣнія вполне основательно, что факты, изложенные какъ они были въ дѣйствительности, сами собой сложатся въ подтвержденіе тому міровоззрѣнію, которое онъ считаетъ истиннымъ». Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на рядъ журнальныхъ работъ, соединяемыхъ теперь А. Н. Пыпинымъ подъ общимъ названіемъ «Исторіи русской этнографіи». Въ этомъ трудѣ, предназначаемомъ, какъ и прежніе, для большой публики,

¹⁾ См. «Этн. Обзор.», кн. VII, стр. 177—178.

авторъ предположилъ, очевидно, напасть на врага въ самомъ послѣднемъ его убійницѣ: національный шовинизмъ долженъ быть разбитъ на самомъ основномъ своемъ понятіи, на понятіи о народности». Затѣмъ, указавъ, что въ политической программѣ «народность» развивается въ систему *народничества*, въ философско-историческомъ построеніи «народность» «фигурируетъ въ смыслѣ *національности* культурно-историческаго типа, П. Н. Миллюковъ опредѣляетъ далѣе, что «въ наукѣ народность можетъ быть предметомъ или *этнографическаго* или *народно-психологическаго* изученія». Въ разбираемой книгѣ А. Н. Пыпина нѣтъ ни исторіи народничества, ни исторіи національнаго вопроса, это—исторія этнографіи, и при томъ въ ней есть «исторія взглядовъ на народность».

Отъ себя, по поводу этого общаго опредѣленія заслугъ русскаго историка этнографіи, можемъ сказать то же, что когда-то было сказано по поводу ученой этнографической дѣятельности В. Ө. Миллера въ адресѣ Этнографическаго Отдѣла (см. «Этн. Обзоръ» XLVII, стр. 168), а именно, что, не руководствуясь никакими предвзятыми идеями, (срв. у П. Н. Миллюкова: «факты, изложенные, какъ они были въ дѣйствительности») и не отдавая предпочтенія какой-либо одной этнической группѣ, А. Н. Пыпинъ явился въ этнографіи «истиннымъ ученымъ», «обеспечивая равенство передъ наукой для аріица и «инна, великорусса и германца, христіанина и язычника».

Что А. Н. Пыпинъ, въ отличіе отъ другихъ этнографовъ, скорѣе «поражалъ врага», т.-е. людей съ ненаучными взглядами на народность, то это происходило не отъ свойствъ его научной дисциплины, а отъ умѣнія поставить широкую, захватывающую общество задачу и съ достойной энергіей выполнить ее до конца.

В. А. Б.

† В. М. Михайловскій.

(некрологъ.)

26-го ноября скончался въ Москвѣ директоръ II-ой мужской гимназіи, бывшій Товарищъ Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія и почетный членъ Общества приватъ-доцентъ московскаго университета Викторъ Михайловичъ Михайловскій.

Покойный, по окончаніи курса въ кіевскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ въ началѣ 70-хъ годовъ, перешелъ въ Москву, гдѣ занялся педагогической дѣятельностью, какъ преподаватель исторіи и географіи, готовясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ магистерскому экзамену по всеобщей исторіи, который онъ и сдалъ затѣмъ въ серединѣ 70-хъ годовъ въ кіевскомъ университетѣ. Однако дальнѣйшая академическая карьера не удалась покойному, хотя онъ продолжалъ служить наукѣ до самой смерти. Обладая большою любознательностью, В. М.

«много читалъ», и предъ нимъ все заманчивѣе и заманчивѣе вырисовывались обширные горизонты знанія. Онъ послѣдовательно переходилъ отъ одной области къ другой, не дѣлая видимыхъ скачковъ: отъ политической исторіи къ исторіи культуры, географіи, этнографіи, археологін, археографіи, и лишь психологія съ педагогикой, которыми В. М. особенно много занимался въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, стояли какъ бы въ сторонѣ, хотя и эти области знанія до извѣстной степени связывались съ историко-культурными вопросами. Такое разнообразіе научныхъ симпатій привело къ тому, что В. М. занятый притомъ обширной педагогической дѣятельностью, не находилъ досуга, чтобы сосредоточить свои силы на разработкѣ какой-нибудь специальной темы для магистерской диссертациі по всеобщей исторіи. Остановившись сначала на исторіографіи средневѣковой Франціи, В. М. даже началъ въ концѣ 70-хъ годовъ печатать диссертацию о Филиппѣ Коминѣ, какъ историкъ Людовика XI, но стремленіе къ библиографической полнотѣ, недостижимой при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ работалъ покойный, и крайняя добросовѣстность въ работѣ, побудили его прекратить начатое дѣло. Такая же судьба постигла другую начатую имъ работу по исторіи фландрскихъ городовъ, для которой онъ предпринималъ поѣздки за границу, и задуманную имъ впоследствии монографію о Марко Поло. Не находя досуга для обработки обширныхъ монографій, В. М. однако, обладая даромъ рѣчи и искусствомъ устнаго изложенія, успѣвалъ въ теченіе многихъ лѣтъ знакомить съ результатами своихъ разностороннихъ изученій московское общество во своихъ докладахъ въ засѣданіяхъ Этнографическаго и Географическаго Отдѣловъ И. О. Л. Е., а также Археологическаго и Педагогическаго Обществъ. Къ сожалѣнію, его сообщенія, всегда интересныя и научно-цѣбныя, оставили слѣдъ только въ краткихъ изложеніяхъ протоколовъ и газетныхъ отчетовъ, такъ какъ покойный излагалъ ихъ устно, пользуясь лишь краткой программой. Изъ такихъ докладовъ, сдѣланныхъ въ Этнографическомъ и Географическомъ отдѣленіяхъ, отмѣтимъ: «Этнографическія представленія древнихъ Египтянъ», «О шаманствѣ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ», «Легендарная исторія Будды», «Начало государственной жизни по этнографическимъ даннымъ», «Внушеніе и гипнотизмъ у макокультурныхъ народовъ», «Страна африканскихъ озеръ и ея обитатели», «Характеристика французскаго народа», «Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки по новѣйшимъ изслѣдованіямъ», «Географическое распространеніе буддизма», «Географическое распредѣленіе англійскихъ колоній», «Объ англичанахъ и бурахъ въ южной Африкѣ», «О странѣ африканскихъ озеръ и ея обитателяхъ», «О цѣляхъ и основныхъ задачахъ торговой географіи», «Веды, дикіе обитатели острова Цейлона», «Устная словесность южно-африканскихъ народовъ», «О происхожденіи друидизма», «Общественный бытъ австралійскихъ дикарей», «Объ Андаманскихъ островахъ и ихъ обитателяхъ», «О современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ Абиссиніи и абиссинцахъ», «Первобытное искусство и образное письмо (пиктографія) по этнографическимъ даннымъ» (читано на VIII Археологическомъ съѣздѣ

въ Москвѣ) и много другихъ. Изъ немногихъ печатныхъ трудовъ В. М. Михайловскаго, относящихся къ области этнологіи и исторіи древнѣйшей культуры, упомянемъ его обширную монографію «Шаманство» (вышелъ только I-ый томъ), обратившую на себя вниманіе западныхъ ученыхъ, и его статью «Древнѣйшіе центры просвѣщенія. Египетъ и Халдея» (М. 1891.). Въ Московскомъ университетѣ В. М., въ качествѣ приватъ-доцента, читалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ спеціальныя курсы по исторіи востока, исторіи землѣвѣднія и этнологіи. Въ послѣднее десятилѣтіе жизни В. М. занимался преимущественно исторіей педагогики, психологіей дѣтей, дѣлалъ доклады въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ, гдѣ состоялъ предсѣдателемъ одной изъ секцій, и вообще приобрѣлъ извѣстность въ качествѣ знатока по педагогическимъ вопросамъ. Исторія педагогическихъ учений сдѣлалась предметомъ и его университетскихъ курсовъ. Къ послѣднимъ же годамъ относятся доклады В. М-ча въ Археографической Комиссіи Московскаго Археологическаго Общества. Вообще, хотя научное наслѣдіе, оставленное В. М. Михайловскимъ незначительно, нельзя не отмѣтить, что его многочисленныя, полныя высокаго интереса сообщенія въ ученыхъ обществахъ принесли свою долю пользы и что въ Москвѣ, гдѣ его больше всего знали, какъ разносторонне образованнаго ученаго и даровитаго лектора, онъ пользовался вполне заслуженнымъ уваженіемъ. Добрую память о немъ, какъ о прекрасномъ преподавателѣ и высокогуманномъ директорѣ, сохранять и многочисленные ученики его въ Москвѣ и провинціи. В. М.

† В. И. С и з о в ъ.

(некрологъ.)

19 октября 1904 года внезапно скончался членъ многихъ ученыхъ обществъ (въ томъ числѣ и О-ва Любителей Естествознанія) ученый секретарь Московскаго Историческаго Музея Владиміръ Ильичъ Сизовъ. В. И. родился въ 1840 г. Въ университетѣ (въ Москвѣ) онъ былъ ученикомъ Тихонравова, Буслаева, Ешевскаго, Соловьева и др. Поступивъ затѣмъ преподавателемъ въ кутайскую гимназію, В. И. получилъ на Кавказѣ первое знакомство съ археологіей и этнографіей. Потомъ онъ перешелъ въ Москву и въ 70-хъ годахъ сталъ работать въ московскомъ археологическомъ обществѣ подъ руководствомъ гр. А. С. Уварова. Отсюда начинается рядъ археологическихъ экскурсій В. И., поѣздокъ по русскимъ городамъ и за границу, собраніе русскихъ древностей и предметовъ искусства для историч. музея. Изъ его археологическихъ изысканій особенно извѣстны раскопки въ Гибздовѣ подъ Смоленскомъ, которыми В. И. освѣтилъ многіе вопросы по культурѣ древняго славянскаго населенія въ Россіи, при чемъ онъ во многихъ отношеніяхъ исправилъ господствовавшіе раньше взгляды о древне-финскомъ вліяніи. Большую цѣнность имѣютъ также экспедиціи В. И. по Кавказу.

Въ области этнографіи Владиміру Ильичу былъ ближе матеріальный бытъ народа. Онъ былъ прежде всего большимъ знатокомъ въ исторіи костюмовъ; о чемъ и читалъ лекціи въ театральномъ училищѣ, а также съ этимъ вопросомъ была связана его дѣятельность въ художественномъ театрѣ Станиславскаго и въ московскомъ императорскомъ театрѣ, на сценѣ которыхъ бытовой костюмъ былъ воспроизводимъ, при участіи В. И., до тончайшихъ деталей, доступныхъ археологу и этнографу.

Въ засѣданіяхъ Этнографическаго Отдѣла В. И. былъ интереснымъ собесѣдникомъ по поводу прочитанныхъ докладовъ. Покойный Владиміръ Ильичъ былъ честнымъ, отзывчивымъ человекомъ, любилъ науку, вѣрилъ въ прогрессъ и до послѣднихъ дней сохранилъ бодрый взглядъ на нашу жизнь. Его всѣ хорошо знали и искренно уважали.

Вл. Б.

† Н. П. Припузовъ.

(некрологъ.)

Въ «Вост. Обзор.» г. Эд. Пекарскій сообщаетъ, что недавно скончался этнографъ Николай Прокопьевичъ Припузовъ, бывшій народный учитель, крестьянинъ Покровской волости Якутск. округа, никогда не порывавшій связи съ крестьянскимъ міромъ, служившій послѣднему въ качествѣ учителя, старосты, письмоводителя и головы. Изъ печатныхъ работъ покойнаго извѣстны слѣдующія: 1) Участь бѣдныхъ дѣтей Якутской области (Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XV, №№ 1—2, 1884 г.), 2) Свѣдѣнія для изученія шаманства у якутовъ Якутск. окр., собранны по программѣ Н. Н. Агапитова (тамъ-же №№ 3—4). 3) Мелкія замѣтки о якутахъ (Записки Вост.-Сиб. Отд. II. Р. Г. О. по этнографіи, Т. II, вып. 2. Шаманскія повѣрія инородцевъ Вост.-Сиб. Ирк. 1890). 4) Замѣтки по народ. медицинѣ якутовъ (животныя средства лѣченія) (Этнографич. Обзор. 1898 г., № 2). Въ этомъ же № «Этнограф. Обзорѣнія» помѣщена статья Н. Харузина: «Юридическіе обычаи якутовъ», составленная по матеріаламъ покойнаго Припузова. Изъ неопечатанныхъ работъ г-ну Пекарскому извѣстны: довольно обширная статья о свадебныхъ обрядахъ приленскихъ крестьянъ, требующая, впрочемъ, солидной литературной обработки, и имѣющіяся въ его распоряженіи якутскія пѣсни съ русскими переводами, переданныя ему, какъ матеріалъ по фольклору, Д. А. Клеменцомъ. Въ послѣднее время Н. П. Припузовъ состоялъ вице-предсѣдателемъ якутскаго сельско-хозяйственнаго общества.

Покойный помѣщалъ свои корреспонденціи съ Лены въ «Восточномъ Обзорѣніи».

Былинная традиція въ Саратовской губерніи. М. Е. Соколовъ, членъ саратовской архивной комиссіи, въ своихъ изысканіяхъ по собранію памятниковъ народнаго творчества, — по словамъ «Привол. Кр.», — натолкнулся на слѣдующій интересный фактъ. Два уѣзда губерніи, Пе-

тровскій и Саратовскій, до сего времени въ своемъ пѣсенномъ репертуарѣ сохраняютъ былины. Такъ, напримѣръ, 19 ноября 1894 года г. Соколовъ записалъ въ с. Кутыниѣ, Петровскаго уѣзда, былины о Суханѣ-богатырѣ, Добрынѣ Никитичѣ и Иванѣ гостинѣмъ сынѣ. Затѣмъ, 4 января 1904 года въ Гремячѣ, Саратовскаго уѣзда, г. Соколовъ слышалъ былинну объ Иванѣ гостинѣмъ сынѣ, хотя здѣсь извѣстно только начало былины, но при этомъ оказалось, что какъ въ Гремячѣ, такъ и въ Кутыниѣ поютъ ее очень сходно. Наконецъ, въ февралѣ 1904 года онъ записалъ въ подгородной дер. Сосновкѣ, Петровскаго уѣзда, сказку объ Ильѣ Муромцѣ. М. Е. Соколовъ, продолжая трудиться по собиранію народной словесности, дѣлитъ своими трудами съ мѣстной архивной комиссіей.

По сѣверо-западнымъ и прибалтійскимъ губерніямъ лѣтомъ текущаго года путешествовалъ докторъ философій, членъ финляндской археологической комиссіи Гейкель. Его экскурсіи посвящены изученію народныхъ костюмовъ.

(„Телеграмма Росс. Агент.“).

Нъ вопросу о переустройствѣ Берлинск. этнографическаго Музея.

Въ Globus-ѣ, В. LXXXVI № 2 Dr. Augustin Krämer помѣстилъ статью по поводу переустройства знаменитаго Берлинскаго Этнографическаго Музея. Какъ извѣстно, музей этотъ самый богатый изъ всѣхъ подобныхъ хранилищъ въ европейскихъ городахъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ его основанія зданіе музея оказалось слишкомъ тѣснымъ. Прибывающія коллекціи приходится уже теперь держать неразобранными въ ящикахъ. Вопросъ о переустройствѣ музея горячо обсуждался заинтересованными въ наилучшей постановкѣ дѣла учеными. Нѣкоторые изъ взглядовъ, высказанныхъ Крәмеромъ, представляютъ интересъ и для русскихъ этнографовъ. Крәмеръ исходитъ изъ дѣленія человѣчества на народы культурные (Kulturvölker) и примитивные (Naturvölker), предложеннаго Ратцелемъ. Подъ словомъ «культура» онъ подразумѣваетъ «сумму всѣхъ духовныхъ приобрѣтеній данной эпохи» — опредѣленіе Ратцеля, также и «унаслѣдованную, неутомимымъ трудомъ выработанную мощь челоуѣка». Хотя всякая классификація является лишь условной и отвѣчаетъ только практическимъ цѣлямъ, облегчая обзоръ народовъ земного шара, тѣмъ не менѣе отличительными признаками народовъ культурныхъ и первобытныхъ нужно считать то, что послѣдніе стоятъ въ зависимости отъ «даровъ и капризовъ природы», подчинены ей, что ихъ культурныя приобрѣтенія быстро исчезаютъ передъ болѣе высокою культурой. Крәмеръ предлагаетъ выдѣлить изъ коллекцій музея отдѣлъ культурныхъ народовъ Азіи, произведенія буддійскаго и мусульманскаго искусства и, оставивъ для него все нынѣшнее зданіе музея, соединить его съ стоящимъ рядомъ европейскимъ Kunstgerverbemuuseum. Въ этому новому музею слѣдуетъ, по мнѣнію Крәмера, отнести и отдѣлъ археологій Востока, такъ какъ эта послѣдняя является наукой о погиб-

шихъ культурныхъ народахъ. Домсторическая же археологія, наука о исчезнувшихъ примитивныхъ народностяхъ, должна отойти къ другому музею, для котораго слѣдуетъ построить новое грандіозное зданіе, посвященное исключительно народамъ примитивнымъ. Культурные народы Америки, къ которымъ Ратцель причисляетъ астековъ, толтековъ, майя, инковъ и др., Крэмеръ относитъ къ примитивнымъ народамъ, основываясь на томъ, что они оказались не въ состояніи бороться при помощи своей культуры съ болѣе высокой европейской цивилизаціей; съ другой стороны, ихъ ближайшіе родичи, индѣйцы Сѣв. и Южн. Америки, представляютъ изъ себя типичнѣйшія примитивныя народности. Что касается до размѣщенія коллекцій, Крэмеръ даетъ нѣкоторые не безынтересныя указанія. По его понятію, въ современныхъ этнографическихъ музеяхъ необходимо обращать больше вниманія на географію, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Передъ каждымъ отдѣломъ, посвященнымъ тому или другому матеріку, должна быть устроена особая зала, въ которой слѣдуетъ размѣстить многочисленныя топографическія и этнографическія карты, рельефы и пр., дающія ясное понятіе о данной области. Коллекціи должны быть размѣщены свободно, чтобы можно было легко обозрѣвать ихъ; не слѣдуетъ помѣщать предметы ниже 80 ст. и выше 160 ст. отъ пола. Желательны снимки и фотографіи съ цѣнныхъ этнографическихъ коллекцій другихъ музеевъ. Наконецъ, въ благоустроенномъ музеѣ должны быть устроены аудиторіи, рабочіе кабинеты и пр.

Къ сближенію языкознанія и народовѣдѣнія. Въ Globus-ѣ В. LXXXV, № 22, извѣстный нѣмецкій этнографъ А. Vierkandt посвящаетъ сочувственный отзывъ вышедшей въ 1903 г. въ Берлинѣ книгѣ Н. Reich-a, *Der Mimus. Ein literar-entwicklungsgeschichtlicher Versuch*. Трудъ этотъ представляетъ прекрасный примѣръ плодотворнаго сближенія двухъ научныхъ системъ, языкознанія и народовѣдѣнія, которыя, какъ извѣстно, нѣкоторое время совершенно разъединялись. Лишь за послѣднее время снова все сильнѣе раздаются голоса въ пользу ихъ сближенія. Такое направленіе ставитъ себѣ задачей новая редація журнала *Archiv f. Religionswissenschaft*. Его же, по указанію Фиркандта, проповѣдуетъ и А. Dietrich въ *Ztsch. d. Hessischen Vereins f. Volkskunde*. Взаимное отношеніе двухъ наукъ Дитрихъ опредѣляетъ такъ: «методъ и пособія для изслѣдованія даютъ языкознаніе; цѣль и содержаніе изслѣдованія опредѣляетъ народовѣдѣніе». Историкъ и филологъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они занимаются не единичными, но массовыми явленіями, почти всегда работаютъ въ области фольклора; также и народовѣдѣніе, которое, по выраженію Фиркандта, «преимущественно или даже исключительно работаетъ въ томъ обширномъ нижнемъ слое культуры, надъ которымъ у народовъ культурныхъ нѣтъ еще надстройки». Въ своемъ серьезномъ трудѣ Рейхъ старался выяснитъ истинный характеръ древне-греческаго мима, прослѣдить его источники до мимическихъ представленій некультурныхъ народностей. Въ этихъ послѣднихъ преобла-

даетъ религіозный характеръ, хотя къ нему и примѣшивается весьма часто комическій элементъ; такъ, напримѣръ, среди дѣйствующихъ лицъ появляются путешественники европейцы въ карикатурномъ изображеніи. Рейхъ выводитъ и древне-греческій мимъ изъ представленій религіознаго характера. Затѣмъ Рейхъ прослѣживаетъ развитіе мима, его переходъ въ различныя страны, измѣненія его и миμοобразныя формы, наконецъ, вліяніе его на литературу. Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ Рейха является цѣннымъ не только для исторіи культуры, но также во многихъ отношеніяхъ и для этнографа.

Значеніе фонографа для записыванья народныхъ пѣсень отмѣтилъ, между прочимъ, и пр. v. Luschan въ *Zeitschr. f. Ethnologie* за 1904 г. В. XXXVI, Heft. 2. Имъ самимъ были записаны посредствомъ фонографа 20 №№ турецкихъ народныхъ пѣсень изъ сѣверной Сиріи. Фонъ-Лушанъ пользовался при этомъ дешевымъ аппаратомъ, который, однако, оказался вполне пригоднымъ. Нѣмецкій ученый горячо радуется за то, чтобы лица, отправляющіеся въ научныя экспедиціи, были снабжены фонографами и чтобы при этнографическихъ музеяхъ устраивались особые отдѣленія для храненія фонографическихъ валиковъ съ записанными пѣснями.

(„Globus“.)

Къ исторіи общиннаго землевладѣнія. Въ *Geschichtsblätter f. Magdeburg*, за 1903 г. помѣщена интересная работа L. Sunder-a объ общинномъ землевладѣніи въ Германіи въ средніе вѣка. Сундеръ задалъ главнымъ образомъ цѣлью прослѣдить, какъ древне-германское наследственное право отразилось въ наименованіи мѣстностей преимущественно въ области между рр. Оре и Аллеръ и р. Скалой.

(„Globus“.)

Вопросъ о полевомъ хозяйствѣ и земледѣліи у примитивныхъ народностей освѣщенъ интересной работой, помѣщенной Dr. R. Lasch-емъ въ *Zeitschr. f. Socialwissenschaft* за 1904 г. №№ 1—4. Лашъ, орудуя надъ значительнымъ этнографическимъ матеріаломъ, прослѣдилъ формы земледѣлія у первобытныхъ народовъ и пришелъ къ интересному выводу, что наше современное полевое хозяйство является лишь однимъ изъ фазисовъ весьма медленной эволюціи, не потерявшей въ своемъ ходѣ никакихъ перерывовъ. Новая эра въ земледѣліи лишь наступаетъ, съ развитіемъ паровыхъ и прочихъ двигателей, уничтожающихъ значеніе скота въ хозяйствѣ, какъ двигательную силу, и съ изобрѣтеніемъ химическихъ удобреній почвъ. То и другое вызоветъ крупный переворотъ въ полевомъ хозяйствѣ, разъединивъ существующее до сихъ поръ совмѣстное веденіе скотоводческаго и земледѣльческаго хозяйства.

(„Globus“.)

Записки Сигизмунда фонъ-Герберштейна, нѣмецкаго дипломата и путешественника XVI вѣка, обратили на себя вниманіе д-ра Ант. Шлоссара, который въ библіофильскомъ журналѣ *Zeitschrift für Bücherfreunde* посвящаетъ обширную, богато иллюстрированную статью ему и его извѣстному сочиненію „*Regum Moscoviticarum Commentarii*“. Авторъ даетъ обстоятельную біографію Герберштейна, останавливается на его путешествіяхъ въ Россію въ 1517 и 1526 гг. и подробно описываетъ первое вѣнское изданіе его описанія Россіи на латинскомъ языкѣ 1549 г., и послѣдующіе многочисленные переводы на нѣмецкій, итальянскій и англійскій языки. Шлоссаръ выражаетъ удивленіе, что замѣчательный для своего времени трудъ Герберштейна до сихъ поръ не былъ переведенъ на русскій языкъ и не снабженъ соответствующими комментаріями. Автору, очевидно, неизвѣстно, что имѣется русскій переводъ Анонимова (съ базел. изд. 1556 г.), комментарій проф. Замысловскаго («Герберштейнъ и его сочиненіе о Россіи»), а карты Герберштейна воспроизведены въ «Матеріалахъ по картографіи Россіи», изд. кievской археогр. комиссіей 1900 г. Впрочемъ, достойнаго русскаго изданія «Записокъ» Герберштейна со всѣми ихъ вариантами, иллюстраціями, картами, съ портретами, комментаріями и т. д., дѣйствительно, еще нѣтъ.

„Русс. Вид.“

Новый трудъ Тэйлора. Знаменитый англійскій антропологъ Эдуардъ Тэйлоръ печатаетъ новую книгу подъ заглавіемъ „*Growth and Spread of Culture*“.

Она будетъ служить продолженіемъ его изслѣдованія „*Primitive Culture*“, появившагося въ 1871 г. и вышедшаго 4-мъ изданіемъ въ февралѣ текущаго года. Большая часть новой книги составила изъ лекцій, читанныхъ въ разное время проф. Тэйлоромъ.

„Русс. Вид.“

Евгеника—новая область вѣдѣнія, задача которой сводится къ тому, чтобы содѣйствовать улучшенію и развитію приращенныхъ качествъ и способностей расы, чтобы раса была здоровѣе, крѣпче, лучше и болѣе приспособлена къ выполненію задачи своей жизни, чтобы передать болѣе слѣдующему поколѣнію въ цѣляхъ содѣйствія прогрессу. Недавно извѣстный изслѣдователь явленій наследственности Фр. Гальтонъ прочиталъ въ лондонскомъ соціологическомъ обществѣ рефератъ о цѣляхъ и предметѣ изысканій «евгеники» (eugenics), при чемъ намѣтилъ пути, по которымъ должна слѣдовать эта наука для выработки своихъ принциповъ и для болѣе широкаго проникновенія въ массы.

„Русс. Вид.“

Обзоръ греческихъ мифовъ, сдѣланныхъ варшавскимъ профессоромъ Погодинымъ въ его книгѣ «*Боги и герои Эллады*», отличается отъ многихъ подобныхъ работъ своей научной обстоятельностью. Не только пересказаны мифы (отъ сказанія о міротворенія до Троянской войны), но и данъ анализъ мифовъ, при чемъ указаны данныя сравнительной мифологіи.

„Русс. Вид.“

Дорійская надпись съ гимномъ младенцу Зевесу найдена недавно англійскими археологами на Критѣ въ так. наз. Палеокастроѣ.

На островѣ Итакѣ продолжаетъ свои раскопки нидерландскій археологъ Фольграфъ, въ надеждѣ найти доказательства его тождества съ гомеровскою Итакой.

Какъ извѣстно, не всѣ археологи согласны, какой изъ Іонійскихъ острововъ нужно считать царствомъ Одиссея: Итаку или Левкадію. Дерпфельдъ, напримѣръ, высказывается за Левкадію и тамъ ищетъ подтвержденія своей теоріи. Фольграфъ стоитъ за Итаку. Въ последнее время онъ велъ раскопки около церкви св. Аванасія. Тутъ онъ нашелъ старинную, пеластическую эпохи, многоугольную ограду въ 30 м. длины съ единственнымъ зданіемъ внутри. Зданіе это—остатки храма. Внутри его развалины нашли мраморную статую эфеба 80 сант. высоты, съ собакой, одинъ мѣдный сосудъ небольшихъ размѣровъ съ изображеніями на немъ животныхъ, лампаду съ изображеніемъ какого-то бога, кусокъ золота, въ который вѣдланъ голубой камень съ изображеніемъ пѣтуха, серебряныя и мѣдныя монеты. Двѣ колонны съ микенскими капителями вмѣстѣ съ сосудами доказываютъ, что на островѣ было населеніе въ микенскую эпоху. Перейдя въ другое мѣсто, неподалеку отъ перваго, Фольграфъ сразу наткнулся на остатки ограды исторической эпохи, а рядомъ съ ней нашелъ слѣды гораздо болѣе древняго поселенія, но относительно возраста его онъ еще не рѣшается высказаться. Тутъ были найдены: барельефъ, изображающій женщину въ длинномъ ниспадающемъ одѣяніи около 70-ти сант. высоты II в. до Р. Х., глиняная женская голова естественной величины; мраморная голова небольшихъ размѣровъ, пьедесталъ съ остатками двухъ ногъ; каменные плиты съ надписями, не поддающимися болѣе чтенію, много бронзовыхъ предметовъ, какъ наконечники копій и проч.; въ мусорѣ глиняныхъ черепковъ оказалось нѣсколько монетъ поздняго времени. Очевидно, все это—еще верхніе слои. Подъ ними Фольграфъ ожидаетъ найти много очень важнаго.

„Русс. Вид.“

Этнографическая коллекція предметовъ изъ Чили, Боливіи и Перу поступила недавно въ этнографическій музей Императорской академіи наукъ. Коллекція пріобрѣтена въ Германіи частью путемъ покупки (за 8,000 мар.), частью въ даръ. Составитель этой коллекціи О. Менгельбиръ собиралъ ее въ теченіе 14-ти лѣтъ, и она заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ и рѣдкихъ предметовъ, отчасти еще нынѣ употребляемыхъ индѣйцами, отчасти добытыхъ изъ древнихъ могилъ.

„Русс. Вид.“

На международномъ конгрессѣ американистовъ, состоявшемся въ нынѣшнемъ году, съ 18-го по 23-е августа н. ст., въ Штуттгартѣ, въ качествѣ делегата Императорскаго Общества любителей естествознанія,

антропологін и этнографін въ Москвѣ долженъ былъ выступить В. Г. Богоразъ, извѣстный изслѣдователь чукчей, бывшій участникъ американской Джезуповской экспедиціи на крайній сѣверовостокъ Сибири и авторъ издаваемого теперь нью-іоркскимъ естественно-историческимъ и антропологическимъ музеемъ большого иллюстрированного труда о чукчахъ. Кромѣ ученыхъ трудовъ (въ томъ числѣ матеріаловъ по чукотскому языку и фольклору, изданныхъ Императорской академіей наукъ), В. Г. Богоразъ составилъ себѣ почтенную извѣстность и какъ беллетристъ (подъ псевдонимомъ «Танъ»).

„Русс. Вѣд.“

Въ лѣсахъ Южной Америки послѣ д-ра Боха странствуетъ Эрландъ Норденшѣльдъ, новый отчетъ котораго недавно появился въ печати.

Изслѣдователь отправилъ свой отчетъ съ оказіей изъ одного пункта между Синой и Пото, на границѣ Перу и Бразиліи. Норденшѣльдъ изображаетъ въ очень яркихъ краскахъ свою жизнь въ первобытномъ лѣсу. Послѣ того какъ поиски за гротами и гробницами, несмотря на усиленную помощь мѣстныхъ индѣйцевъ, не дали ожидаемыхъ археологическихъ результатовъ, экспедиція-было пріуныла, но ее вознаградили отдѣльные цѣнные предметы, а главнымъ образомъ находка памятниковъ культуры древнѣйшихъ временъ. Такъ, экспедиціи удалось собрать интересную коллекцію скульптурныхъ произведеній изъ камня, которыя она нашла въ долинахъ Рио-Туйче, Рио-Томбопата и Рио-Зуамбари. Вещи изображаютъ гремучихъ змѣй, ягуаровъ и леопардовъ. Теперь уже, какъ видно изъ донесенія, Норденшѣльдъ покинулъ дѣйствительный лѣсъ и находится въ области вѣчныхъ снѣговъ на высотѣ 17,000 футовъ надъ уровнемъ моря. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, когда ему удавалось за снѣжною липией горъ дѣлать цѣнныя археологическія находки, онъ ищетъ и теперь пещеръ до-историческаго времени.

„Русс. Вѣд.“

Объ отношеніи сѣверо-азиатскихъ народностей къ сѣверо-американскимъ былъ прочитанъ интересный докладъ ассистентомъ американскаго музея естественной исторіи В. Йохельсономъ на происходившемъ въ Штуттартѣ 14-мъ международномъ конгрессѣ ученыхъ американистовъ.

На основаніи многочисленныхъ данныхъ, добытыхъ во время путешествій, Йохельсонъ пришелъ къ убѣжденію, что изученіе сибирскихъ племенъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для исторіи древнихъ обитателей Америки; имѣющійся въ распоряженіи докладчика этнологическій матеріалъ уже въ настоящее время съ достаточною ясностью устанавливаетъ тѣсную связь матеріальной и духовной культуры обитателей сѣв.-запада Америки съ уроженцами сѣв.-востока Азіи.

„Русс. Вѣд.“

Изученіе монголо-бурятскаго языка (17 недѣльных уроковъ) вводится въ программу учебнаго курса читинской духовной семинаріи, которая открывается съ значительно-видоизмѣненной программой для миссіонерскихъ цѣлей въ Забайкальѣ.

„Прав. Вѣстн.“

Саратъ Чандра Дасъ—ислѣдователь Тибета—недавно сталъ извѣстенъ русской публикѣ по переводу его книги. «Путешествіе въ Тибетъ».

Въ ряду ученыхъ индусовъ («пундитовъ») Саратъ Чандра Дасъ занялъ видное мѣсто. Онъ совершилъ въ 1881—1883 гг. интересное путешествіе по Тибету и собралъ тамъ много наблюденій надъ населеніемъ страны. Отчетъ его долго держался индійскимъ правительствомъ въ секретѣ, и лишь въ 1890 и 1895 гг. появились извлеченія изъ него въ англійскихъ журналахъ. Въ 1902 г. эти извлеченія съ дополненіями къ нимъ были изданы отдѣльною книгой лондонскимъ географическимъ Обществомъ подъ редакціей и съ предисловіемъ извѣстнаго путешественника по Тибету Рокхилля, и вотъ эта-то книга и издана теперь въ русскомъ переводѣ.

Къ переводу приложено введеніе г. Котвича, на 37-ми страницахъ, въ которомъ сдѣланъ обстоятельный историческій очеркъ ознакомленія съ Тибетомъ. Затѣмъ слѣдуетъ предисловіе Рокхилля. Двѣ главы посвящены административному устройству области Лхасы и сословіямъ и быту тибетцевъ. Текстъ сопровождается подстрочными примѣчаніями Рокхилля и русской редакціи и иллюстрированъ портретомъ путешественника, двумя картами, двумя планами Лхасы, четырьмя литографированными картинками (воспроизведеніемъ туземныхъ изображеній священныхъ мѣстъ) и 50-ю рисунками, изъ коихъ часть заимствована изъ англійскаго изданія, часть изъ другихъ сочиненій, а восемь воспроизведены по фотографіямъ русскаго калмыка Норзунова. Въ концѣ книги приложено алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ, а также тибетскихъ, санскритскихъ и монгольскихъ словъ. Путешествіе Чандра Даса хотя и было совершено 20 лѣтъ тому назадъ, не могло утратить своего значенія для такой консервативной страны, какъ Тибетъ. Во всякомъ случаѣ за это время не было въ Лхасѣ и вообще въ Центральномъ Тибетѣ другого европейски образованнаго путешественника (подробный отчетъ образованнаго бурята г. Цибикова еще не изданъ), а потому болѣе обстоятельнаго сочиненія для ознакомленія съ этою страной не имѣется. Притомъ Чандра Дасъ былъ хорошо знакомъ съ санскритомъ, съ тибетскимъ языкомъ, съ буддизмомъ и могъ поэтому воспользоваться сообщеніями многихъ ученыхъ ламъ и лицъ высшаго тибетскаго общества.

„Русс. Вѣд.“

Къ изученію Китайскаго Туркестана. Берлинскій этнографическій музей отправилъ экспедицію въ Турфанъ (китайскій Туркестанъ) съ археологическою и лингвистическою цѣлью.

Экспедиціи удалось найти тамъ рукописи до сихъ поръ совершенно неизвѣстной въ Европѣ разновидности сирійскаго письма съ очень хорошенькими миниатюрами и прописными буквами. Что это за рукописи, объ этомъ говорить д-ръ Мюллеръ. По его мнѣнію, это—не буддійскіе и не несторіанскіе памятники,—это видно по характеру рисунковъ. Онъ предполагаетъ, что это—видоизмѣненный манихейцами сирійскій алфавитъ. Измѣненіе это произведено главою секты персомъ Мани, и

новонайденные тексты, несомненно, писаны на чистомъ средне-персидскомъ или нигурийскомъ языкѣ. Это первые образцы исчезнувшей манихейской литературы, которые становятся известными Европѣ. Почему эти рукописи попали въ Турфанъ, объясняется тѣмъ, что манихеянъ преслѣдовали одинаково ожесточенно и у маздеистовъ—персовъ, и у византийцевъ, и они должны были искать убѣжища въ китайскомъ Туркестанѣ. Подробный докладъ о рукописяхъ будетъ въ свое время опубликованъ баварскою академіею.

„Русс. Вѣд.“

Статистика Японіи. Ганабуза, начальникъ японскаго статистическаго бюро, въ послѣднемъ изданномъ имъ ежегодникѣ о Японіи приводитъ слѣдующія статистическія данныя. Собственно Японія занимаетъ, безъ Формозы и острововъ Пескадоресъ, 382.416 кв. килом., т.-е. равняется $\frac{7}{10}$ Германской имперіи. На этомъ пространствѣ, согласно съ переписью, живутъ 43.763.855 чел., т.-е. 114,6 чел. на кв. килом. Больше всего жителей имѣетъ южный островъ Хоншіу (Ниппонъ)—32.980.918 чел., меньше всего сѣверный островъ Хоккаидо (608.040 чел.— 8 чел. на 1 кв. килом.). Если прибавить къ населенію собственно Японіи населеніе о-ва Формозы и о-въ Пескадоресъ, то всѣхъ жителей имперіи Микадо оказывается 46.228.822 чел. Въ полномъ противорѣчій съ распредѣленіемъ населенія въ Европѣ, у японцевъ городское населеніе преобладаетъ надъ сельскимъ: въ сельскихъ общинахъ живетъ 13,6% общего количества, а въ городскихъ—86,4%. Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что большинство городовъ Японіи не что иное, какъ большія деревни, гдѣ жители занимаются сельскимъ хозяйствомъ Мужское населеніе Японіи (22.074.242 чел.) преобладаетъ надъ женскимъ (21.689.613 чел.): 100 мужчинъ приходится на 98,3 женщинъ. Приростъ населенія наблюдается отъ 1,14 до 1,36. Коэффициентъ рождаемости составляетъ 3,27, причемъ онъ, въ противоположность Западной Европѣ, за послѣдніе годы увеличился; коэффициентъ смертности—2,32 («Allg Zeit»).

„Прав. Вѣст.“

Къ изученію австралійцевъ. Въ засѣданіи королевскаго южно-австралійскаго Общества въ Аделаидѣ путешественникъ Гербертъ Базедовъ сдѣлалъ интересный докладъ о своихъ изслѣдованіяхъ въ центральной Австраліи.

Черное населеніе живетъ еще въ совершенно первобытныхъ условіяхъ въ области къ востоку отъ горъ Мустрэва, Манна и Томкинсона. Они не видѣли блага до появленія среди нихъ Базедова. Ихъ оружіе самое простое: кромѣ палки и камня они знаютъ только копье;—даже бумерангъ имъ незнакомъ. Главное ихъ занятіе—охота. Чтобы поймать опоссума, туземецъ взбирается на гладкій стволъ эйкалиптоваго дерева въ сто метровъ высоты, продѣлывая для этого небольшіе зарубки на немъ при помощи камня. Туземецъ умѣетъ приручить динго и обнаруживаетъ необыкновенную изворотливость, когда ему приходится ловить птицъ, кроликовъ и змѣй. Женщины собираютъ личинки и ку-

колки всевозможныхъ насѣкомыхъ, жарять ихъ въ золѣ, и семья ѣсть это блюдо съ большимъ аппетитомъ; яйца поѣдаются тоже очень охотно, свѣжія или насѣженные — все равно. Крупная дичь покрывается раскаленнымъ пескомъ или горячей золой и черезъ нѣкоторое время помираетъ въ полусыромъ видѣ. Особеннымъ лакомствомъ являются для туземцевъ медоносныя муравьи (*Melophorus*). Нѣкоторое количество особей этого вида въ каждомъ муравейникѣ снабжены въ задней части шпечками въ 1 сант. въ діаметрѣ, полными прозрачнаго меда. Изъ этихъ шпечковъ питается все муравьиное племя; за ними охотятся и туземцы. По внѣшнему виду это — сильные высокаго роста люди 2-хъ м. роста. Одежда имъ незнакома, точно также, какъ и жилища; только во время дождей они строятъ себѣ шалаши. Передъ мертвыми они питаютъ большой страхъ; ихъ хоронятъ въ землѣ и потомъ уже не проносятъ ихъ имени. Колдуны пользуются большой популярностью. Хотя болѣзни среди дикарей рѣдки, но въ помощи нангари (колдуна) приходится обращаться довольно часто. Главное лѣкарство, которое прописываютъ они, — человѣческая кровь и какъ внутреннее, и какъ наружное средство.

„Рус. Вид.“

Изъ Абиссиніи недавно вернулся въ Парижъ путешественникъ Гюгъ Леру, сдѣлавшій тамъ очень интересную находку. Въ старинномъ храмѣ на островѣ озера Зуэ онъ нашелъ рукопись, въ которой разсказывается о посѣщеніи царя Соломона царицей Савской. Рукопись переведена Леру на французскій языкъ.

„Рус. Вид.“

Численность евреевъ. Общество еврейской статистики предприняло полный и основанный на надежныхъ документахъ подсчетъ еврейскаго населенія на земномъ шарѣ.

Изъ установленныхъ имъ цифръ видно, что наибольшее количество евреевъ живетъ въ Европейской Россіи, а именно 5,082,000 человѣкъ. Далѣе слѣдуетъ Австро-Венгрія съ 1,994,000 чел., за нею Соединенныя Штаты съ 1,136,000 чел., потомъ Германія съ 590,000 чел., Румынія съ 269,000, Афганистанъ съ 184,000, Англія съ 179,000, Марокко съ 150,000, Нидерланды съ 104,000, Франція съ 86,000, Турція съ 82,000, чел., Палестина съ 78,000, Кавказъ съ 58,000, Алжиръ съ 57,000, Абиссинія съ 50,000, Италія съ 47,000, Тунисъ съ 43,000, Персія съ 35,000, Сибирь съ 34,000, Южная Африка съ 30,000, Болгарія съ 28,000, Египетъ съ 25,000, Индія съ 22,000, Аравія съ 20,000, Канада съ 16,000, Швейцарія съ 13,000, Бельгія съ 12,000, Греція съ 8,400; въ остальныхъ странахъ меньше. Всего количество евреевъ на земномъ шарѣ выражается въ круглой цифрѣ 11,000,000 человѣкъ.

„Рус. Вид.“

Открыта подписка на 1905 годъ (годъ одиннадцатый)

НА ЖУРНАЛЪ

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“.

ИЗДАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

**ИМПЕРАТОРСКАГО Общества любителей естествознанія, антропологіи
и этнографіи**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛЕНІЯ ПРОФ. Д. Н. АНУЧИНА.

Журналъ посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимущественно Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія различныхъ странъ, обзору геогр. литературы и т. д.

Выходитъ въ Москвѣ 4-мя книжками въ годъ, разбѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкой—6 руб.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться по адресу: Географическое отдѣленіе Общества любителей естествознанія, Политехнический музей, Москва. Преміе годы. 1895—1903, могутъ быть получены по 5 р. за годъ, а 1894 годъ безъ 1-й книжки (оставшейся въ немногихъ экземплярахъ)—за 3 р. Всѣ года (1894—1903), безъ 1-й книжки 1894 г., со всѣми приложеніями могутъ быть получены за 46 р., съ подпиской на 1904 г.—за 50 р., а съ 1-й книжкой 1894 г.—за 65 р.

Въ вышедѣланныхъ книжкахъ „Землеведѣніе“ помѣщены между прочимъ статьи: Б. О. Адлеръ: „Сѣверогерманская низменность“; Н. М. Альбовъ: „Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа“; „Очерки растительности Колхиды“; „Природа Огненной Земли“; проф. Н. И. Андреевъ: „Потадка въ Дагестанѣ“; проф. Д. Н. Анучинъ: „Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленіи“; „Суша“ (краткія свѣдѣнія по орографіи); „Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двина“; „И. В. Мухомовъ и его научные труды“; „О преподаваніи географіи“; В. В. Богдановъ: „Мурманъ“; Д. С. Бергъ: „Аральское море“; В. Г. Богоразъ: „Лапуты“; А. М. Беркенгеймъ: „Природа и жизнь въ пампахъ Аргентины“; „Современное экономическое положеніе Сиріи и Палестины“; „Переселенческое дѣло“; Н. В. Боговаденскій: „Въ верховьяхъ Аму-Дарьи“; Н. А. Вѣльскій: „Гянъ-шанъ“; „Петровский озеро Корчевск. у.“; проф. А. И. Воейковъ: „Воздѣйствіе человѣка на природу“; М. М. Воскобойниковъ: „Изъ наблюденій на Памирѣ“; А. Грачевъ: „Объ озерѣ Костромской губ.“; В. Ж. Житковъ и С. А. Вутурлиевъ: „По Сѣверу Россіи“; А. А. Ивановскій: „Истоки рѣки Москвы“; „Озеро Гокча“; „Арабатъ“; П. Г. Игнатовъ: „По южному Алтаю“; проф. А. Н. Красновъ: „Растительность горныхъ вершинъ Явы, Японіи и Сахалина“; проф. П. И. Кротовъ: „Вятскій уваль“; „О постановкѣ преподаванія географіи въ средн. учебн. заведеніяхъ“; А. А. Крузеръ: „О болотахъ Моск. и Ряз. губ.“; „Опыты раздѣленія Евр. Россіи на естеств. районы“; „О карстовыхъ явленіяхъ въ Россіи“; „Новая Гвинея“; Г. И. Кузиковскій: „Зарастающія и періодически исчезающія озера Обонезскаго края“; М. Л. Леваневскій: „Очерки Киргизскихъ степей“; проф. Э. Е. Лейсетъ: „Луна и погода“; В. Н. Леоновъ: „Озера въ области р. Пры. Рязанск. г.“; „Озера Нижней Рачы, въ Закавказьѣ“; Е. В. Луценко: „Потадка къ алтайскимъ талегетамъ“; „Озера въ области истоковъ Дона“; А. Б. Ф. М.: „Альпизмъ“; В. Г. Михайловскій: „Горныя группы и ледники Центральной Кавказы“; М. В. Никольскій: „Слѣды ассириовилонской культуры на Кавказѣ“; проф. В. А. Обручевъ: „Природа и жители Центральной Азіи“; проф. А. П. Навловъ: „О рельефѣ равнинъ и его намѣченіяхъ подъ вліяніемъ работы подземныхъ и поверхностныхъ водъ“; С. К. Паткановъ: „По Юкатану“; Х. С. Г. Султановъ: „Свящ. область мусульманъ въ Аравіи“; пр.-доц. Г. Н. Танфильевъ: „Донстор. степи Евр. Россіи“; „О торфяникахъ Моск. губ.“; Н. Тихоновичъ: „Въ киргизскихъ степяхъ Семиркаптинской обл.“; пр.-доц. В. А. Федченко: „Задачи ботанической географіи“; А. О. Флеровъ: „Ботанико-географич. очерки“; Д. Чорчъ: „Оч. физ. геогр. Южн. Америки“; А. Яриловъ: „Педология или наука о почвѣ“ и др. Кромѣ того мелкія извѣстія и біографическія замѣтки. Приложеніями къ журналу были: 1) Ф. Нансенъ. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт.; 2) Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ среднеазиатскомъ эпосѣ, 894 стр.; 3) Арт. Гейнъ. О преподаваніи географіи. Совѣты учителямъ; 4) проф. С. Гюентеръ. Исторія географ. открытій и успѣхи научнаго землеведѣнія въ XIX вѣкѣ. (Печатается и будетъ доставлена подписчикамъ на 1903 годъ).

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

Адресъ: Москва, Политехнический музей, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“.

1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. Θ. Миллера*. М. 1894. 8°. VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (распродано).

2) Бѣломорскія былины, записанныя *А. Марковымъ*, съ предисловіемъ проф. *В. Θ. Миллера*. М. 1901. 8°. XV + 618 стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ Скоропечатни А. А. Левенсонъ).

3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Θед. Миллера*, изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ ред. *Н. А. Янчука*. М. 1900. 4°. XXII + 368 стр. Ц. 3 р. (за границу 3 р. 75 к.).

4) *П. С. Ефименко*. Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг. 4°. VII + 221 + X + 276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб. (Изданіе почти распродано). (За границу 11 руб.).

5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред. *Θ. Я. Трейландъ*. М. 1881. 4°. X + 224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р.).

6) Протоколы засѣданій Этнографическаго Отдѣла 1874—1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186 + 7 стр. Ц. 2 р. за границу 2 р. 50 к.).

8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа: а) для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, б) для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII + 217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 гг. 4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).

10) *Н. Н. Харузинъ*. Русскіе лопари (очерки прошлаго и оовременнаго быта). М. 1890. II + 472 стр. 3 фототип. и карт. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).

11) *В. М. Михайловскій*. Шаманство (сравнительно-этнографическіе очерки). М. 1892. 4°. IV + 115 стр. Ц. 1 р. 50 к. (за границу 2 руб.).

12) *И. А. Житецкій*. Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ. М. 1893. 4°. II + 73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к. (за границу 1 р. 60 к.).

Годъ X.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 г.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

Годъ X.

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ГЕОГРАФІЯ“.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюль—іюль), книжками изъ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для еудаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ ОДОБРЕНЪ на всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библиотечныя подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себя задачей удовлетворить научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) акваріумъ и терриумъ; 3) библиографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и ответы по предметамъ программы.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себя цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, заведующихъ учебными заведеніями, всѣми управлениями и училищными совѣтами высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ были помѣщены статьи: И. Я. Амнифѣева, А. П. Артари, Л. И. Бородавскаго, проф. А. Ф. Брандта, В. В. Богданова, П. Вольногорскаго, Н. Н. Вануловскаго, проф. С. П. Глазенапа, М. И. Голеникина, проф. А. С. Догеля, М. И. Демкова, Л. Н. Елагина, В. Е. Жадовскаго, Б. М. Житнова, проф. Н. Ю. Зографа, Н. Ф. Золотницкаго, проф. Н. Ф. Кащенко, проф. Н. И. Кузнецова, проф. И. А. Каблунова, проф. Н. М. Кулагина, Г. А. Кожевникова, М. А. Кожевниковой, проф. А. К. Краснова, М. Э. Мендельсона, С. П. Меча, Г. А. Надсона, А. М. Никольскаго, Н. Д. Носилова, проф. А. П. Павлова, А. Н. Рождественскаго, проф. В. В. Саломинкова, Н. А. Сатунина, К. К. Сентъ-Илера, М. М. Сіазова, В. И. Талѣва, проф. И. А. Тимирязева, проф. А. А. Тихомирова, П. Р. Фрейберга, проф. В. М. Шимкевича, П. Ю. Шмидта и нѣкоторые другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 р. 50 к.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 и 1904 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ: Москва, Донская, домъ Даниловой.

Редакторъ-издатель М. П. Варавва.

Русскій Антропологическій Журналь,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла *А. А. Ивановскаго* (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 г., предсѣдателя Отдѣла *проф. Д. Н. Анучина*); выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на 1905 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Историческій Музей, Секретарю Антропологическаго Отдѣла *А. А. Ивановскому*.

Редакція

„ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ“

ПЕЧАТАЕТЪ ПЛАТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ПОЗАДИ ТЕКСТА.

Цѣна одного объявленія на цѣлой страницѣ—
10 руб., на $\frac{1}{2}$ страницѣ—5 р. 50 коп. и на $\frac{1}{4}$
страницѣ—3 рубля.

Постороннія приложенія для разсылки при изданіи принимаются по особому соглашенію.

Конторамъ, доставляющимъ объявленія, дѣлается скидка: съ объявленій русскихъ 10%, съ объявленій заграничныхъ 20%.

Поступила въ продажу новая книга:

АРХАНГЕЛЬСКІЯ ВЫЛИНЫ

и

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ,

собранныя А. Д. Григорьевымъ въ 1899—1901 гг.

Съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа.

Томъ I. Часть I: Поморье. Часть II: Пинега.

Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

Сборникъ объемомъ въ 48 печатныхъ листовъ 8° и содержитъ въ себѣ, помимо текстовъ 212 поморскихъ и пинежскихъ былинъ и историческихъ пѣсней, еще 56 напѣвовъ къ нимъ, предисловіе ко всему изданію, свѣдѣнія объ эпической традиціи въ Поморѣ и Пинежскомъ краѣ, біографіи пѣвцовъ и пѣвицъ, предисловіе къ напѣвамъ, алфавитные указатели и обзоръ варьянтовъ былинъ и историческихъ пѣсней.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ и Вильнѣ.

Можно получить также въ книжныхъ магазинахъ Суворина (въ Москвѣ, Петербургѣ и др. городахъ) и Вольфа, Путиловой, „Трудъ“ и др. въ Москвѣ.